

А.А. Немировский

**ЮКАГИРСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
(«РОДЫ») И ИХ ИМЕНОВАНИЯ В КОНЦЕ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

Москва

2022

**УДК 93/94
ББК 63. 3(0)31
Ю23**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

**Ю23 Немировский Александр Аркадьевич
Юкагирские подразделения («роды») и их именованя в
конце XVIII – первой половине XX вв. – М., 2022.**

Монография исследует и сводит воедино разновременные, в том числе архивные данные о составе, именовании, языках и этническом самосознании юкагирских и относивших себя к юкагирам подразделений последней трети XVIII – начала XX вв. Работа рассчитана на читателей, интересующихся культурой и историей юкагиров, родовым и административно-родовым составом и этнической историей Сибири и Дальнего Востока. Печатается в авторской редакции. Тираж 500 экз.

Рецензенты:

**член-корреспондент РАН, д.ф.н., проф. В.В. Напольских
(РАНХиГС)**

к.и.н., н.с. Н.В. Плужников (Отдел Севера и Сибири ИЭА РАН)

к.п.н., в.н.с. П.Е. Прокопьева (ИГиПМНС СО РАН)

к.и.н., с.н.с. В.В. Филиппова (ИГиПМНС СО РАН)

н.с. В.И. Шадрин (ИГиПМНС СО РАН)

От автора

Цель настоящей работы – внести вклад в решение намеченной в юкагироведении [например, Пространство 2020: 25–26, 28–29] задачи по созданию систематизированной сводки данных о составе и номенклатуре юкагирских потестарно-территориальных сообществ («родов») XVIII – XX вв., включая соотнесение их различных именовании в источниках XVIII – XX вв. друг с другом, а также с определенными юкагирскими «родами» русской документации XVII в. (где «родами» одинаково называли и юкагирские племена, и их подразделения).

Для удобства ориентации читателя в материале, изложенном нами ниже, сразу адресуем его к Приложению 1 раздела III (с. 170–176: обзорные перечни юкагирских племен XVII в., а также «юкагирских» по официальному русскому учету и/или самоопределению административных родов второй половины XIX в.), а также к картам раздела III (с. 184–189): ареалы названных племен в середине XVII в. и названных административных родов – в конце XIX в.). Эти перечни и карты позволят читателю сразу представить в общих чертах историко-географическое место групп, о которых пойдет речь ниже.

Оправдание настоящей работы мы видим:

во-первых, в том, что в ней сведены воедино данные, ранее приводившиеся разрозненно в различных трудах и публикациях без сопоставления друг с другом (в то время как подобное сопоставление позволяет проследить и реконструировать и состав и номенклатуру юкагирских «родов», и линии непрерывной преемственности от юкагирских подразделений XVII в. к позднейшим юкагирским административным родам русского учета XIX – начала XX вв., как и звенья истории самих этих родов);

во-вторых, в том, что к этим данным мы добавили некоторые до сих пор не опубликованные материалы (прежде всего исключительно ценные записи Н.Н. Березкина [Березкин 1939], фиксирующие сообщения информантов из разных юкагирских и неюкагирских родов конца XIX – первой трети XX в.; эти сообщения проливают свет на многие ранее неизвестные эпизоды истории различных юкагирских групп) и некоторые материалы, уже опубликованные, но либо не вводившиеся в научный оборот (например, воспоминания и предания нижеиндигирского эвено-юкагирского населения XX в., приведенные в [Кочкин 2016]), либо не привлекавшиеся для исследований интересующей нас темы – состава и номенклатуры юкагирских подразделений (например, сообщение верхнеколымских юкагиров об их кочевках и локальных группах в начале XX в. [Maslova 2001: Kolyma text 1 «Одулы»]; архивные документы Омолонских и Омотских родов, опубликованные или изложенные в [Бурова 1966; Гурвич 1969; Иванова-Унарова 2017]);

в-третьих, в подробной реконструкции традиционной потестарно-территориальной организации юкагиров на примерах от XVII до конца XIX

– начала XX вв. (группа совместного кочевания, она же собственно «род» – субплемя – племя) и демонстрации ее континуитета на протяжении этого времени (см. прежде всего § 1 в разделе I; надеемся, что нам, в частности, удалось выявить особый промежуточный уровень этой организации между кочевой общиной [«родом»] и племенем или общностями, отвечающими уровню племени; объединения этого промежуточного уровня мы условно назвали субплеменами. Мы стремились показать также, что так называемые «роды» юкагиров в источниках – это потестарно-территориальные подразделения разных уровней указанной структуры, и что из источников явствует четкое представление юкагиров и из соседей о принадлежности определенной территории в определенных границах тому или иному подразделению потестарно-политической структуры);

а также в уточнении соотношения юкагирских объединений, существовавших в рамках традиционной юкагирской потестарно-территориальной организации, и их подразделений, с юкагирскими административными «родами» русского учета – самоуправляющимися сообществами коллективных плательщиков ясака по этому учету (§ 2 в разделе I); показано, что в качестве таких сообществ русские власти бессистемно выделяли подразделения разных уровней потестарно-территориальной структуры юкагиров (от групп совместного кочевания до племен), а традиционные юкагирские объединения этих подразделений могли продолжать функционировать в жизненном укладе самих юкагиров, хотя официальный административный учет Российской империи мог этого не отражать;

Привлечение, сопоставление и сведение воедино вышеназванных материалов позволило нам, как мы надеемся, как мы надеемся, установить и уточнить ряд ранее неизвестных или неясных звеньев истории юкагирских племен и подразделений. Прежде всего это касается следующих сюжетов:

история формирования и происхождение Омолонских и Омотских юкагирских родов русского учета (см. прежде всего прим. 35 и 41 в разделе II); идентификация этих родов с теми или иными родами по учету 1-й Ясачной комиссии и Колымской переписи 1811 г. (см. прежде всего прим. 1 и 40 в разделе II);

уточнение судьбы юкагирского племени омоков, его связи с позднейшими Омотскими родами русского учета и различных преломлений воспоминаний об этом племени в преданиях позднейших групп, вобравших его потомков, и их соседей (прим. 35, 39 и 41 в разделе II); предлагаемая нами интерпретация вызывающего дискуссии сообщения юкагира Егора Татаева из рода *хододьил* (1927 г.) обо всей общности юкагиров тундренного языка как об «омоках» (мы стремились показать, что здесь сказалась особая именовательная традиция, восходящая к вхождению какой-то группы потомков исторического племени омоков в состав *хододьил*, см. прим. 37 в разделе II);

уточнение судьбы племени шоромба и вклада его потомков в формирование тех или иных юкагирских административных родов (прим. 9 в разделе II, прим. 6 в разделе III);

дополнение истории формирования ряда юкагирских родов, а именно: рода эрбэткэн – потомков юкагирского племени янда (см. прежде всего прим. 7 в разделе II), Каменно-юкагирского рода Верхоянского округа – потомков юкагирского племени онойди (прим. 7 в разделе II), Буяксирского юкагирского рода (см. особенно прим. 12 в разделе II) и Кункугурских юкагирских родов (см. особенно прим. 9, 19–21 в разделе II);

интерпретация ранее не вводившегося в научный оборот индигирского предания о нижнеиндигирском юкагирском племени «хангаев» князя Аллая и его переселениях; предложения по дополнению истории Бетильского «хангайского» тунгусско-юкагирского рода с учетом этих преданий (прим. 33 в разделе II);

уточнение состава локальных подразделений верхнеколымских юкагиров (§ 1.4 (д) в разделе I; прим. 55 в разделе II), выявление территориального названия всей их общности и отражения его в русских источниках XVII в. (прим. 72 в разделе I и др.); реконструкция судьбы различных подразделений верхнеколымского племени когимцев в XVIII в. и происхождения ряда юкагирских административных родов от этих подразделений (прим. 5, 40, 41, 44, 52 в разделе II); интерпретация сообщений конца XIX в. о недавнем (для того момента) исчезновении группы омонских юкагиров под названием «когимэ» и сообщений об исчезновении тогда же и там же группы юкагиров под названием «конгиэндьи», в соотнесении тех и других сообщений друг с другом и с данными о судьбе Омонских родов и, конкретно, 3-го Омонского рода (прим. 50 в разделе II);

идентификация трех составных частей Нижнеколымского юкагирского общества (официально – расширенный 1-й Омонский род русского учета), указанных у Н.Н. Березкина (прим. 42 в разделе II);

идентификация так называемого «Оймяконского юкагирского рода», указанного у Н.Н. Березкина, но не упоминающегося в других источниках (прим. 56 в разделе II);

выявление сохранения двух субгрупп юкагирского племени коромоев в составе его потомков и после объединения этого племени в один административный род русского учета, вплоть до начала XX в. (прим. 7, 8 в разделе II).

Обоснования этих и других предложенных нами реконструкций приводятся главным образом в таблицах раздела II и примечаниях к ним (с. 52–169).

Мы также провели соотнесение официальных названий юкагирских административных родов рубежа XIX – XX вв. с их местными само- и ино-названиями, а также названиями, под которыми они фигурируют в более поздних материалах (прежде всего у Тэки Одулока и Н.Н. Березкина), с одной стороны, и в сводном и местном административном учете более ран-

них времен, второй половины XVIII – первой половины XIX вв., с другой стороны (этот материал приведен в таблицах раздела II со ссылками).

Специальное внимание уделено нами также:

– соотношению происхождения, языка и этнической самоидентификации соответствующих групп (в этой области могли возникать самые разнообразные комбинации), а также этническому сознанию юкагиров (см. особенно прим. 2 в разделе I и § 3.2 в разделе I с прим. 83, с. 44 сл.; введение к таблицам раздела II, прим. 2, с. 49). Теоретических и сравнительных аспектов этих вопросов мы в настоящей работе не касались, сосредоточившись на основных предметных сведениях о том, как в этой сфере обстояло дело у групп, которые сами заявляли себя как «юкагирские» (в терминологии различных языков, носителями которых они являлись) и/или назывались «юкагирскими» в различных источниках; при возможности мы приводили сведения о доминирующем или единственном языке каждой группы на то или иное время и о ее этнической самоидентификации;

– терминологии, которой сами юкагиры оформляли свои подразделения различного уровня (§ 3.1 раздела I) и статусы их глав (§ 3.3 раздела I), типам и разновидностям самоназваний этих подразделений (§ 3.1 раздела I);

– выявлению и систематизации сведений о более широких – надпотестарных (т.е. надродовых-надобщинных и надплеменных), иными словами собственно этнических общностях, включая общеюкагирскую, и о терминах, которыми покрывали себя те или иные юкагирские группы и общности (раздел III, приложение 2), как потестарные, так и надпотестарные = собственно (суб)этнические.

Для удобства читателя справочная информация по названным выше вопросам в кратком сводном виде вынесена в Приложения и карты раздела III (с. 170–189, в том числе таблицы юкагирских наименований подразделений и их групп, включая (суб)этнонимы, с объемами их приложения в узких и расширенных смыслах, с. 182–183), детальнее – в сводную таблицу к разделу II после с. 113 (движение юкагирских подразделений и изменений в их составе и наименованиях от XVII до XX вв.).

Приносим глубокую благодарность за сотрудничество и поддержку замысла настоящей работы специалистам-юкагироведам, этнологам и лингвистам – (в алфавитном порядке) В.С. Акимовой, Э.С. Атласовой, А.А. Бурыкину, Л.Н. Жуковой, В.В. Напольских, И.А. Николаевой, П.А. Прокопьевой, В.В. Филипповой, В.И. Шадрину.

К работе приложен также диск с ее текстом в электронном виде (формат pdf с возможностями контекстного поиска); черно-белым картам и некоторым черно-белым таблицам печатного текста в электронном варианте работы соответствуют цветные.

I

Потестарно-территориальные сообщества («роды», «племена») юкагиров и терминология русских источников XVII – XX вв.

Прежде чем перейти к непосредственному представлению материала по большинству заявленных выше тем, необходимо охарактеризовать сами потестарно-территориальные сообщества юкагиров, фигурирующие в различных источниках под русским термином «род». Прежде всего для этого понадобится описать традиционную потестарно-территориальную организацию юкагиров XVII века и последующих времен: именно она оформлялась русской административной терминологией, выделявшей различные юкагирские «роды».

§ 1. Традиционная потестарно-территориальная организация юкагиров (к моменту прихода русских и далее).

Забегая вперед (подробности см. ниже, в §§ 1.1 – 1.4), мы можем кратко описать традиционную потестарную организацию юкагиров следующим образом (ср. таблицу к § 1.4, (д), после с. 26). Базовым (и в то же время наименьшим) потестарно-территориальным объединением юкагиров была организованная группа совместного кочевания – кочевая община; она постоянно или большую часть времени кочевала и располагалась на стоянке как одно целое и осуществляла самоуправление (единицами, составляющими каждую такую общину, были уже семьи, каждая из которых в норме имела отдельное жилище на стоянке);

– несколько (примерно от 5 до 15) таких групп совместного кочевания составляли устойчивую самоуправляющуюся ассоциацию (ее общее самоуправление координировало взаимоотношения входящих в нее групп совместного кочевания и поддерживало распределение территорий между ними). Эти потестарно-территориальные ассоциации в современной историографии (в частности, в работах Б.О. Долгих) принято называть «племенами» (по крайней мере, когда речь идет о временах их независимости и о XVII в.). Между уровнем такого «племени» и уровнем входивших в него групп совместного кочевания часто существовали промежуточные уровни объединения (когда по несколько групп совместного кочевания составляли такое промежуточное объединение, а уже эти промежуточные объединения составляли вышеназванную ассоциацию, обозначаемую в нашей историографии термином «племя»).

Наконец, некоторые юкагирские племена в XVII в. поддерживали с какими-либо из соседних юкагирских племен (а иногда, видимо и с соседними эвенскими племенами) устойчивые конфедеративные связи, тем самым формируя еще бóльшие, надплеменные военно-политические

ассоциации (конфедерации / союзы племен). Кроме того, племя могло распаться на отдельные племена¹, а подразделения или представители одного племени (или даже целое племя) могли войти в другое племя и образовать одно или несколько подразделений в его составе; участниками подобного взаимодействия бывали и разноэтничные группы, так что подобным путем в юкагирское племя могли попадать целые подразделения неюкагирского происхождения, и наоборот, что, в свою очередь, могло приводить к смене языка всего племени и общности его потомков, будь то вместе со сменой их этнической самоидентификации или без нее².

---

¹ Например, как следует из ряда преданий, до середины II тыс. н.э. существовало верхнеиндигирское племенное объединение юкагиров в составе трех подразделений; из-за внутренних конфликтов оно распалось, и каждое из этих подразделений обособилось как независимое племя: одно отошло на верхнюю Колыму и позднее было известно как племя верхнеколымских юкагиров – когимэ, они же онмунды («ононги», «ононзи» русского документа РГАДА, ф. 1177, оп.2, ст.6, л.19, см. прим. 72 в настоящем разделе), другое сместилось на Мому и среднюю Индигирку и было позднее известно как юкагирское племя шоромба, а третье еще долго оставалось на верхней Индигирке; позднее большая его часть переместилась на Яну и была известна к середине XVII в. как юкагирское племя онойди, а другая часть, остававшаяся по-прежнему на верхней Индигирке, обэвенилась и уже к моменту прихода русских рассматривалась как часть ламутов, хотя у некоторых соседей еще и в начале XX века именовалась «Оймяконским юкагирским родом» [Немировский 2019].

² Так, юкагирское племя онойди в XVII в. состояло из двух больших подразделений, именовавшихся в русских источниках Зельянским родом и Петайским родом [Долгих 1960: 390–392]; как видно из названия первого из этих подразделений, оно сформировалось на основе вошедших в племя онойди эвенских групп, вышедших из ламутского (эвенского) племени дельянов (зельянцев). Тем не менее в XVII в. племя онойди сохраняло юкагироязычие: «а онойди оленные люди, а юкагирской язык» [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 64]. Позднее потомки онойди (Каменно-юкагирский род Верхоянского округа по русскому учету второй половины XIX – начала XX вв.) говорили лишь по-эвенски (ср.: в русском учете первой трети XIX в. они числились, видимо, как один из «Каменно-ламутских» родов [см. прим. 7 к таблице в разделе II], что можно объяснять именно их эвеноязычием), но сохраняли юкагирскую идентификацию [Иохельсон 2005: 95; Кочкин 2016: 18, 29, 34, 44, 73], в силу чего русский учет с середины XIX в. и числил их именно «юкагирским» родом (см. выше). При смешении в XVIII в. эвенского (ламутского) племени кукугиров (кункугурцев) с индигирскими юкагирами образовалось три рода; в итоге в XIX в. все они говорили только по-эвенски, но два из них имели юкагирскую идентификацию (и с середины XIX в. числились в русском учете как 1-й – 2-й Кун(ку)гурские «юкагирские» роды), а третий – «тунгусскую», т.е. эвенскую идентификацию (и с середины XIX в. числился в русском учете как 1-й Кун(ку)гурский «тунгусский» род), притом, что «юкагиры» Кункугурских юкагирских родов сохраняли воспоминания о том, что некогда они и «тунгусы» 1-го Кункугурского тунгусского рода были «единым родом» (фактически этим единым родом являлось бывшее племя кукугиров)

Определенную трудность для исследователя создает то, что в различных русских источниках и племена, и их подразделения разного уровня (вплоть до группы совместного кочевания включительно) одинаково именуются «родами»; точно так же в юкагирской терминологии они одинаково именовались термином *омо*- ‘народ, род, сообщество, отдельная совокупность людей или иных живых существ’ (см. прим. 4 в настоящем разделе). Конфедерации / союзы племен «родами» в русских источниках не именовались и вообще не отражались в русских источниках как объединения (что, очевидно, следовало их юкагирскому восприятию): сведения о них представлены исключительно в форме сообщений о совместных действиях и устойчивой дружбе одного племени (в русских источниках XVII в. – «рода») с другим. Так, русские источники XVII в. отражают подобные дружественные и союзные связи между племенем олюбенцев и племенем алайи [Долгих 1960: 404; Гурвич 1966: 15–16], между племенем янга и племенем шоромба [Долгих 1960: 404], между нижнеколымским племенем омоков и племенем верхнеколымцев-когимэ (см. ниже, § 1.5), между племенем онойди и соседним эвенским племенем «ламутков» (буяксиры, ламатканы) [см. Немировский, Прокопьева 2017: 154–156; Немировский 2019], но никаких наименований, которые объединяли бы подобных союзников, не приводят и не воспринимают эти союзы как некие единства – в источниках эти союзные друг с другом племена почти неизменно представлены как отдельные общности, просто поддерживающие взаимно-дружественные связи, выступающие союзно на войне и т.д. Лишь омоки и верхнеколымцы-когимэ иногда именуются совокупно в русских источниках «ковымскими мужиками», но и в рамках этого словоупотребления их тут же подразделяют на группы «оленных

[Иохельсон 2005: 96–97]; о юкагирской идентификации Кункугурских «юкагирских» родов конца XIX – первой трети XX в. и о признании их «юкагирами» со стороны соседей см. также [Кочкин 2016: 18, 73] и наше прим. 19 к таблице в разделе II.

Приведенные примеры показывают самые разные комбинации вариантов соединения разноэтничных групп (включение эвенов в юкагирское племя в случае онойди, включение юкагиров в эвенское племя в случае кункугурцев), дальнейшей языковой принадлежности сформировавшейся общности (конечное эвеноязычие во всех приведенных примерах, что продолжало исконную языковую принадлежность племени для кункугурцев и меняло ее для потомков онойди) и ее конечной этнической идентификации, которая могла отвечать языку, и, независимо от него, исконной этнической идентификации соответствующего племени, а могла не отвечать тому и/или другой (потомки онойди восходили к юкагирскому племени, вбивавшему группы эвенов, говорили по-эвенски, считали себя юкагирами; кункугурцы восходили к эвенскому племени, вбивавшему в себя юкагиров, говорили по-эвенски, при этом одни подразделения кункугурцев считали себя юкагирами, другие – «тунгусами», т.е. в данном случае эвенами).

ковымских мужиков» (омоки) и «пеших ковымских мужиков» (когимцы), см. прим. 43 к настоящему разделу.

Охарактеризуем теперь названные уровни потестарной организации юкагиров более подробно.

§ 1.1. *Группа совместного кочевания* (= «род» в узком смысле слова).

Как упоминалось, наименьшим потестарно-территориальным объединением юкагиров было то, что можно назвать «сообществом (группой) совместного кочевания (и совместного ведения хозяйства)», то есть кочевая община³. Это было устойчивое объединение ряда семейств, которое большую часть времени перемещалось как одно целое и располагалось на месте как одно целое, одним стойбищем (в норме каждое из семейств, входивших в такую группу совместного кочевания, имело отдельное жилище в составе стойбища). Оно вело добычу и ее распределение как единый организованный коллектив, предпринимало как одно организованное целое боевые действия, вершило суд над своими членами и т.д., располагая своим особым самоуправлением. Каждое такое сообщество совместного кочевания возглавлялось одним старейшиной; большим влиянием пользовался совет «стариков» – глав семейств, входящих в это сообщество; старейшина сам был одним из этих «стариков» и выполнял функции главы их совета (о соответствующих юкагирских терминах см. ниже, § 4).

Каждая такая кочевая община имела определенную территорию кочевания и добычи, рассматривала себя одновременно как потестарно-территориальное сообщество и как сообщество людей, связанных родственными узами (отсюда ее обозначение в русских текстах словом «род»), и прилагала к себе соответствующие юкагирские термины – прежде всего *омо* ‘род, народ’⁴, а также, в частности, у верхнеколымских

³ См. Иохельсон 2005: 173–179; Спиридонов 1930/1996: 36–42; Плужников, Шадрин 2010: 664.

⁴ Юкагирск. *омо* значит любую организованную, любую потестарно или этнолингвистически обособленную совокупность людей и даже обособленную совокупность других живых существ (табун лошадей) [ЮРС: 338]. Применительно к людям это слово в нарицательном значении называло потестарно-территориальные и более крупные этнические единства разного охвата: «*омо/род*» в смысле группа совместного кочевания, подчиняющаяся одному старейшине [ЮРС:338: «Старик Курилэу своему *омо* сказал: “Этих людей подбросьте с одной дороги до другой”»]; различные потестарные объединения таких групп; и, наконец, общность людей и групп людей, говорящих на одном языке или родственных языках, даже если никакого потестарного единства у этой общности никогда не было (то есть непотестарную, а лишь этноязыковую общность в современной терминологии) – например, *йаха-д омок* «якутский народ» [Иохельсон 2005: 174; *йаха-* из якутского самоназвания *саха*], *лучи-д омо* «русский народ» [Иохельсон 1897:161; *лучи* –

юкагиров, еще и термины *кудэйэ* (потомки одного предка, будь то реально или номинально) и *миибэ* (люди, связанные в единый коллектив по своим обязательствам, живущие по одному связывающему их закону/обычаю)⁵. У большинства таких общин существовало действительное кровнородственное ядро, но в общину входили и лица, не-родственные людям этого ядра по крови или даже ни по крови, ни по свойству (мужья и жены, взятые из других общностей, иные выходцы из других общностей, в том числе целые семьи и группы семей). Каждая такая кочевая группа-община почитала определенного персонажа как своего предка-прародителя, и в этом почитании участвовали все члены группы независимо от того, у кого из них была действительная родственная связь с фигурой, почитаемой как этот предок-основатель, а у кого – нет (сам факт того, что у одних членов группы такая связь есть, а у других ее нет, осознавался, но включению последних в почитание этой фигуры как предка-основателя рода не мешал: для них он оказывался, таким образом, родовым основателем по адоптации, что, в свою очередь, не мешало им в частном порядке помнить и чтить своих действительных физических предков)⁶. В русской терминологии Тэки Одулока группа совместного кочевания также именовалась «родом»⁷. Кроме того, любое объединение юкагиров, начиная с семьи (входившей в группу совместного кочевания или, в виде исключения, жившей отдельно, то есть оказывавшейся единицей того же уровня суверенности, что и группа совместного кочевания) и выше, покрывалось юкагирским термином *-дыи, чии* ‘люди’ (в коллективно-собирательном смысле).

В русской документации XVII в. и далее группы совместного кочевания обозначались (как и объединения более высокого уровня) русским термином «род». При этом группа совместного кочевания в

юкагирск. «русский»), *андун-д омни «(в)адульский [= юкагирский] народ», см. ниже § 3.2. В этом нарицательном смысле слово *омо(к)* могло служить расширением к собственному названию любого объединения юкагиров (*Чолборо-д-омок* ‘Заячий (на)род’, *Ани-д-омок* ‘Рыбий (на)род’, *Мэдьиш-д-омок* ‘Нартенный (на)род’ – самоназвания трех потестарно-территориальных подгрупп верхнеколымских юкагиров второй половины XVIII – конца XIX вв. [Иохельсон 1898: 275; Иохельсон 1900: 106 сл; Иохельсон 2005: 98]). Наконец, тот же термин *омо(к)* мог применяться, уже как имя собственное, в качестве названия определенного племени (нижнеколымские *омоки*); употребление нарицательных терминов с дословным смыслом «люди», «народ» и т.д. как имен собственных – этнонимов – не редкость в мировой этнонимии.

⁵ См. об этих терминах [Иохельсон 2005: 174; Долгих 1960: 441; НШ: 166].

⁶ См. подробно Иохельсон 2005: 174–178. Рода как особой кровнородственной организации, не совпадающей с разбиением на общины (когда в одну и ту же родовую организацию входят представители разных общин, связанные друг с другом действительными кровнородственными узами), у юкагиров не зафиксировано.

⁷ Спиридонов 1930/1996: 37–38 и др.

названной документации определялась обычно по имени своего главы, основателя или особо авторитетного человека, как «род такого-то», «такой-то с родниками» и т.д.

Обычной численностью группы совместного кочевания (кочевой общины) в XVII – XIX вв. было около 25–40/50 человек, хотя при депопуляции эта численность могла падать (вплоть до того, что такое сообщество могло свестись к одному семейству или исчезнуть вообще – с полным вымиранием или переходом последних его представителей в другие кочевые общины), а у юкагиров-оленеводов в исключительных случаях численность одной кочевой общины могла, наоборот, переваливать за 100 человек, достигая даже 150⁸.

§ 1.2. *Племена.* Порядка полудесятка – десятка – полутора десятков групп/сообществ совместного кочевания (= «родов» в узком смысле слова) образовывали устойчивую потестарно-территориальную ассоциацию (численность ее колебалась обычно от 100 с лишним до 600 с лишним человек). Такая ассоциация занимала определенную территорию, имела общего верховного вождя (им был старейшина одного из входивших в ассоциацию «родов» в узком смысле слова, то есть той или

---

⁸ Согласно ясачным книгам, среди «родов», входивших в племя алазейских юкагиров, три «рода» – Манзиты (ок. 150 чел.), Каллы (ок. 100 чел.) и Ниничи (ок. 135 чел.) – насчитывали каждый в несколько раз больше людей, чем прочие «роды» того же племени (по 25–50 чел. каждый) [Долгих 1960: 406–408]. Между тем русские документы XVII в. [Долгих 1960: 409 с прим. 181] удостоверяют, что указанный «род» Манзиты кочевал как единое целое и останавливался одним стойбищем в составе 17 жилищ-«юрт»: в этих документах сообщается, что у 17 юрт алазейского «рода» Манзиты на «Алазейском Камне» индигирские служилые и промышленные люди отбили, ограбив их, 90 оленей и 150 нарт с имуществом. Ясно, что речь идет об одном грабительском нападении на одно стойбище, а не о сумме ущерба от разных нападений на некие разные стойбища, принадлежавшие людям «рода» Манзиты; таким образом, указанные документы сообщают о стойбище «рода» Манзиты, насчитывавшем 17 юрт, то есть, в норме, 17 семей. При распространенной численности семьи в 6–7 человек это дало бы в общем около 110–120 человек, а если бы эти семьи были ближе по численности к таким семьям, как верхнеколымская юкагирская семья Василия Шалугина в 13 человек [конец XIX в., Иохельсон 1898: 270 сл.] – то 150–200 человек и более. Согласно ясачным книгам, весь многочисленный «род» Манзиты насчитывал около 150 человек, что полностью отвечает указанному стойбищу этого «рода» в 17 юрт: подобное стойбище и должно было вмещать весь «род» указанной численности. Таким образом, весь исчисляемый по ясачным книгам «род» Манзиты в ок. 150 чел. представлял собой одно сообщество совместного кочевания, останавливающееся одним стойбищем – хотя это примерно в четыре раза превосходило средний размер «рода» алазейских юкагиров, кочующего одним стойбищем. То же самое остается относить к повышено-многолюдным «родам» Каллы и Ниничи.

иной группы совместного кочевания; иногда ассоциацию возглавляли и два вождя), могла предпринимать как организованное целое боевые действия и т.д. Единство ее поддерживалось на ежегодных съездах всех входивших в ассоциацию групп совместного кочевания. Большую часть времени каждая из этих групп кочевала на своей территории, но регулярно все такие группы, входившие в одну ассоциацию обсуждаемого уровня, съезжались, общались и решали общие дела (при ведущей роли старейшин групп совместного кочевания, входивших в ассоциацию, и особенно того из них, кто был верховным вождем всей ассоциации). Ассоциация утверждала за каждой группой совместного кочевания определенную территорию для ведения на ней кочевания и добычи, разбирала конфликты между такими группами, нарушения ими границ друг друга, занималась вопросами общей «внешней политики» и т.д. Б.О. Долгих [Долгих 1960] закрепил обозначение таких ассоциаций термином «племя». Русские источники позволили Б.О. Долгих для середины – третьей четверти XVII в. до н.э. надежно установить количество и размещение юкагирских племен⁹: их было тогда 13 от Лены до Анадыря (янда, коромо, онойди, янга, шоромба, олюбенцы, алайи, омоки, «верхковымские юкагиры» – когимэ / онмунды [«ононги/ононзи», не путать с онойди¹⁰], лавренцы, ходынцы, чуванцы, анаулы¹¹).

Племена нередко имели по два названия: собственно родовое и территориальное. Например, племя, известное в русских источниках как «верхнеколымское»¹², имело собственно родовое название *когимэ* ‘вóроны, люди вóрона’, а территориальное – *онмунды* ‘люди реки Онмун = (Верхней) Колымы’ [Иохельсон 1898: 257] и *онмун омни* ‘народ реки Онмун = (Верхней) Колымы’ [Долгих 1960: 420, по материалам В.И. Иохельсона].

В русских источниках XVII в. юкагирские «племена» также именуются «родами», но определение каждому такому «роду» дается уже

⁹ Аргументация Б.О. Долгих по вопросам их идентификации как юкагирских с тех пор, с нашей точки зрения, не была поколеблена (независимо от степени включения в те или иные из этих общностей групп, семей и лиц эвенского и иного неюкагирского происхождения, определение этих общностей как юкагирских в русских источниках, на которое опирался Б.О. Долгих, ошибочным быть не могло).

¹⁰ См. ниже, прим. 72.

¹¹ Отметим, что окончания на –цы, –зи(и), –ди, –(д)зи, –ги в русской записи юкагирских этнонимов передает юкагирское окончание –ды, –чи «люди», см. ниже § 3.

¹² В русских документах XVII в. – «верхковымские юкагиры» [РГАДА ф. 1777, оп. 2, ст.6, л. 24]; «верховские» [колымские] юкагиры [РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 650, л.1–3; публикация Полевой 1965, особ. 288]; «ковымские пешие мужики» (в противопоставление «ковымским оленным мужикам» – омокам) [ОРМ 31: 128]; они же – «ононги / ононзи» (из юкагирск. *онмунды*, см. ниже, прим. 72) [РГАДА ф. 1177, оп.2, ст.6, л. 19].

не по имени вождя/старейшины или иного его члена (как в случае с именовани^{ем} «родом» группы совместного кочевания, см. выше), а в соответствии с его реальным племенным самоназванием, с прибавлением слова «род» или без него: «юкагиры ходынского рода», «ходынцы» (самоназвание *хододьил*), «ононзи, ононги» (самоназвание *онмун-дьи*), «онойди» (достаточно точная передача самоназвания), «юкагиры чуванского рода» (самоназвание *чауан-дьи*) и т.д. Юкагиры обозначали такие ассоциации теми же самыми терминами (*омо-* и пр.), что и сами группы совместного кочевания, входившие в эти ассоциации; видимо, именно поэтому русские источники XVII в. и называют эти ассоциации («племена» в современной научной терминологии) тем же словом «род», что и их наименьшие автономные подразделения – группы совместного кочевания.

§ 1.3. *Субплемена*. Весьма часто, а возможно, и почти всегда внутри «племени» существовал еще один, промежуточный уровень потестарно-территориальной организации: несколько групп совместного кочевания образовывали внутри «племени» особо тесную ассоциацию (со своим вождем, своим самоуправлением, своими съездами и т.д.) меньшего охвата, чем все племя, а уж такие ассоциации в совокупности составляли племя, то есть поддерживали друг с другом ассоциацию следующего порядка, проявляющуюся, в частности в вышеупомянутых съездах всего племени (примеры см. ниже). Считая от группы совместного кочевания, уровень всего племени тем самым оказывался иерархически третьим, а не вторым. Тем самым обсуждаемые ассоциации промежуточного (второго) уровня удобно было бы называть «субплеменами». Юкагиры называли их теми же терминами *омо-* и пр., что подразделения более низкого и более высокого уровня. Русские источники XVII в. называют такие ассоциации промежуточного уровня (в нашей терминологии – субплемена) также «родами» либо просто отражают их как подгруппу некоего большего «рода» (= племени в современной терминологии). Б.О. Долгих в одном месте предлагал, по сути, именовать то, что мы назвали группой совместного кочевания, «мелким» родом, а то, что мы назвали субплеменем – «крупным родом» (указывая, что этот «круцный род» делился на «мелкие роды»¹³, а сам входил в «племя»), но эта терминология не прижилась.

Как показывают русские источники XVII в., каждое субплемя состояло из нескольких групп совместного кочевания, а племя – из 2-3 субплемен. Вероятно, что в некоторых случаях этого особого субплеменного уровня могло в каком-то племени и не быть (в таком случае группы совместного кочевания образовывали племя напрямую, без промежуточных объединений, которые мы назвали субплеменами).

¹³ Долгих 1960: 441.

§ 1.4. *Примеры трехуровневой (кочевая община = группа совместного кочевания > субплемя > племя) потестарно-территориальной структуры у юкагиров.*

Приведем примеры XVII и конца XIX – начала XX вв., когда заполнены были все три вышеуказанных уровня.

(а) Русские источники XVII в. выделяют общность «юкагиров Ходынского рода», а внутри нее – три подгруппы: «Ходынский род» на верхнем Анадыре, «(второй) Ходынский род» (он же «Ходынского рода низовые мужики») на нижнем Анадыре и еще одну группу ходынцев на Пенжине, причем «родов» самого низкого уровня в общем составе ходынцев, согласно тому же русскому учету, было намного больше – около 15, в среднем по 45–50 человек на один такой «род»¹⁴. Иными словами, ходынцы обнаруживают все три названные выше уровня объединений: около 15 «родов» низшего уровня (несомненно, группы совместного кочевания) > 3 территориальные подгруппы (также «роды» в русских источниках, субплемена в нашей терминологии), объединяющие эти «роды» низшего уровня > объединение самих этих подгрупп, племя ходынцев в целом (в русских источниках – «Ходынский род» в самом широком смысле этого выражения).

(б) Русские источники XVII в. сообщают, что племя юкагироволюбенцев состояло из двух территориальных подгрупп [ОРМ 32: 133], и в то же время насчитывают в составе этого племени 7 «родов», в среднем по 40 человек на «род»¹⁵. Здесь наблюдаются те же уровни потестарной организации, что и выше (7 родов = 7 групп совместного кочевания, 2 образуемых ими субплемени, вместе последние образуют все объединение олюбенцев).

(в) русские источники XVII в. сообщают, что в юкагирском племени алазейцев два «князца» – Невгоча и Мундита (то есть два больших подразделения), причем из них «лутчей князец», т.е. старший вождь – Невгоча [ОРМ 32: 134], но в то же самое время знают в том же племени алазейцев восемь «родов» ясачного учета¹⁶, самый большой из которых – «род» Манзиты (того же Мундиты) – насчитывает около 150 человек, но все равно кочует как одна группа и разбивает стойбище численностью в 17 юрт¹⁷. Вновь мы видим те же уровни, что и выше: 8 «родов» ясачного учета = 8 групп совместного кочевания, входящих в два субплемени (Невгочи и Мундиты-Манзиты), составляющие вместе все племя

¹⁴ Долгих 1960: 426–428, 431, 437.

¹⁵ Долгих 1960: 401–402.

¹⁶ Долгих 1960: 407–408.

¹⁷ Долгих 1960: 409 и прим.181; см. выше, наше прим. 8.

алазейцев; Манзита – и верховный вождь всего племени алазейцев, и вождь одного из двух его субплемен, и глава одного из восьми его «родов» (т.е. старейшина одной из групп совместного кочевания, входивших в состав соответствующего субплемен; именно эта группа совместного кочевания, возглавляемая Манзитой непосредственно – самая большая по численности во всем племени), и, конечно, глава какого-то из семейств в самом этом своем «роде» – своей группе совместного кочевания.

(г) Согласно русским документам ясачного обложения, в юкагирском племени шоромба было, как указывает Б.О. Долгих, «восемь-девять родов с 10—12 мужчинами-охотниками в каждом. Это была, видимо, их низовая социально-экономическая ячейка, совместно кочевавшая и промышлявшая и делившая добычу по семьям»¹⁸. Иными словами, каждый из этих 8–9 «родов» был именно группой совместного кочевания. Никакого промежуточного, субплеменного уровня деления между этими «родами» и всем племением шоромба русские источники прямо не отражают, но отсюда еще не следует, что его не было. Кстати говоря, тот факт, что указанные «роды» шоромба платили ясак не в одном, а в двух зимовьях: одни из этих «родов» в Подшиверском, а другие в Зашиверском – может косвенно отражать как раз их возможное разделение на два соответствующих субплемен, вероятной границей между которыми мог быть Момский хребет.

(д) Тэки Одулок подробно описывает¹⁹ ту потестарную организацию своей собственной общности – верхнеколымских юкагиров – которую та имела в 1900-х – 1910-х / 1920-х гг. (в административном русском учете эта общность отражалась как «Ушканский род» X-й ревизии, переписи 1897 г., якутской переписи 1917 г. и т.д.). Описание его выглядит так: имеется общность коркодонских юкагиров (хорходон-дьи, от названия реки Хорходон = Коркодон) и общность ясачненских юкагиров (чахадэн-дьи, от названия реки Чахадэн = Ясачной); раньше имелась еще и третья общность – поповских юкагиров (ньяатпэн-дьи, от названия реки Ньяатпэн = Поповки), но из-за массового вымирания ее членов она исчезла как отдельная общность. Эти три общности Тэки Одулок называет в своей терминологии «племенами»²⁰. В каждую из этих общностей

¹⁸ Долгих 1960: 401.

¹⁹ Спиридонов 1930/1996: 25, 37, 41 сл.

²⁰ Ниже мы будем называть эту систему именовании трехчастным делением верхнеколымских юкагиров; русский административный учет точно воспроизводил его во второй половине XVIII – первой трети XIX века, когда выделял на верхней Колыме Ушканский род (= ясачненцы), Нартицын / Нартинский род (= коркодонцы) и Рыбников / Рыбниковский род (= поповцы). Затем, в 1830-х – 1850-х гг. последние

входит по несколько «родов», каждый «род» кочует как одно целое и включает по несколько семей. Две уцелевшие общности (как ранее – все три) поддерживают друг с другом потестарное единство, реализующееся на общих съездах этих общностей – коркодонской и ясачненской.

Тэки Одулок именуется съезд коркодонской и ясачненской общностей верхнеколымских юкагиров «общенациональным собранием» («нацией» в этой терминологии оказывается вся общность верхнеколымских юкагиров, включавшая в 1910-х – 1920-х гг. лишь коркодонцев и ясачненцев) и описывает всю эту систему так:

«...Мы встречаем одулов в верховьях реки Колымы... Здесь они делятся на две группы: Ясачные [Ясачненские] и Коркодонские. К первой принадлежат также и одулы с рек Поповка и Шаманкино, а к последней – с рек Толба, Корколлона, Бургалы и Шайдана. Как видно, названия групп здесь исключительно территориальные, то есть по названию тех рек и речек, по которым одулы расселяются. Сами себя они также называют, например, “хорходон-ды”, то есть люди с Коркодона; “чахадон-ды”, то есть люди с реки с мёрзлой рыбой [Чахадон] (так называют реку Ясачную); “нэтбэн-ды”, т.е. люди с Куропаточной реки (р. Поповка) и т.д.»²¹; «одулы реки Ясачной в количестве 10 семейств считают себя кровно-родственными, тогда как всех прочих, например, Шаман[кин]ских, Коркодонских, Поповских и т.д. считают только родственными. Я лично склонен думать, что группа, которая... носит общее название по занимаемой ею территории, например, “люди с Коркодона”, “люди с Ясачной”, “люди с Омоллона” и т.п., является так называемым племенем... Племя распадается на отдельные части, т.е. [большие] семейства, или, выражаясь общепринятым языком, роды (однако понятие “род” или “большая семья” более обширно, чем описанная вначале простая семья)...»²². В начале кочевья совет каждого ‘племени’ в терминологии Одулока [т.е. коркодонского и ясачненского ‘племен’] указывает составляющим это ‘племя’ ‘родам’ маршруты и районы кочевий, «затем напоминает им [родам – советом племени] срок прибытия в устье Ясачной для общенационального собрания. ...Общенациональное собрание, или собрание всех племен [т.е. коркодонцев и ясачненцев, а ранее еще и поповцев] происходило в начале июня... недалеко от устья реки Ясачной.... Первым пунктом собрания [‘племен’] является деловая часть, где все большаки родов [входящих в каждое ‘племя’] сообщают, коротко и ясно, о всех делах, начиная с прошлого года, удачах и неудачах, счастья и несчастья. Весь народ, сам по себе, под предводитель-

---

два рода оказались административно упразднены, а люди их – влиты в Ушканский род, хотя сами верхнеколымские юкагиры еще долго продолжали различать в своем составе три соответствующие общности.

²¹ Спиридонов 1930/1996: 25.

²² Спиридонов 1930/1996: 37.

ством старейшин, выслушивает и наконец выносит то или иное решение. Чаще всего по вопросам вражды выносятся решения мира и помощи друг другу и дают понять, что тот или иной род действовал неправильно или сделал нарушение традиций и законов и тем самым опозорил себя и весь народ»²³; «самое основное, ведущее к междоусобицам – вторжение племени в район чужого кочевья. Если группа родов, племя, проживает в районе реки Ясачной, то вторжение туда обитателей реки Поповка или Шаманкина немислимо [недопустимо и вызывает конфликт], и наоборот, хотя они и являются более близкими соседями»²⁴.

По этим сведениям и по совокупности их с сообщениями В. Иохельсона²⁵ однозначно получается, что потестарное объединение верхнеколымских юкагиров конца XIX в. (его территориальное самоназвание, согласно В. Иохельсону, было *онмунды* – люди р. Онмун = Колымы²⁶ и *онмун омни* – народ р. Онмун = Колымы²⁷) делилось на три территориальных подразделения: *чахадэндьи* / *чахадонды* (люди с р. Чахадэн / Чахадон = Ясачной), они же *чолбород-омок* = Ушканский / Заячий (на)род²⁸, *ньяатпэндьи* (люди с р. Ньяатпэн = Поповки), они же *анид-омок* = Рыбий (на)род²⁹, и *хорходонды* (люди с р. Хорходон = Коркодона), они же *мэдьид-омок* = Нартенный (на)род³⁰, а каждое из этих трех подразделений делилось на группы совместного кочевания.

Характерно, что в начале XIX в. каждая из этих трех общностей в русском учете оформлялась как отдельный административный «род», а в 1830-х – 1850-х гг. они были слиты воедино в один административный род (Ушканский, в который были включены люди двух других общностей), но на восприятие самих верхнеколымских юкагиров это не повлияло, они продолжали делить себя на три соответствующие общности³¹.

²³ Спиридонов 1930/1996: 41–42.

²⁴ Спиридонов 1930/1996: 39.

²⁵ Спиридонов 1930/1996: 25 и Иохельсон 2005: 98, с коррекциями по Иохельсон 1898: 275, Иохельсон 1900: 106 сл., ФЮ: 14.

²⁶ Иохельсон 1898: 257.

²⁷ Долгих 1960: 420 (по материалам В.И. Иохельсона).

²⁸ В конечном счете от *чолг_норо*, «заяц» [НШ: 80]. В русских документах Ушканский род.

²⁹ В конечном счете от *анил*, «рыба» [НШ: 14]. В русских документах Рыбников и Рыбниковский род.

³⁰ В конечном счете от *миидьши*, «нарта» [в современной транскрипции, НШ: 41]. В русских документах Нартицын, Нартинский и Нартенный род.

³¹ Обсуждаемое административное объединение состоялось в 1830-х – 1850-х гг., а еще и в 1890-х гг., согласно В. Иохельсону, *чахадэндьи* по-прежнему квалифицировались самими верхнеколымскими юкагирами как особый, отличный от прочих верхнеколымских юкагиров Заячий [*Чолгоро-д-*] *миибэ*, Заячий *кудэйэ* и Заячий *омо* (все три слова значили в разных аспектах род, общину, организованное сообщество, см. выше), *ньяатпэндьи* – как, соответственно, особый Рыбий [*Ани-д-*]

Далее, как мы только что видели в процитированных пассажах, для коркодонской общности Тэки Одулок указывает четыре территориальных подгруппы: с Толбы [= Столбовая], самого Коркодона, Бургалы и Шайдана [Спиридонов 1930/1996: 25]. Всех подгрупп ясачненцев Одулок не указывает, но констатирует, что в их число входят юкагиры с Шаманкина (они же у Одулока «Шаманкин род», представленный одной семьей³²) и юкагиры с Поповки; эти две группы, хотя и входят в общность ясачненцев, противопоставляются у Одулока всем прочим ясачненцам (а иногда и ясачненцам вообще) и выступают то парой, то как единство, но в то же время отличаемы друг от друга как два отдельных подразделения – шаманкинцы и поповцы³³. Из всего этого следует, что обсуждаемые «поповцы» (в узком смысле слова) и «шаманкинцы» в составе ясачненцев – это остатки двух подразделений, ранее составлявших ту самую третью общность верхнеколымских юкагиров – общность «поповцев» (в более широком смысле слова) – которая из-за депопуляции перестала, как упоминает Одулок, существовать в качестве отдельного целого; ее остатки, сохраняя подразделение на собственно поповцев и шаманкинцев, влились в общность ясачненцев, но сохранили в ней обособленное положение по отношению к прочим ясачненцам.

Таким образом, Тэки Одулок называет не только три общности, вместе составлявшие единство верхнеколымских юкагиров (ясачненцы, коркодонцы и поповцы; последние сначала существовали как отдельная общность, а потом влились своими остатками в состав ясачненцев), но и территориальные подразделения более низкого уровня; эти подразделения входили в состав трех названных общностей в качестве их составных частей – подгрупп. Для коркодонцев Одулок называет четыре таких подгруппы (в том числе собственно коркодонцев, в наиболее узком смысле слова); для былых поповцев – две подгруппы (собственно

миибэ // кудэйэ // омо, а хорходонды – как особый Нартенный [Мэдыш-д-] *миибэ // кудэйэ // омо* [Иохельсон 2005: 173–174].

³² Отсюда выражение Тэки Одулока: такой-то «из семьи (рода) Шаманкина» [Спиридонов 1930/1996: 37].

³³ Это следует из совокупности следующих замечаний Тэки Одулока: верхнеколымские одулы «делятся на две группы: Ясачные [Ясачненские] и Коркодонские. К первой принадлежат также и одулы с рек Поповка и Шаманкино...» [Спиридонов 1930/1996: 25]; «одулы реки Ясачной в количестве 10 семейств считают себя кровно-родственными, тогда как всех прочих, например, Шаман[кин]ских, Коркодонских, Поповских и т.д. считают только родственными» [Спиридонов 1930/1996: 37]; «самое основное, ведущее к междоусобицам – вторжение племени в район чужого кочевья. Если группа родов, племя, проживает в районе реки Ясачной, то вторжение туда обитателей реки Поповка или Шаманкина немислимо [недопустимо и вызывает конфликт], и наоборот, хотя они и являются более близкими соседями» [Спиридонов 1930/1996: 39].

поповцев, в наиболее узком смысле слова, и шаманкинцев); в 1910-х гг. и далее обе эти подгруппы уже были в составе ясачненцев. Подразделений общности ясачненцев, кроме этих двух исконно поповских подгрупп, вошедших в итоге в состав ясачненцев, Одулок не указывает.

Эта картина полностью подкрепляется и дополняется сообщениями верхнеколымских юкагиров конца XX в. [Maslova 2001: Kolyma text 1 + Nikolaeva 2006: 315, 321, 365, см. прим. 55 к таблице в разделе II]. В этих сообщениях упоминаются следующие локальные подгруппы верхнеколымских юкагиров первой трети XX в.:

кожэдэн-дьи (шаманкинцы, люди реки Кожэдэн = Шаманихи, она же Шаманкина у Одулока),

ньаспэн-дьи (поповцы, люди реки Ньаспэн/Ньяатпэн = Поповки; термин применен в том же – самом узком – смысле, в каком у Одулока при отличии «поповцев» от «шаманкинцев»);

нунгэдэнанил-дьи, они же нунгэдэн-дьи (нелемненцы, люди реки Нунгэдэн = Нелемной / Зап. Рассохи), рассматривавшиеся как некие центральные представители всего Ушканского рода (как видно из того, что название *нунгэдэндьи* употреблялось и как название всего Ушканского рода [Nikolaeva 2006: 315]), то есть общности ясачненцев³⁴;

чахадэн-дьи (ясачненцы, люди с реки Чахадэн = Ясачной; этот термин применен здесь не в том смысле, как в трехчастном делении верхнеколымских юкагиров, отраженном у В.И. Иохельсона и Тэки Одулока, а в более узком значении, в котором обсуждаемые «ясачненцы» отличаются от вышеназванных «нелемненцев», в то время как к числу «ясачненцев» трехчастного деления одинаково должны были относиться и те, и другие – и обитатели р. Ясачной, и обитатели р. Нелемной);

ойбэн-дьи (омулевцы, люди реки Ойбэн = Омулевки; уже в силу своей локализации они также должны были входить в состав «ясачненской» общности трехчастного деления верхнеколымских юкагиров на «ясачненцев», «поповцев» и «коркодонцев»);

пудэгэль-дьи (досл. «люди верхнего течения, верховий» – часть общности коркодонцев, обитавшая в верхнем течении рек их ареала.

---

³⁴ Повторим, что Ушканским родом называлась в русском учете второй половины XVIII – первой половины XIX вв. одна из трех вышеупомянутых общностей верхнеколымских юкагиров, а именно общность ясачненцев. Однако в середине XIX века остальные две из этих общностей утратили свой былой статус отдельных единиц русского административного учета – их люди были административно влиты в Ушканский род с подчинением его «князцам», и с этого времени именование «Ушканский род» могло употребляться, помимо своего исконного значения (общность ясачненцев в составе единства верхнеколымских юкагиров), еще и в расширенном смысле – все единство верхнеколымских юкагиров в составе всех трех (позднее – двух) его общностей, выступавшее с середины XIX в. как один административный Ушканский род русского учета.

Возможно, пудэгэльдьи тождественны шойданской подгруппе коркодонцев у Тэки Одулока).

Это подробное деление перечисляет мелкие объединения, которые уже по своему количеству и локализации не имеют такого масштаба и таксономического уровня, как общности «ясачненцев», «коркодонцев» и «поповцев» трехчастного деления верхнеколымских юкагиров, а сами являются подгруппами трех этих общностей. Так, кожэдэндьи-шаманкинцы и ньаспэндьи-поповцы – это группы, которые у Тэки Одулока фигурируют (под теми же названиями «поповцы» [в самом узком смысле] и «шаманкинцы») как подгруппы, которые ранее составляли общность «поповцев» трехчастного деления, а с исчезновением ее как отдельной общности из-за депопуляции вошли в состав общности «ясачненцев» трехчастного деления; омулевцы, нелемненцы и отличающиеся от них «ясачненцы» в соответствующем, самом узком смысле слова географически могут быть только подгруппами общности «ясачненцев» трехчастного деления; пудэгэльдьи – одна из подгрупп общности «коркодонцев» трехчастного деления.

Таким образом, в совокупности Тэки Одулок и воспоминания юкагиров конца XX в. рисуют следующий состав трех (позднее двух) общностей верхнеколымских юкагиров:

- в общность «ясачненцев» трехчастного деления (то есть ясачненцев в широком смысле слова) входили в качестве ее подгрупп нелемненцы, омулевцы, ясачненцы в узком смысле слова (возможно, и еще какие-то подгруппы); с исчезновением общности «поповцев» как отдельного целого составлявшие ее подгруппы поповцев (в более узком смысле слова) и шаманкинцев также вошли в состав общности «ясачненцев» (в широком смысле слова);

- в общность «поповцев» трехчастного деления (то есть поповцев в широком смысле слова) входили в качестве ее подгрупп поповцы в узком смысле слова и шаманкинцы; повторим, что затем, после депопуляции, обе эти группы своими остатками влились в общность «ясачненцев» в широком смысле слова и стали ее подгруппами, а бывшая общность «поповцев» (в широком смысле слова) тем самым перестала существовать;

- в общность «коркодонцев» трехчастного деления (то есть коркодонцев в широком смысле слова) входили в качестве ее подгрупп люди с Толбы, коркодонцы в узком смысле слова, люди с Бургалы и люди с Шайдана (последние, возможно, тождественно «верховцам»-пудэгэльдьи информантов конца XX в.).

Всего получается около десятка меньших подразделений-подгрупп с территориальными названиями, разбитых на три (потом на две) общности (сначала – на ясачненцев, поповцев и коркодонцев, потом просто на ясачненцев и коркодонцев).

Какой уровень потестарной организации юкагиров занимали указанные меньшие подгруппы? По Тэки Одулоку, они являются непосредственными составными частями общностей (в терминологии Одулока – ‘племен’) «ясачненцев», «коркодонцев» и «поповцев». Между тем по другим указаниям Тэки Одулока указанные общности (‘племена’) непосредственно делились на группы совместного кочевания (которые Одулок называет ‘родами’), а те, в свою очередь, на простые семьи; никаких промежуточных уровней потестарной организации между отдельными семьями и общностями (‘племенами’) «ясачненцев», «коркодонцев» и «поповцев», кроме групп совместного кочевания (‘родов’), согласно описаниям Одулока, нет. По совокупности получается, что перечисленные выше подгруппы с территориальными названиями, входящие в состав общностей ясачненцев, коркодонцев и поповцев – это и есть группы совместного кочевания, на которые разделялись эти общности³⁵. Названия этих подгрупп (омулевцы, нелемненцы и т.д.) – это, таким образом, территориальные названия групп совместного кочевания (‘родов’ в терминологии Тэки Одулока) верхнеколымских юкагиров³⁶.

---

³⁵ В противном случае получилось бы, что указанные три общности ясачненцев, коркодонцев и поповцев делились на вышеуказанные территориальные подгруппы (омулевцев, нелемненцев и пр.), а уже каждая из них, в свою очередь – на группы совместного кочевания. Но это противоречило бы и описаниям Тэки Одулока (по которым каждая из общностей ясачненцев, коркодонцев и поповцев прямо делилась на группы совместного кочевания), и числовым данным. Совокупность верхнеколымских юкагиров описываемого у Одулока времени – то есть тогдашний Ушканский род русского административного учета – насчитывала ок. 1900 г. 79 человек без влившихся фактически в состав рода эвенов-дельянов и 159 человек, считая с ними [Иохельсон 2005: 98], а в конце 1920-х гг., считая вместе с указанными дельянами – 136 человек [Спиридонов 1930/1996: 26]. Если бы вышеуказанные территориальные подгруппы этой совокупности (входившие в три, потом в две общности, на которые она непосредственно делилась), т.е. омулевцы, нелемненцы и пр. – как мы помним, этих подгрупп было около десятка – сами в свою очередь разделялись на группы совместного кочевания, то это составило бы минимум 20–30 групп совместного кочевания, что давало бы численность всего Ушканского рода в несколько раз большую, чем реальная. Если же обсуждаемые территориальные подгруппы сами являлись группами совместного кочевания, то все встает на свои места: около десятка групп совместного кочевания вполне могли в начале XX в., учитывая депопуляцию, иметь суммарную численность в 150 человек.

³⁶ Проведенное отождествление каждой из обсуждаемых территориальных подгрупп как группы совместного кочевания может быть в каких-то случаях не исчерпывающе точным, так как к подобной территориальной подгруппе, помимо той или иной группы совместного кочевания, образовывавшей ее основу, могли, вероятно, причисляться и единичные семьи, жившие отдельно в той же местности. Кроме того, с развитием в начале XX в. элементов перехода к оседлому образу жизни сама группа совместного кочевания меняла характер, становясь на путь постепенного

В обнаруженной картине видны те же самые три уровня организации, что выявляются по материалам XVII в.: по несколько семей («простых семей») объединены в «роды», каждый из которых кочует как отдельное целое по своему маршруту и территории (в нашей терминологии такой «род» называется группой совместного кочевания = кочевой общиной); по несколько таких «родов» образуют потестарно-территориальные единства следующего уровня – в данном случае это общность коркодонцев и общность ясачненцев, ранее еще и общность поповцев (в терминологии Одулока это «племена», в нашей терминологии – субплемена, в терминологии Б.О. Долгих – роды большего масштаба, включающие по несколько малых родов), а эти две (ранее три) общности, в свою очередь, образуют потестарно-территориальное единство высшего уровня – «весь народ» верхнеколымских юкагиров (тем самым этот «весь народ» Одулока, то есть объединение верхнеколымских юкагиров – общность того самого уровня, которая в общепринятой и разделяемой нами терминологии Б.О. Долгих именуется «племенем»; именно «племенем» Б.О. Долгих называет аналогичную общность верхнеколымских юкагиров XVII в., как и прочие стоящие на том же таксономическом уровне юкагирские общности той эпохи).

Таким образом, трехуровневая потестарная структура (группа совместного кочевания – субплемя – племя) была характерна для юкагиров, ведущих традиционный образ жизни, и в XVII, и в первой трети XX в.³⁷

Отметим, что при депопуляции тех или иных подразделений возможной становилась ситуация, когда какое-то подразделение высшего уровня оказывалось представлено единственным подразделением одного из предыдущих уровней (вплоть до единственной семьи). Однако такая ситуация не могла быть продолжительной и разрешалась растворением этого подразделения в одном из соседних³⁸ или его исчезновением. Что касается глав подразделений всех этих уровней, то вождем племени должен был быть кто-то из вождей входящих в это племя субплемен, а

приближения к территориальному объединению семей и небольших групп семей, проводящих все больше времени на постоянном месте жительства.

³⁷ Такая система уровней была достаточно обычным явлением в догосударственной Евразии. Ср. славянский тип, известный по древнепольскому примеру: семьи, населявшие одну деревню, составляли минимальную (сельскую) общину, несколько таких деревенских общин составляли более крупную общину – ополье (ополье); ряд ополей образовывал одну из древнепольских «земель», соответствовавших этнополитическим образованиям, которые в литературе традиционно называли «племенами» [Helcel 1870: 18 f., Греков 1954: 284 слл.; Бромлей и др. 1985: 367].

³⁸ Именно так произошло с общностью поповцев (в широком смысле слова), как мы видели выше.

вождем субплемени – один из старейшин родов (групп совместного кочевания), входящих в это субплемя³⁹.

(е) О живучести описанной трехуровневой системы и памяти о ней говорят и сообщения оленеводов прилазейской тундры конца XX в., сделанные ими ок. 1995 г. журналисту и публицисту из Нижнеколымского г. Черский Г.И. Силову. По самоидентификации эти информанты были юкагирами и эвенами, по происхождению – потомками представителей так называемой «хангайской» общности Западной тундры, состоявшей из четырех административных родов юкагирского и эвено-юкагирского происхождения; эти административные роды в начале XX в. заявляли себя как юкагирские, говорили на тундренном юкагирском языке и образовывали конфедеративное единство во главе с Бетильским (он же Хангайский в узком смысле) родом (см. ниже, прим. 3 и 34 к таблице в разделе II). Отметим, что каждый из входивших в это единство административных родов восходил к одному из бывших племен и прямо продолжал его. Некоторые информанты Г.И. Силова задним числом называют людей всего указанного единства эвенами, другие – юкагирами и эвенами или преимущественно юкагирами. Приведем несколько их сообщений.

Юкагир по самоопределению Н.И. Корнилов (84 года): «Помню, тогда [в моем детстве] еще были князья. Они избирались на пять лет и руководили людьми по национальному признаку. Функции у них были те же, что, скажем, у бывшего сельсовета. Им подчинялись князцы, возглавлявшие кочевые роды. А над всеми стоял глава, он находился тогда в Среднеколымске» [Силов 1996: 89].

Эвен по самоопределению С.Н. Татаев: «Хорошо помню, что раньше по Алазее кочевало несколько групп эвенов. Это в западной части тундры (...). Однако в случае необходимости туда прибывали руководители и с восточной стороны — голова и князь. Голова сидел в Юкагирии и объединял всю Олеру» [Силов 1996: 89].

Н.Н. Сивцев «Мои старики-родители говорили: в конкретной части тундры был один хозяин-князек, а в роли, так сказать, бригадиров выступали богатые люди со своими семьями. Они-то и избирали князька из своей среды» (одним из этих «князьков» по контексту дальнейшего рассказа Н.Н. Сивцева оказывается князец одного из упомянутых выше четырех родов – Бетильского – Данило Третьяков) [Силов 1996: 90].

---

³⁹ Невозможно представить себе, чтобы на уровне племени / субплемени, т.е. объединения родов (групп совместного кочевания), существовал какой-то «освобожденный» глава племени/субплемени, не являвшийся при этом главой ни одного их образующих это племя/субплемя родов.

С большей или меньшей полнотой и естественной (учитывая полную смену общественного быта в XX в.) сбивчивостью в передаче былой терминологии здесь отражены три уровня иерархии:

– группы совместного кочевания – «кочевые роды» у Н.И. Корнилова (их главы у Н.И. Корнилова именуется «князцы, возглавлявшие кочевые роды», у С.Н. Татаева – «так сказать, бригадиры»);

– следующий уровень: объединения групп совместного кочевания, каждое из которых возглавляется своим «князцом (Н.И. Корнилов) / князем (С.Н. Татаев) / князьком (Н.Н. Сивцев)»; каждое такое объединение, как показывает пример с Данилой Третьяковым, в русском учете фигурирует как особый административный род;

– и, наконец, объединение нескольких объединений предыдущего уровня (административных родов), возглавляемое «головой / главой» (на деле эту роль и играли князцы Бетильского рода, признававшиеся старшими по отношению к князцам остальных трех конфедерированных с ним родов Западной тундры).

Это фактически та же трехуровневая структура, что прослеживалась на примерах (а–д) выше. При этом административные роды выступают здесь в качестве объединений второго уровня (следующего за группами совместного кочевания). Та же особенность ситуации имела место у трех сообществ верхнеколымских юкагиров (пример д) до слияния их в один административный Ушканский (расширенный) род, то есть тогда, когда Нартицыно, Рыбниково и Ушканское сообщества существовали как отдельные друг от друга административные роды и каждое из них при этом делилось (как и после их слияния в один административный род) на группы совместного кочевания (см. выше, разбор примера д).

В то же время картина, отраженная тундренными информантами Г.Силова, имеет отличительную черту по сравнению с разобранными ранее примерами (а – д). В примерах (а – д) объединение третьего уровня либо было племенем, либо (в примере д) прямо продолжало основную часть бывшего племени (когимцев). В примере же Западной тундры (е) каждый из административных родов, на которые делилось объединение третьего уровня (т.е. четырехродовая общность «хангаев» в широком смысле слова), сам восходил к одному из бывших племен. Зато между уровнем этих административных родов (= бывших племен) и группами совместного кочевания никакого промежуточного уровня здесь не выделяется. В частности, один из четырех родов обсуждаемой «хангайской» общности – 1-й Алазейский род, алайи в узком смысле слова – прямо продолжал бывшее племя алазейских юкагиров (те же алайи). Но в середине XVII в. племя алайи делилось на два субплемена (одно возглавлялось тогда Муидитой, другое – Невгочей, являвшимся также

верховным вождем всего племени), а те, в свою очередь – на группы совместного кочевания (см. выше, пример в), а в иерархии, рисуемой информантами Г. Силова места для какого-либо промежуточного уровня между группами совместного кочевания и административными родами (одним из которых был административный род алайи, продолжавший былое племя алайи), уже не находится.

Иными словами, за время, протекшее с XVII в., былой субплеменной уровень у обсуждаемых нескольких племен тундры перестал существовать (вероятно, из-за депопуляции) и подразделения, занимавшие раньше третий уровень – то есть племена, каждое из которых в данном случае оформлялось русскими властями, начиная с того же XVII в., как отдельный административный род – превратились в сообщества второго уровня, то есть стали делиться на группы совместного кочевания непосредственно. Однако потестарная структура оказалась тут же восполнена и достроена до своего стандартного трехуровневого вида за счет того, что сами эти административные роды (= бывшие племена) образовали постоянную четырехродовую «хангайскую» конфедерацию, которая и занимала теперь третий уровень (функционально отвечающий, таким образом, бывшему уровню племен). Характерно, что и занимала вся эта конфедерация примерно ту же территории, какую ранее, в XVII в. занимало одно племя алайи (ставшее теперь одним из административных родов, входивших в указанную конфедерацию; этот род занимал лишь небольшую часть прежней территории племени алайи, а именно районы при р. Большой Чукочьей, Иохельсон 2005: 92). Таким образом, и по территориальному масштабу, и по уровню в потестарной структуре «хангайская» четырехродовая конфедерация фактически отвечала уровню бывшего племени, хотя каждая ее составная часть сама восходила к одному из бывших племен и продолжала его.

Приведем в таблице (после с. 26) изложенные выше данные о юкагирских подразделениях разного уровня и описывающей их терминологии на примере верхнеколымских юкагиров второй половины XVIII – XIX вв.

§ 1.5. *Конфедерации племен.* Ряд сообщений показывает, что племена могли образовывать конфедерации, выставлявшие объединенные военные силы. Так, В.И. Иохельсону верхнеколымские юкагиры сообщали следующие сведения: с одной стороны, к концу XIX в. южнее устья Ясачной проводились ежегодные съезды всех юкагирских групп, обитавших в бассейне Колымы *выше* этого устья, то есть верхнеколымских юкагиров (что выражало потестарную общность указанных групп = коркодонцев, ясачненцев и поповцев), но не остальных юкагирских групп бассейна

**Таблица к § 1.4, д. Уровни потестарно-территориальной организации юкагиров
(на примере общности верхнеколымских юкагиров XIX – начала XX вв. по В. И. Иохельсону, Тэки Одулоку и сообщениям конца XX в.)**

уровень подразделения		0	I	II	III
подразделение и его состав		семейство, включающее одну или несколько нуклеарных семей	группа совместно кочующих и ведущих совместное хозяйство, родственных (в т.ч. номинально) семейств (единиц уровня 0)	объединение нескольких групп уровня I	общность всех верхнеколымских юкагиров (<i>онмунды</i> , <i>онмун омни</i>), включающая подразделения уровня II
термин, описывающий подразделение	в русск. учете и у В.И. Иохельсона	<i>семья</i>	<i>род</i>	<i>род</i> (Ушканский, Рыбников, Нартенный административные роды второй пол. XVIII – первой пол. XIX вв.)	<i>род</i> (Ушканский [расширенный] административный род второй пол. XIX – начала XX вв.)
	у Б.О. Долгих	<i>семья</i>	<i>(мелкий) род</i>	<i>(крупный) род</i>	<i>племя</i>
	у Тэки Одулока	<i>простая семья</i>	<i>род, или большая семья</i>	<i>племя</i>	<i>«общенациональное» единство</i>
	у самих верхнеколымских юкагиров	«люди»: <i>омниш(нэ)</i> ‘люди’, <i>шоромопул</i> ‘люди’ (с уточнением, о какой именно семье речь); ср. у тундр. юкагиров в той же функции слова <i>чиш</i> ‘люди, люд’ и <i>нимэндьии</i> ‘люди (одного) жилища’	<p align="center"><i>омо</i> ‘род, сообщество;</p> <p align="center">тж. окончание <i>-ды</i> ‘люди’ при территориальных наименованиях, например: <i>ойбэндьи</i> (омулевцы, общность уровня I), <i>хорходонды</i> (коркодонцы, общность уровня II), <i>онмунды</i> (колымцы, общность уровня III)</p>		
признаки, выделяющие подразделение; институты, объединяющие подразделение		собственный глава семьи – <i>полут</i> ‘старик’; отдельный от др. семейств котел для приготовления пищи; отдельное от др. семейств пользование очагом; в норме – отдельное жилище со своим очагом	собственный глава (старейшина), совет глав семей (<i>полутпэ</i>); совместное ведение кочевания, хозяйства, распределения добычи	собственный глава (старейшина; в русском учете главы подразделений этого уровня отражались как «князцы / старосты» Ушканского, Нартенного и Рыбникова адм. родов) и совет; общая территория кочевий, отдельная от территорий кочевий других таких же подразделений; общая рыбная ловля в начале осени	собственный глава («князец / староста» Ушканского [расширенного] адм. рода второй пол. XIX – начала XX вв.); съезд на ежегодное летнее собрание, решающее подлежащее его компетенции вопросы жизни всего объединения и поддерживающее его единство
задачи, решаемые на уровне данного подразделения			совместное кочевание и ведение хозяйства	распределение (в границах общей территории подразделения) участков и маршрутов кочевания для входящих в него подразделений уровня I; общая рыбная ловля в начале осени	решение ряда вопросов взаимоотношений подразделений I – II уровня, поддержание определенного уровня контактов и единства между ними
число и названия соответствующих подразделений у верхнеколымских юкагиров			<p><i>ойбэндьи</i> ‘омулевцы’</p> <p><i>нунгэдэндьи</i> ‘нелемненцы’</p> <p><i>чахадэндьи</i> ‘ясачненцы’ (в наиболее узком смысле слова)</p> <p>-----</p> <p><i>ньяатпэндьи</i> ‘поповцы’ (в наиболее узком смысле слова)</p> <p><i>кожэдэндьи</i> ‘шаманкинцы’</p> <p>-----</p> <p>коркодонцы (в наиболее узк. смысле слова)</p> <p>толбинцы</p> <p>бургалинцы</p> <p>шайданцы (= <i>пудэгэльды</i> ‘верховцы’?)</p>	<p>три подразделения в XIX в.:</p> <p><i>чахадэндьи</i> ‘люди р. Ясачной – Чахадэн, ясачненцы’ = <i>Чолгород</i>-‘Заячий’, русск. Ушканский (= Заячий) [нерасширенный] род</p> <p>-----</p> <p><i>ньяатпэндьи</i> ‘люди р. Поповки – Ньяатпэн, поповцы’ = <i>Анид</i>-‘Рыбий’, русск. Рыбников род</p> <p>-----</p> <p><i>хорходонды</i> ‘люди р. Коркодон, коркодонцы’ = <i>Мэдьиид</i> ‘Нартенный’, русск. Нартенный род</p>	<i>Онмун омни</i> , <i>онмунды</i> («люди р. Онмун– Колымы, [верхне]колымцы»)-

Колымы⁴⁰; с другой стороны, в «древние времена» (т.е. в XVII в., во времена прихода русских) дело обстояло иначе – тогда в том же месте при устье Ясачной проводились аналогичные съезды, представлявшие юкаги-ров куда более широкой территории, чем бассейн Верхней Колымы – а именно, вдобавок к этому бассейну, еще и бассейнов Омолона, Анюев и Нижней Колымы⁴¹. Между тем бассейны указанных рек занимали в XVII в. четыре общности юкаги-ров того же уровня, что и верхнеколымцы-когимэ («племена» в принятой сейчас терминологии Б.О. Долгих и др.), а именно сами когимэ на Верхней Колыме, омоки на Нижней Колыме, нижнем течении Анюев и нижнем Омолоне, лавренцы в среднем течении Омолона и ходынцы в верховьях Омолона, на средне-верхнем Большом Анюеве и далее на восток (до низовьев Анадыря). Коль скоро съезды на Ясачной в «древние времена» представляли юкаги-ров всех этих территорий, получается, что указанные четыре племени поддерживали тогда конфедерацию, органом самоуправления которой и были обсуждаемые съезды. Существование такой конфедерации находит подтверждение в сообщении русского документа XVII в. – отписке Ивана Курбатова [ДАИ. 1862. 8: 180 сл., № 44: XXIII]; согласно ей, в 1681 г. юкаги-ры «Ходынского роду» в количестве «болши двусот человек» окружили отряд Курбатова в верховьях Анюеве по дороге к Анадырскому острогу, но были отбиты. Между тем племя ходынцев не могло бы выставить отряд численностью около 200 человек; из такой численности следует, что Курбатова атаковали не одни ходынцев, а соединенное ополчение ходынцев и нескольких иных племен⁴². Этот военный союз и надо,

---

⁴⁰ «Юкаги-рские роды со всех притоков Колымы как с отдельных ветвей спускались [курсив наш] в главную артерию – в р. Колыму» и в результате собирались на *шахадьибэ* в начале июня [Иохельсон 1898: 265]; в этом съезде при устье Ясачной (у «Прорвы»), наблюдавшемся самим Иохельсоном, принимали участие ясачненские и некоторые коркодонские одулы [Иохельсон 1898: 276].

⁴¹ «В древние времена юкаги-ры Омолона, Анюеве и других рек бассейна Колымы устраивали летние сборы с организацией общих игр (*лододьал*). Место таких сборов называлось *шахадьибэ* (букв. – “место для сборов”). Ясачненские юкаги-ры показывали мне одно из этих мест южнее устья Ясачной. Оно расположено на высоком берегу Колымы и сейчас называется Шаманский камень... Юкаги-ры прибывали сюда весной, до полного таяния снега, с Нижней Колымы, на собачьих нартах и лыжах [The Yukaghir would arrive there from the Lower Kolyma in the spring, before the snow melts completely, on their dog-sledges and snowshoes], и возвращались в свои селения летом на плотках» [Jochelson 1926: 126 = Иохельсон 2005: 187].

⁴² К концу XVII в. у ходынцев было около 120 трудоспособных мужчин, а в середине XVII – до 155 трудоспособных мужчин (соответственно, ок. 480 и ок. 600 человек всего населения) [Долгих 1960: 428]. Ясно, что ходынцы не могли бы отправить против Курбатова около 200 воинов, имея менее 150 трудоспособных мужчин (и всего до 600 человек населения). Более того, поскольку, кроме русских служилых людей, ходынцы тогда враждовали, как видно из изложенных в той же

очевидно, соотносить с конфедерацией когимэ, лавренцев, ходынцев и омоков, независимо реконструируемой по разобранному выше сообщению В.И. Иохельсона о древних съездах на Ясачной⁴³.

отписке событий, еще и с чуванцами, а также, как известно независимо, с чукчами, коряками и ламутами [Долгих 1960: 425, 428], то они не стали бы отправлять на Курбатова всех своих боеспособных мужчин, так как даже в случае победы это оставляло бы их беззащитными перед лицом всех прочих их реальных и потенциальных противников; вообще невозможно представить себе ситуацию, в которой ходынцы выслали бы всех своих трудоспособных мужчин куда бы то ни было, оставив в стойбищах только женщин, детей и стариков. Из сказанного следует, что юкагирское ополчение, которое Иван Курбатов определил как силы «Ходынского роду» (подчеркнем, что точного состава этого ополчения он не знал сам: в той же отписке он указывает, что ему не известно даже то, были ли нападавшие ясачными или неясачными юкагирами), в действительности состояло далеко не только из ходынцев, а приведенное определение получило у Курбатова потому, что оперировало на территории ходынцев и базируясь на ней. Ходынцы в нем, очевидно, и доминировали; в то же время в этом ополчении, кроме них, должны были быть широко представлены какие-то их союзники. 200 ополченцев отвечали бы общей массе населения примерно в 1000 человек, но поскольку, повторим, никакая общность не послала бы на Курбатова *всех* своих боеспособных воинов, реально за обсуждаемыми «болши двусот» ополченцев стояла скорее общая масса до 1500 (если не более) человек населения. 1000 – 1500 человек – это 20 с лишним – 30 с лишним процентов от численности всех юкагиров в ее максимальном для XVII в. виде (всего около 4,7 тыс. чел. [Долгих 1960: 440]) и 25 с лишним – 40 процентов от численности всех юкагиров в 1680-х гг. (всего около 3,7 тыс. чел. [Долгих 1960: 440]), когда разворачивались описанные Иваном Курбатовым события. Юкагиры этого времени составляли 13 общностей, одной из которых и была общность ходынцев, так что ополчение, атаковавшее Курбатова в 1681 г., должно было представлять три-четыре такие общности. Между тем именно четыре общности, включая интересующих нас ходынцев: ходынцы, лавренцы, омоки и когимэ – были ассоциированы друг с другом «в древние времена» ежегодными съездами южнее устья Ясачной, как следует из сообщения В. Иохельсона о таких съездах (см. выше). По совокупности все сказанное побуждает думать, что эти четыре общности действительно образовывали конфедерацию и именно в рамках этой конфедерации было сформировано ополчение, атаковавшее Курбатова в 1681 г. (что не мешало, конечно, каким-то членам этой конфедерации платить ясак и номинально признавать русскую власть). Численный состав четырех перечисленных общностей был следующим: в 1678 г. омоков – ок. 525 чел., когимэ – ок. 345 чел. [Долгих 1960: 421], ходынцев в середине XVII в. ок. 620 чел., к исходу XVII в. – ок. 480 чел. [там же: 428], лавренцев в 1680-х (и до эпидемии оспы 1691-92 гг.) – ок. 120 чел. [там же: 412] – всего ок. 1680 г., таким образом, около 1450 чел. Такая масса населения действительно могла бы послать около 200 бойцов против Курбатова, не оголяя тем самым стойбища от бое- и трудоспособных людей.

⁴³ О тесном союзе нижнеколымского племени омоков с верхнеколымским племенем юкагиров (= когимэ) в XVII в. говорит также челобитье Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна, где говорится о таких взаимоотношениях между князьями нижнеколымцев-омоков и «верховскими [верхнеколымскими] князьями, с

Аналогичный военный союз образовывали янгинцы и шоромба [Долгих 1960: 404], которые совместно вели военные действия против русского отряда в 1642 г. [челобитье Прокопия Краснояра, РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 46].

Как показывает тундренный пример (е), разобранный выше (в конце § 1.5), иногда племена, входящие в конфедерацию, теряли имевшийся внутри них ранее субплеменной уровень (то есть начинали непосредственно делиться на группы совместного кочевания – скорее всего, из-за депопуляции), и в этом случае их конфедерация сама становилась фактически соответствующей былому уровню племени (то есть третьему, считая от группы совместного кочевания). К концу XIX в. такой характер, видимо, имела «хангайская» конфедерация Западной тундры (о ней см. прим. 3 и 34 к таблице в разделе II).

§ 2. Административные «роды» русского учета XVIII – начала XX вв.

В русской административной документации (включая фискальную, посвященную сбору ясака) юкагиры делятся на «роды», в современной литературе их называют административными родами (русского учета). Каждый такой род платил ясак как коллективный объект налогообложения и возглавлялся утверждаемым русской администрацией старостой («князцом»), который нес определенную ответственность за уплату ясака своим родом и т.д. Деление на такие роды достаточно часто менялось во второй половине XVII – середине XVIII в. (их сливали и разъединяли), но во второй половине XVIII в. и далее оставалось устойчивым: одни и те же роды упоминаются десятилетиями, хотя при этом нередко один и тот же род носит в источниках разные названия. Типичными русскими названиями административных родов были либо их самоназвания (например, «Ушканский», то есть Заячий), либо условные этногеографические определения («Каменно-юкагирский род Верхоянского округа», то есть общность нагорных юкагиров, живущая в

Нечю да з братом ево Каляною» [Полевой 1965: 288]. В другом русском документе, ОРМ 31, именно эти покоренные Стадухиным и Зыряном юкагиры Колымы (то есть нижнеколымцы и верхнеколымцы) обобщенно именуется «ковымскими мужиками» (при этом их отличают от «алазейских» юкагиров, ОРМ 31: 128), что также подразумевает определенное единство омоков и верхнеколымцев (их рассматривали вместе как особую общность «ковымских мужиков», отличную от других юкагирских объединений, в частности от алазейцев). В то же время внутри этого единства «ковымских мужиков» тот же документ различает «пеших» и «оленных» ковымских мужиков (сообщается, что алазейские юкагиры ходят «ковымским мужиком к пешим и к оленным в гости»); очевидно, первое выражение покрывает именно племя верхнеколымцев, а второе – нижнеколымцев-омоков.

Верхоянском округе Якутского уезда; «2-й Омолонский род» и т.д.), либо с включением фамилии старост («Омолонский род Чаина» и т.д.).

Иногда в полном виде русское название административного рода состояло из двух определений – общего этнического («юкагирский») и конкретизирующего, а сверх того мог добавляться порядковый номер: «Омолонский Юкагирский род», «Юкагирский Омолонский род»⁴⁴, «3-й Омотский Юкагирский род»⁴⁵. В других документах эти же названия могли писаться усеченно, так что один и тот же род мог фигурировать в разных документах (даже одного и того же времени, тем более разновременных) и как «Омолонский Юкагирский», и как «Юкагирский Омолонский», и просто как «Юкагирский», и просто как «Омолонский» (все это – еще и с возможным прибавлением порядкового номера рода), и как «Юкагирский // Омолонский род такого-то старосты» (например, «Юкагирский род Слепцова», он же «2-й Омолонский» в других документах); а поскольку сменяющие друг друга старосты одного и того же рода могли происходить из разных фамилий, то один и тот же род мог именоваться в разное время по разным фамилиям его старост. В результате один и тот же административный род может фигурировать в разных документах и одного времени, тем более в документах разных времен под разными названиями (см. прим. 40 к таблице в разделе II).

Кроме того, один и тот же административный род в документации мог получать в составе своего названия то определение «ламутский», то определение «юкагирский» – в зависимости от того, какой язык казался русской администрации доминирующим или вообще единственным у этого рода (нередко при реальном его двуязычии), и от того, как она представляла себе происхождение этого рода. Так, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. русский учет знает 2-й Алазейский юкагирский род, он же Каменно-юкагирский род (Колымского округа)⁴⁶. Самоназвание этого рода было *эрбэткэн* – «гуси, гусиные люди», что является эвенской калькой с юкагирского племенного названия *янда* с тем же значением. Эрбэткэны были прямым продолжением юкагирского племени янда, однако вобравшим в себя часть эвенов и перешедшим надолго на эвенский язык как на главный (если не единственный); соответственно, они перешли и на употребление своего этнонима «гусиные люди» уже не в юкагироязычной его форме, «янда», а в эвеноязычной, «эрбэткэн» (не меняя, вероятно, юкагирской идентификации). В XIX в. их единственным или главным языком, однако, вновь стал юкагирский, а именно тундренный юкагирский язык

⁴⁴ См. Гурвич 1969: 91; Бурова 1966: 30.

⁴⁵ Иванова-Унарова 2017: 138.

⁴⁶ Иохельсон 2005: 92. Не путать с Каменно-Юкагирским родом Верхоянского округа.

алазейских юкагиров – алайи (1-й Алазейский род русского учета второй половины XIX в.), с которым эрбэткэны вступили в тесные контакты. Во второй половине XIX – начале XX в. (как, вероятно, и ранее, независимо от употребляемого ими в то или иное время языка) эрбэткэны во всяком случае считали себя одним из юкагирских родов и признавались в этом качестве другими юкагирскими родами (в русских источниках XVII в. их предки янда также определяются как «юкагиры»). К 1900 г. они вновь все больше усваивали эвенский язык благодаря контактам с соседними ламутами и с несколькими группами Индигирки⁴⁷ смешанного юкагиро-ламутского происхождения, эвенскими по языку, но юкагирскими и по доминирующей самоидентификации, и по признанию соседей, и по отражающим все это определениям в русском учете (1-й и 2-й Кункугурские юкагирские и Тюгэсирский юкагирский роды).

Русский учет XVIII – XX вв. отразил все это следующим образом. В XVIII – первых десятилетиях XIX в. административный род, оформляющий общность эрбэткэнов, фигурирует в документации как один из родов, имеющих официальное название «ламутский», а не «юкагирский» (в частности, в переписи 1830 г. этот род значится как один из трех «Каменно-ламутских» родов Колымского округа). Однако с середины XIX в. этот род определяется как Каменно-юкагирский род Колымского округа, он же 2-й Алазейский юкагирский род⁴⁸.

Очевидно, русский учет XVIII – первой половины XIX в. именовал этот род «ламутским» в соответствии с его тогдашним доминирующим эвеноязычием (которое выражалось уже и в осуществленном этим родом переводе своего самоназвания на эвенский), а к концу XIX в. русский учет переопределил его как «юкагирский» в соответствии с его доминирующей самоидентификацией и, видимо, трендами его языковой ре-юкагиризации⁴⁹.

Административные роды русского учета изредка создавались искусственно (например, путем слияния разных потестарно-территориальных подразделений юкагиров в один административный род), но это было исключением из правила; административный род почти всегда являлся обычным, традиционным потестарно-территориальным подразделением / единством юкагиров, которое русская администрация сделала отдельным коллективным плательщиком ясака и учла поэтому как отдельную административную единицу. Однако необходимо подчеркнуть,

⁴⁷ Иохельсон 1900: 217.

⁴⁸ Обо всех изложенных фактах истории и упоминаний эрбэткэнов см. материал таблицы в разделе II и прим. 7 к ней.

⁴⁹ Весьма возможно, что у этого рода никогда вполне не исчезало двуязычие, и указанная реюкагиризация проходила в рамках этого двуязычия, сводясь к переходу главной роли от одного языка к другому.

что отдельным административным родом / отдельным коллективным плательщиком ясака могло быть сделано юкагирское объединение почти любого уровня (и «род»=группа совместного кочевания, и субплемя, и племя в нашей терминологии), все получившиеся таким образом административные роды одинаково обозначались словом «род», и, называя их, русские источники не упоминали ни того, на какие юкагирские подразделения они делятся, ни того, в какие юкагирские объединения они входят. Это и понятно, поскольку русскую администрацию интересовали не территориально-потестарные связи юкагирских групп, а вопросы сбора ясака, между тем ясак платил каждый административный род за себя, отдельно от других – это и было его главным назначением для администрации.

В результате нередко оказывается необходимым специально выяснять два вопроса: 1) подразделением какого реального уровня юкагирской потестарной организации (группой совместного кочевания, субплеменем или племенем) являлся в тот или иной момент такой-то административный юкагирский род русского учета; 2) в какие юкагирские объединения он входил и на какие подразделения делился «невидимо» для русской официальной документации, которая просто не интересовалась такими вопросами.

Например, русский учет уплаты ясака в XVII в. числит в регионе Колымы около 25 «родов», каждый из которых является единицей ясачного обложения и насчитывает по несколько десятков человек⁵⁰; определяются эти роды по именам их главных членов и расписаны по нескольким зимовьям: каждый род платит ясак в одно из них. Ясно, что «родом», коллективно платящим ясак, тут является группа совместного кочевания. При этом принадлежность названных родов к какому-либо объединению в русских источниках не оговаривается – она не интересует их составителей, поскольку не касается вопросов выплаты ясака. Тот факт, что из указанных примерно 25 родов около десятка родов составляли одно племя юкагиров (верхнеколымское племя когимэ), а другие 14 родов образовывали другое юкагирское племя (нижнеколымское племя омоков), был установлен Б.О. Долгих по наведению от других данных.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. на Колыме усматривались русским учетом три юкагирских административных «рода», жившие в разных секторах бассейна Верхней Колымы: Ушканский род = ясачненцы, Рыбников (Рыбниковский) род = поповцы и Нартицын (Нартинский) род = коркодонцы (это были единственные оставшиеся на верхней Колыме потомки верхнеколымского племени когимэ XVII в.; остальные группы когимцев частью исчезли, частью ушли

---

⁵⁰ Долгих 1960: 416–419.

с Верхней Колымы, утратив потестарно-ассоциативные связи с теми, кто там оставался⁵¹). В XIX веке Рыбниковский и Нартицын роды были упразднены, входившие в них обитатели Верхней Колымы – влиты в Ушканский род⁵², и отныне русский учет знал на месте всех этих трех родов только один – Ушканский (в его новом, расширенном виде). Однако, как сообщают В.И. Иохельсон и Тэки Одулок (см. выше, § 1.4, д), сами верхнеколымские юкагиры весь XIX в. продолжали делить себя на три указанные общности (оформлявшиеся до вышеназванного административного слияния как три отдельных административных рода, но для юкагиров остававшиеся отдельными самоуправляющимися общностями и после указанного слияния, см. прим. 31, 33 в настоящем разделе), и при этом весь XIX век эти три общности поддерживали потестарное единство-ассоциацию друг с другом (самоназвание этого единства было *онмунды*, [верхне]колымские люди, от местного юкагирского названия Колымы – Онмун [Иохельсон 1898: 257]), реализующееся прежде всего на ежегодных съездах при устье Ясачной. Об этих съездах одинаково сообщают В.И. Иохельсон применительно к концу XIX в. и Тэки Одулок применительно к первой трети XX в. [Иохельсон 1898: 265, 276; Иохельсон 2005: 187; Спиридонов 1930/1996: 41–42] – с точностью до того, что во времена, описываемые Одулоком, общность поповцев из-за депопуляции уже не существовала как отдельное подразделение, так что единство верхнеколымских юкагиров состояло уже из двух, а не трех подразделений, а именно ясачненцев и коркодонцев (в то время как для русского учета все это единство оставалось с середины XIX в. одним и тем же Ушканским административным родом).

По уровню потестарной организации указанное верхнеколымское единство ясачненцев и коркодонцев (а ранее и поповцев) отвечает

---

⁵¹ Из названных трех родов Рыбниковский и Нартицын существовали уже в XVII в., являясь тогда двумя малыми «родами» (= группами совместного кочевания) в составе племени верхнеколымцев-когимцев XVII в. (всего это племя насчитывало более десятка таких «родов»), а Ушканский род на рубеже XVIII – XVIII вв. выделился из Нартицына [см. Долгих 1960: 416–417]. Остальные малые «роды» (группы совместного кочевания) когимцев частью исчезли, погибнув или рассеявшись по другим родам, частью расселились к 1760-м гг. на север и образовали там три административных Омолонских рода русского учета последней трети XVIII – XIX вв., частью продвинулись еще севернее и смешались с остатками племени омоков (= Омотского рода русского учета в 1738 г.), ассимилировав его по языку; это население смешанного происхождения составило три административных Омотских рода русского учета последней трети XVIII – XIX вв.

⁵² Кроме некоторых членов Рыбниковского рода, перечисленных в 1-й Омолонский рода и переселившихся в его состав на Омолон [см. Гурвич 1966: 138; Попов 7: 61; Иохельсон 1898: 275; Иохельсон 1900: 106 сл. (две последние работы – с неверно указанной, по случайной путанице, датой упразднения Рыбниковского рода)].

«племени» (и действительно, оно было прямым продолжением былого племени верхнеколымцев-когимцев XVII в.); составлявшие его общности ясачненцев, коркодонцев и поповцев отвечают, соответственно, уровню субплемен (а подгруппы, на которые делились сами эти общности – омулевцы, нелемненцы и т.д., см. § 1.4, д – являлись в основном уже группами совместного кочевания).

Таким образом, русский учет не отражал точно юкагирскую реальность. В юкагирской реальности три общности-субплемена – ясачненцы, поповцы и коркодонцы – составляли племенную ассоциацию верхнеколымских юкагиров, и это положение дел было одинаковым и в начале, и в конце XIX в. Между тем русский учет начала XIX в. засчитывал каждую из указанных трех общностей как отдельный административный род (Ушканский, Рыбников, Нартинский), а их тройственную ассоциацию игнорировал и не отражал вовсе. Русский же учет конца XIX в., наоборот, засчитывал всю обсуждаемую верхнеколымскую ассоциацию как один (расширенный) Ушканский род (в который были теперь влиты продолжавшие обитать на Верхней Колыме юкагиры, ранее входившие в Рыбников и Нартинский административные роды), а ее подразделения (все те же самые три общности, существовавшие для юкагиров, пока поповская не исчезла как таковая, влившись своими остатками в ясачненскую) не отражал.

Таким образом, в начале XIX в. каждый административный юкагирский «род» Верхней Колымы по русскому учету отвечал первичному территориальному объединению нескольких групп совместного кочевания, то есть субплемен, а в конце XIX в., после слияния трех этих объединений-«родов» в один новый административный «род», последний отвечал уже единству всех этих объединений (продолжавших функционировать у самих юкагиров как отдельные единства), т.е. всей верхнеколымской общности *онмунды* (по уровню потестарной организации отвечавшей уровню былых племен).

Ярким примером таких потестарных ассоциаций административных «родов» у тундренных юкагиров является существовавшее в конце XVIII – начале XX вв. объединение четырех административных родов так называемой Западной тундры (между Индигиркой и Колымой, с центром при Алазее) – бетильцев-хангаев-вагарильцев (Бетильский «тунгусский» род официального учета), алайи (1-й Алазейский юкагирский род официального учета с середины XIX в.), эрбэткэнов (в официальном учете с середины XIX в. – 2-й Алазейский юкагирский род, он же Каменно-юкагирский род Колымского округа) и хододьил (2-й Каменно-ламутский род официального учета). Эти роды образовывали устойчивую конфедерацию (под старшинством Бетильского рода), но в русском учете административных родов неизменно выступали как отдельные единицы

без указания на их соподчиненность, хотя вне официального учета это конфедеративное объединение фигурировало под обобщающими названиями «хангаи» (в расширенном смысле слова), «алайи» (в расширенном смысле слова) и «хулдича»⁵³.

В рассматривавшихся выше примерах, относящихся к Верхней Колыме, русский учет исходно (в XVII – начале XVIII вв.) конституировал в качестве отдельных административных «родов» самые малые реальные «роды» – группы совместного кочевания; среди них были Нартицын «род», Рыбниковский «род» и Ушканский «род» (выделившийся из Нартицына). Затем каждое из трех названных по именам сообществ разрослось и превратилось из одной группы совместного кочевания в совокупность *нескольких* групп совместного кочевания (уровень субплемена), так что продолжавший оформлять это сообщество административный «род» оказывался охватывающим уже несколько групп совместного кочевания, а не одну, как было поначалу.

В других случаях как административный «род» оформлялось целое племя юкагиров, а иногда в качестве нового административного «рода» выделялись потомки одного такого племени (ранее объединявшиеся с представителями других племен в составе некоего более широкого административного «рода», или, напротив, ранее разбитые на несколько административных «родов»). В этих случаях получалось, что такой административный «род» – это просто прямое продолжение или форма существования былого юкагирского племени.

Например, «Бурулгин род» ясачного учета 1698 г. Уяндинского (Нижнего Индигирского) зимовья – это племя олюбенцев, а «Уяндин род»

---

⁵³ Об этом объединении и его названиях см. материал таблицы в разделе II и примечаний к ней. Отметим еще один вероятный пример такого же типа. В сделанных Н.Н. Березкиным записях повествований представителей различных аборигенных групп вся совокупность Омолонских юкагирских родов русского учета фигурирует периодически как одна общность под названиями «Омолонцы», «Омолонский род», «Омолонский Ушканский род» (не путать с верхнеколымским Ушканским родом), а совокупность Омотских родов русского учета – также как одна общность под названием «Аньюцкий род», «Аньюцы»; при этом сообщается, что эти две общности, Омолонцы и Аньюцы, в свое время находились в дружественных связях, в частности, одна общность как целое слала подарки другой общности как целому, и наоборот [см. в целом Березкин 1939: 18–28]. Из этого можно заключить, что Омолонские юкагирские роды русского учета достаточно долго поддерживали друг с другом, а Омотские – друг с другом потестарные ассоциации, и эти ассоциации-объединения и отразились у информантов Н.Н. Березкина как вышеназванные Омолонский (Омолонский Ушканский) и Аньюцкий «роды». В русском учете конца XVIII – начала XX вв., однако, 1-й, 2-й и 3-й Омолонские роды, как и 1-й, 2-й и 3-й Омотские роды отражены только как отдельные независимые единицы. См. об этом подробнее ниже, в конце прим. 41 к таблице раздела II.

ясачного учета, плативший тогда же в то же зимовье – это племя янга⁵⁴. «Омотский род» в учете 1738 г., плативший тогда в Нижне-Колымское зимовье⁵⁵ – это нижнеколымское племя омоков; после его депопуляции и смешения с выходцами из общности когимцев на его месте русский учет выделял (последняя треть XVIII – XIX вв.) уже три «Омотских рода»⁵⁶.

Племя онойди делилось на две части (= субплемена); в XVII – начале XVIII вв. каждая из этих частей числилась в русском учете как отдельный административный род – Петайский Каменный юкагирский и Зельянский Каменный юкагирский роды, платившие ясак в Усть-Янское зимовье⁵⁷ (здесь, таким образом, статус «родов» официального учета имели субплемена). Но в XVIII в. эти два рода оказались слиты в один новый административный род, выступавший ок. 1740 г. как Каменный юкагирский род Усть-Янского зимовья, а в 1769 г. – как юкагирский Каменный род Зашиверского зимовья; затем, в первой половине XIX в. этот род именовался одним из Каменно-ламутских родов, а с середины XIX в. – Каменно-юкагирским родом Верхоянского округа («каменцы» у Тэки Одулока, см. ниже)⁵⁸. Этот административный род отвечал, таким образом, былому племени онойди.

Юкагирский Каменный род (без уточнений и дополнений названия) Усть-Янского зимовья 1703 г. по русскому ясачному учету – это фактически племя янда; впоследствии он продолжался в виде административного рода, известного в первой половине XIX в. как один из Каменно-ламутских, а с середины XIX в. – как Каменно-юкагирский род Колымского округа, он же 2-й Алазейский юкагирский род (эрбэткэны)⁵⁹; этот административный род, таким образом, продолжал былое племя янда. Алазейское племя алайи в русском учете всегда фигурировало как один административный род (1-й Алазейский юкагирский род в официальной документации второй половины XIX – начала XX вв.). Племя коромоев (*коромо, ‘волчий народ’⁶⁰) делилось на

---

⁵⁴ См. Гурвич 1966: 24. В Уяндином (Индибирском Нижнем) Зимовье, согласно его ясачной книге 1698 г., платили ясак следующие юкагирские подразделения: Бурулгин род (племя олюбенцы), Уяндин род (племя янга), Алазейский род (племя алайи) и Хромовский род (часть хромовцев – субплеменн в составе племени коромоев – которая откололась от сородичей-хромовцев и перешла в ассоциацию с янга, или, вернее, вошла в состав янга, но по русскому учету значилась после этого как отдельный и от прочих хромовцев, и от янга юкагирский административный род).

⁵⁵ Гурвич 1966: 69.

⁵⁶ См. таблицу в разделе II и прим. 35, 40, 41 к ней.

⁵⁷ Долгих 1960: 385, 388–392; Гурвич 1966: 65–66, 70.

⁵⁸ См. в целом Гурвич 1966: 70–72 и таблицу ниже в разделе II с прим. 7 и 9 к ней.

⁵⁹ См. таблицу ниже в разделе II и прим. 7 к ней.

⁶⁰ Долгих 1960: 387.

две части (= субплемена), фигурировавшие в русских источниках как омолоевцы и хромовцы (от *коромо*), каждая из этих частей в XVII в. функционировала как отдельный административный род (соответственно, Омолоевский и Хромовский роды)⁶¹, но в середине XVIII в. они оказались объединены в новый (расширенный) Омолоевский (Омолойский) административный род⁶², в целом отвечающий, таким образом, бывшему племени коромоев. При этом сами члены этого рода (Омолойский род в официальном учете, Булунский род в записях Н.Н. Березкина [Березкин 1939: 44, 50–54]) еще и в XX в. делили себя на две группы, собственно булунскую и усть-янскую [Березкин 1939: 44], отвечающие, как видно из сказанного, двум бывшим субплеменам коромоев, то есть исконным Омолоевскому и Хромовскому родам – хотя административный учет, начиная со второй половины XVIII в., это разделение игнорировал и числил две соответствующие группы вместе как Омолойский (расширенный) род.

Итак, в качестве «рода» административно-ясачного учета могло оформляться объединение любого из трех юкагирских уровней потестарной организации (группа совместного кочевания; территориальное объединение таких групп – субплемя в нашей терминологии; территориальное объединение таких объединений – племя в общепринятой сейчас терминологии), все зависело лишь от того, объединение какого уровня будет рассматриваться как отдельный коллективный плательщик ясака. Официально, для русской администрации, каждый административный род был независим от всех остальных административных родов, хотя на деле несколько административных родов могли образовывать друг с другом потестарную ассоциацию, не отражавшуюся в официальных списках административных родов. Такая ассоциация могла отвечать и уровню племени (в этом случае входящие в нее административные роды отвечали субплеменам⁶³ или даже малым родам = группам совместного кочевания⁶⁴), и даже уровню конфедерации племен (в этом случае административные роды отвечали бывшим племенам⁶⁵).

⁶¹ Долгих 1960: 386–387.

⁶² Гурвич 1966: 72.

⁶³ Ср. приведенный выше пример верхнеколымской юкагирской общности начала XIX в. в составе трех подразделений, учитывавшихся тогда как три отдельных административных рода (Ушканцы-ясачненцы, Рыбниковцы-поповцы и Нартенцы-коркодонцы), каждый из которых делился на группы совместного кочевания.

⁶⁴ Как мы помним, именно эти, наименьшие подразделения омоков и когимцев фигурировали как самостоятельные роды ясачного учета XVII в..

⁶⁵ Так обстояло дело с вышеупомянутой тундренной конфедерацией четырех групп, учитывавшихся как самостоятельные административные роды: бетильцев, алайи, эрбэткэнов и хододьил – из которых алайи были прямым продолжением

§ 3. Юкагирская терминология для обозначения потестарно-территориальных объединений и подразделений и их глав.

§ 3.1. Юкагирские обозначения и названия потестарно-территориальных образований.

Как отмечал В.И. Иохельсон, «каждый юкагирский род [в смысле: субплемя или племя нашей терминологии. – А.Н.] имел два названия: родовое и территориальное» [Иохельсон 1900: 106]. Территориальное обычно давалось по реке, при которой проживала общность. К названию реки чаще всего прибавлялись окончание *-дьи* (лесной юкагирский; в тундренном юкагирском – *-чии*) «люди», нередко передававшееся в русских документах как *-зи*, *-дзи*, *-цы*, реже *-ги* («олюбензи»⁶⁶, «олюбенцы» < юкагирск. *олибэн-дьи; «ходынцы» < юкагирск. *ходо-дьи-л*; «чувандзи», «чуванзи», «чуванцы»⁶⁷ < юкагирск. *чауан-дьи, «местности Чаун/Чаван [Чаунской губы или смежных районов приложения этой топонимической основы] люди» или «[при] море [живущие] люди»⁶⁸; «ононги, ононзи»⁶⁹ < юкагирск. *онмун-дьи*, «люди реки Онмун = (Верхней) Колымы», см. прим. 72 в настоящем разделе), а иногда и почти точно – *-ди* («онойди» – юкагирск. *оной-дьи «лихие, захватывающие добычу, грабящие люди», от юкаг. *оно-* ‘грабить, брать силой’, Долгих 1960: 390). Отметим, что на *-дьи*, как видно уже из приведенных примеров, образовывались названия не только территориальные, от топонимов (обычно гидронимов), но и родовые, от иных слов.

Родовое название иногда означало дословно «люди, мужи» (например, название среднеиндигирского юкагирского племени *шоромба*, «люд», от *шоромо-* «человек») или «народ, сообщество» (например, название нижнеколымского юкагирского племени *омок*, от *омо-* «род, народ») – такое применение слов с нарицательным значением ‘люди’, ‘народ’, ‘сообщество’ как собственных этнонимических названий не исключительно в архаических культурах. Но чаще родовое название давалось по тому или иному животному или предмету: верхнеколымское племя *кобимэ* ‘вороны’, см. ниже; племя коромоев – *коромо <

племени алазейских юкагиров (носившего название алайи, вероятно, и в XVII в.), общность эрбэткэнов продолжала былое племя янда, а хододьил – былое племя ходынцев (удержав и его название)..

⁶⁶ Долгих 1960: 400, табл.; Гурвич 1966: 11, табл.

⁶⁷ Вдовин 1944: 250–251; Вдовин 1954: 80.

⁶⁸ Об этимологии самой основы этого названия (возможно, скорее чукотской, от топонима, связанного с известным топонимом *Чаун-*, чем юкагирской, от юкагирск. *чауул* ‘море’ [как предполагается в Курилов 1968: 70; Курилов 2020: 12 и др.]) см. Бурыкин 2013: 296.

⁶⁹ РГАДА ф. 1177, оп.2, ст.6, л.19.

кор+омо(к) ‘волчий народ’, см. прим. 60 в настоящем разделе; племя яндинцев – *янда* ‘гуси’; племя янгинцев – *янга*, тундр. юкагирск. ‘березы’, см. прим. 81 в настоящем разделе, и т.д.). Иногда слово, называющее это животное или предмет, было прозвищем или основой прозвища предка-основателя или знаменитого старейшины данного рода, и именно поэтому стало названием рода. В этом случае фактически название рода дается по прозвищу предка. Так, родовые названия трех подразделений верхнеколымских юкагиров, которые сами юкагиры передавали как *Чолборо-д-* ‘Заячий’, *Ани-д-* ‘Рыбий’ и *Мэдьши-д-* ‘Нартенный’, а русский учет – как Ушканский, Рыбников / Рыбниковский и Нартицын / Нартинский / Нартенный роды (см. выше), не были даны непосредственно по зайцам, нартам и рыбам, а происходят от прозвищ основателей и старейшин этих родов, а именно Семена Ушкана / Табушкана / Таушкана («Зайца», см. ниже) (конец XVII – начало XVIII в.), Нартицы (середина XVII в.) и Шалаги Рыбника (вторая пол. XVII в.)⁷⁰.

Иногда родовое название образовывалось от той или иной негеографической основы при помощи исхода *-дьи* ‘люди’: *онойди* = *оной-дьи ‘захватывающие добычу люди’, см. выше; параллельные формы *кофимэ* ‘вороны’ и более редкое *кофимэ-дьи* ‘воронов [народа] люди’, см. ниже; самоназвание «ходынцев» русских источников – *хододьил* < *ходо-* + *-дьи* (с неясной этимологией, по предположению Г.Н. Курилова – от *ходол* ‘лодка’ [Курилов 2020: 121]); возможно, к тому же типу относится этноним *алайи* < *алаа-дьи (см. Курилов 2015 и наше прим. 12 к разделу III).

Территориальным названием всего племенного единства верхнеколымских юкагиров XVII в., фигурировавшего в некоторых русских источниках того времени как «верховские [колымские]», «верхковымские» юкагиры (см. прим. 12 в настоящем разделе), было *онмунды*⁷¹ (именно этот термин передавался в написаниях «ононги» и «ононзи» в одном русском документе XVII в. [РГАДА, ф. 1177, оп.2, ст.6, л.19⁷²] и *онмун омни* (люди р. Онмун = Колымы)⁷³, а родовым его

⁷⁰ Долгих 1960: 417.

⁷¹ Иохельсон 1898: 257.

⁷² Об этом документе см. [Долгих 1960: 405]. Содержание документа: в 1648 г. аманаты-алазейцы заявляли, что ясачных алазейских юкагиров не пропускают с Алазеи на Колыму к русским зимовьям «неясачные люди, которые живут на камени [= Алазейское плоскогорье], шоромборы и ононги» (которые в том же документе далее называются «ононзи»). Б.О. Долгих [1960: 390, 406] предположил, что эти «ононги/ононзи» суть оторвавшаяся от своего основного, янского ареала часть известного верхнеянского юкагирского племени онойди; при этом Б.О. Долгих допускал, что в русском документе, где речь идет о этих янских онойди [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 64], их название вариативно пишется как «ононди» [Долгих 1960: 390; автор не смог установить, пишется ли в этом названии выносное «н» или

названием был в XVII в. и далее термин *кобимэ* («вороны, вороньи [люди]»), обычная русск. транскрипция *когимэ*),⁷⁴ тж. *кобимэ-дьи* («люди вороньего [народа]»)⁷⁵. А три общности, составлявшие это единство в XIX в., имели, как упоминалось, следующие пары названий:

русск. Ушканский (= Заячий) род, юкаг. *Чолбород-омок* = Заячий род (название дано по прозвищу его основателя, который фигурирует в русских документах конца XVII – самого начала XVIII вв. как «Семейка [Семен] Таушкан», «омолонский Таушкан» и «омолонский Ушкан» [«ушкан» – рус. ‘заяц’]⁷⁶; в юкагирских преданиях – Табушкан [«табушкан» – тюркск. и якутск. ‘заяц’]⁷⁷) – родовое название; *чахадэндьи* (люди р. Чахадэн = Ясачной) – территориальное;

выносное «й»), что и позволило ему соотносить их название с названием «ононги» Алазейского плоскогорья. Но онойди жили очень далеко оттуда, в верховьях Яны, и ни из каких источников не видно, чтобы какая-то группа онойди отошла и обитала отдельно так далеко на востоке, между Алазеей и верхней Колымой; а проведенная мной при помощи П.И. Прудовского сверка с оригиналом вышеупомянутого документа, упоминающего онойди [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 64] показала, что из двух вариантов написания их названия, которое там допускал Б.О. Долгих – «онойди» и «ононди» – в действительности в документе стоит только одно: «онойди»; написания «ононди» никогда не существовало. Тем самым соотношение племени «онойди» с интересующими нас «ононги/ононзи» теряет почву. Скорее форма «ононги/ононзи» – это передача территориального названия общности верхнеколымских юкагиров-когимцев *онмундьи* – жители реки Колымы [Иохельсон 1898: 257]: русская транскрипция *ононги/ононзи* в документе 1648 г. отвечает слову *онмун-дьи* намного лучше, чем слову *онойди* (впрочем, форма «ононди» тоже отвечала бы форме *онмун-дьи* лучше, чем форме *онойди*), окончание -зи в русских документах нередко передает юкагирское -дьи (см. выше прим. 66, 67), а ареал верхнеколымских юкагиров действительно приближался к Алазейскому плоскогорью и продолжающему его водоразделу Индигирки и Колымы, то есть к искомому «камению», и там вполне могли жить неясачные еще группы верхнеколымских юкагиров-*онмундьи*. Поэтому сообщение алазейских аманатов мы понимаем следующим образом: к 1648 г. западная часть Алазейского плоскогорья была занята неясачными, т.е. независимыми группами шоромба, а по восточной его стороне (и, очевидно, далее в низинах, тянувшихся к Колыме, и на части водораздела Индигирки и Колымы южнее Алазейского плоскогорья) обитали неясачные группы *онмундьи* («ононги, ононзи»), т.е. оставшиеся еще не объясченными подгруппы племени верхнеколымских юкагиров-*когимэ*, территориальное название которого было *онмун омни, онмун-дьи*. Оставаясь непокорными русской власти, эти неясачные группы шоромба и когимэ и не пропускали лояльных этой власти алазейских юкагиров на Колыму.

⁷³ Приведено Б.О. Долгих по материалам В.И. Иохельсона [Долгих 1960: 420].

⁷⁴ Долгих 1960: 420 сл.

⁷⁵ Приведено в [ФЮ: 14] в транскрипции «кобимэджи».

⁷⁶ Долгих 1960: 417.

⁷⁷ Иохельсон 1900: iv, 82 сл., 90.

русск. Рыбников(ский) род, юкаг. *анид-омок* = Рыбий род (от прозвища его старейшины XVII в. – Шалаги Рыбника в русских документах) – родовое название, *ньяатпэндьи* (люди с р. Ньяатпэн = Поповки) – территориальное;

русск. Нартицын / Нартинский / Нартенный род, юкаг. *мэдьид-омок* = Нартенный род (от прозвища его старейшины XVII в. – Нартицы в русских документах) – родовое название, *хорходондьи* (люди с р. Хорходон = Коркодона) – территориальное.

Группы совместного кочевания также могли получать территориальные названия (см. выше, § 1.4, д, верхнеколымские примеры терминов «омулевцы», «нелемненцы» и пр. как территориальных названий, отвечающих, судя по всему, группам совместного кочевания).

Для большинства юкагирских племен источники приводят только одно из двух названий – либо территориальное (чуванцы, «чаунские люди»), либо собственно-родовое (шоромба, «люди»; омоки, «народ»; янда, «гуси»; янга, «березовые»; онойди, «захватывающие добычу люди» и т.д.) Не исключено, что ряд племен и имел по одному названию, а не полную пару.

Главным нарицательным термином, называющим потестарно-территориальное сообщество любого уровня, начиная с группы совместного кочевания, было, как упоминалось, слово *омо*- «род, народ, сообщество». Тем же термином обозначались этноязыковые общности, уже не имевшие объединяющих их потестарных структур, в том числе юкагирская этноязыковая общность – совокупность потестарно-территориальных единств, говоривших на юкагирских языках и считавших себя юкагирскими. Понятие о такой всеюкагирской этнической (уже не потестарной) общности было у юкагиrow весьма развитым (§ 3.2).

§ 3.2. *Надпотестарное понятие о юкагирской этнической общности у юкагиrow XVII – начала XX вв. и его терминологическое оформление.* В настоящей работе этого вопроса можно коснуться лишь кратко. Уже данные русских источников XVII в. позволяют, с нашей точки зрения, утверждать, что все племена различных юкагирских языков / идиомов, несмотря на значительную разницу в этих идиомах (вплоть до взаимонепонятности некоторых из них), осознавали себя как части одной этнической общности с единым самоназванием, хотя эта общность никогда не была объединена потестарно. Это следует из самого того факта, что русские источники XVII в. без колебаний одинаково зовут «юкагирами» и носителей тогдашних северно-юкагирских идиомов, более близких к будущему тундренному языку (алайцев, омоков), и носителей тогдашних южно-юкагирских идиомов, более близких к будущему лесному языку (шоромба, когимцев-колымцев, чуванцев), и вообще все

соответствующие тринадцать племен, лишь уточняя периодически, о каком племени или субплеменной группе идет речь («юкагиры чуванского рода», «юкагиры ходынского рода», «ходынского роду низовые мужики», «ковымские мужики» и т.д.). При этом сам термин «юкагир» русские заимствовали у тунгусов, как и вообще начальные сведения о юкагирах. Между тем и у русских, и к тунгусов основанием для твердого именованя племен различных юкагирских идиомов (в том числе взаимонепонятных) одним и тем же этнонимом «юкагиры» должно было бы стать не какое-то самостоятельное наблюдение над их языками с выводами об этническом единстве их носителей⁷⁸, а разве что мнение на этот счет самих соответствующих племен – иными словами, те сами считали себя представителями некоей одной (этнической в современной терминологии) общности с определенным самоназванием, несмотря на всю разницу в языках и отсутствием потестарного единства. И действительно, такое общее самоназвание у юкагиров имелось. В праюкагирском языке это был термин вида **waduл* (досл., видимо, «могучие»), который сохранился и у носителей тундренного языка (где он звучит *waduл*), и у носителей лесного языка (где с отпадением начального *w-* и переогласовкой он превратился в *одул* (известны и другие его произносительные варианты, см. ниже) Тунгусско-русский термин «юкагиры» является точным эквивалентом именно этого термина *wa/одул*. Дополнительным подтверждением сказанного и примером прочности этого общеюкагирского этнического самосознания является сообщение экспедиции Дж. Биллингса (конец XVIII в.); в ее материалах указано, что различные юкагирские группы обитают от Яны до Анадыря, и при этом все они именуется (по-юкагирски) *Andon domni* [Sauer 1802: 61]. В этом написании остается видеть передачу юкагирского словосочетания **(в)андун-д-омни* (< (*w*)*a*(*n*)дул ‘юкагиры’ + *омо-* ‘народ’), т.е. «вадульский (юкагирский) народ» (с нередким для юкагирского языкового материала чередованием *д/нд*). Таким образом, еще в конце XVIII в. все юкагирские группы (от Яны до Анадыря) употребляли термин «вадульский народ» (в разных произношениях) как свое единое общэтническое именование. Наричательным юкагирским термином, обозначающим эту надпотестарную всеюкагирскую этническую общность было, как видим,

---

⁷⁸ Юкагирские языки расходились по лексике намного больше, чем русский с чешским, а ведь никто не рассматривал русских с чехами как один народ на том основании, что у них есть нечто общее в языке; кроме того, невозможно себе представить, чтобы русские землепроходцы или тунгусы проводили сравнительный грамматический анализ юкагирских языков, устанавливали степень их лингвистического родства и принимали для всех их носителей один этноним как отражение этого родства независимо от расхождений в их лексике (вплоть до взаимонепонятности соответствующих идиомов).

то же слово *омо-* / *омни* 'род, народ', что отвечает обычной юкагирской практике, в которой именно это слово применялось и для определения надпотестарных, не объединенных политически этнических единств («русский *омо* = народ», «якутский *омо* = народ», см. прим. 4 в настоящем разделе), а не только потестарно-территориальных объединений.

К концу XIX в. вышеописанное общеюкагирское этническое самосознание оказалось в значительной степени расщеплено из-за стяжения подавляющей части тех юкагирских групп, кто вообще сохранял тогда юкагироязычие, в две изолированных друг от друга общности – приалазейскую «хангайскую / алайскую» в широком смысле обоих терминов, говорившую на северно-юкагирском, тундренном языке⁷⁹ и верхнеколымскую, говорившую на южно-юкагирском, лесном языке⁸⁰; эти две общности практически утратили контакты между собой⁸¹. Вызванный

---

⁷⁹ Она состояла, как упоминалось, из четырех административных родов – собственно хангаев (Бетильский род), алайи, эрбэткэнов и хододбил, поддерживавших друг с другом конфедеративные связи..

⁸⁰ В составе административно-расширенного юкагирского Ушканского рода (объединявшего собственно Ушканский, Нартенный и Рыбников верхнеколымские юкагирские роды, происходившие от определенных подразделений когимцев) и сливающегося с ним (и юкагиризирующегося при этом) 2-го Каменно-Дельянского эвенского рода. С ними поддерживали определенные, но слабые контакты Омолонские юкагирские роды, говорившие еще недавно на том же лесном языке и также происходившие от различных подразделений когимцев (однако к исходу XIX в. 3-й Омолонский род и не-оленная часть 2-го Омолонского рода перестали существовать, оленная часть 2-го Омолонского рода, кочевавшая вместе со своими симбиотами-эвенами, переходила на эвенский язык, а 1-й Омолонский род практически полностью обрусел и по языку, и по образу жизни, как и поддерживавшие с ним тесную ассоциацию 1-й, 2-й и 3-й Омотские роды – также в значительной степени происходившие от выходцев из когимских родов и до обрусения говорившие весь XIX в. на их лесном языке).

⁸¹ Это положение резко контрастировало с прошлыми временами, когда пространство, занятое юкагироязычными группами, было непрерывным, а племена носителей юкагирских идиомов одной языковой ветви нередко поддерживали конфедеративные связи и плотные дружественные контакты с племенами другой юкагирской языковой ветви: как упоминалось, нижнеколымские омоки были тесными союзниками верхнеколымцев-когимэ, а индигирское племя янга – таким же союзником индигирского племени шоромба. Между тем омоки были носителями языка, более близкого к будущему тундренному юкагирскому языку, чем к лесному языку верхнеколымцев [Nikolaeva 2008], янга также были носителями языка, более близкого к тундренному, а шоромба – более близкого к лесному, как видно из их названий (название «шоромба» образовано от *шоромо* – «человек» на лесном юкагирском языке, в то время как в тундренном юкагирском языке «человек» – *көдэ*-; название «янга» образовано от присутствующего в тундренном юкагирском языке слова *йау*- «береза», в то время как на лесном языке «береза» – *поньхараа*). Эта разница не помешала и тому, что один из родов янгинцев переселился на восток и

этим процесс расщепления прежде общего этнического самосознания выразился в точках зрения, высказывавшихся В.И. Иохельсону его информантами из числа как прилазейских тундренных, так и верхнеколымских и омонских юкагиров: представители каждой из этих общностей, продолжая прилагать к себе самим общеоюкагирское самоназвание «ва/одул», говорили В.И. Иохельсону о другой из этих общностей, что она либо вообще не является юкагирами (ва/одулами), либо прежде тоже была юкагирской (ва/одульской), но к настоящему моменту перестала быть таковой и стала отдельным от «юкагиров» (ва/одулов) народом. В практически симметричных формах это заявляли В.И. Иохельсону и прилазейские тундренные юкагиры (носители тундренного языка) – о верхнеколымских юкагирах (носителях лесного языка), и верхнеколымские и омонские – о тундренных⁸² [Иохельсон 1900: 159; Иохельсон 2005: 50–51, 89–90, 172 сл.].

Однако описанным расщеплением дело не ограничивалось: другие юкагиры того же времени (и тех же самых ареалов, к которым относились информанты В. И. Иохельсона, и других ареалов), избежав этого расщепления, сохраняли представление об общеоюкагирской этнической идентификации, включающей все юкагирские по самоопределению группы, на каком бы языке они ни говорили (тундренном, лесном, эвенском, якутском или русском), не считая, что эта идентификация утратила силу. В материалах В.И. Иохельсона эта точка зрения не отражена, но зафиксирована в записях Н.Н. Березкина (исход XIX – начало XX вв.)⁸³.

влился в состав племени самих верхнеколымских юкагиров – носителей лесного языка, среди которых был затем известен как род *йэнга* [Долгих 1960: 420; Иохельсон 2005: 511 сл.].

⁸² При этом верхнеколымские юкагиры признавали *одулами* – «юкагирами» - Омонские и Омотские роды; эти роды полностью (Омонские) или в значительной степени (Омотские) происходили от групп того же племени когимцев, что и сами верхнеколымские юкагиры, и до недавнего для конца XIX в. времени говорили с ними на одном языке (лесном юкагирском языке, продолжавшем когмский идиом).

⁸³ Некоторые информанты Н.Н. Березкина, относившиеся к разным юкагирским (в том числе тунгусско-юкагирским) по происхождению и самоопределению «родам», в разговорах с ним на исходе XIX – в начале XX вв. продолжали определять как «юкагиров» и свои группы, и любые другие группы юкагиров, независимо от степени контактов между этими группами, их языковых отличий и того, на какой язык кто из них успел перейти (то есть в практически полном объеме удержали былую единую надплеменную общеоюкагирскую идентификацию XVII в.) Так, А. Курилов из тунгусско-юкагирского Бетильского (хангайского) рода (по самоопределению тунгус) одинаково перечислял Н.Н. Березкину как «юкагиров» и юкагирские роды Алазеи – эрбэткэнов и алайи (носители тундренного языка), и юкагирские роды Анюев и Омолон (т.е. Омотские и Омонские роды, носители лесного языка, ко времени сообщения А. Курилова уже почти полностью перешедшие на русский язык)

Лишь юкагиры-чуванцы (вобравшие в свой состав часть ходынцев⁸⁴), утратив в течение XVIII в. свой исконный юкагирский идиом [о нем см. Nikolaeva 2008], этнически обособились и в XIX рассматривались остальными юкагирскими группами (и сами рассматривали себя) уже не как «юкагиры», а как особый народ чуванцев, отличный и от юкагиров, и от чукчей.

§ 3.3. *Термины, называющие глав потестарно-территориальных сообществ у юкагиров.*

Группа совместного кочевания («род») возглавлялась советом глав входящих в эту группу семейств, дословно «стариков» (на лесном языке *полут'ов*; их совет именовался на лесном языке «старики» – *полутпэ*⁸⁵). Глава самого этого совета, верховный старейшина рода = группы совместного кочевания, на лесном языке сначала именовался *лигэйэ шоромох* ‘старшой муж’, а позднее, при русской власти – *чомодьэл* и *чомойэ* ‘большак’⁸⁶. Глава административного юкагирского рода русского учета второй половины XVIII – начала XX вв. (в это время в качестве административных родов выступали объединения групп совместного кочевания, то есть объединения, отвечающие уровню племен и субплемен) именовался по-русски «князцом» и «старостой», а на лесном юкагирском – *чомодьэл* ‘большак’, *чомойэ* ‘большак’ или *анидьэ*, *андьэ* ‘могучий = начальник’⁸⁷. Возможно, именно под влиянием этой практики

[Березкин 1939: 29–30]. К. Третьяков из того же Бетильского рода (по самоопределению юкагир) говорил обо всех юкагирских родах Омлоя, Яны, всех отрезков Индигирки (от Оймькона до устья), Алазеи и Омолонна одинаково как о «юкагирских» родах, «юкагирах» [Березкин 1939: 31–32], хотя они были к тому времени носителями разных, в том числе неюкагирских языков (якутского на Омлое, эвенского на Яне и Индигирке, тундренного юкагирского на Алазее, лесного юкагирского на Омолоне). В. Дьячков из 1-го Кункугурского «юкагирского» рода (по самоопределению юкагир) говорил о многих юкагирских родах, живущих по «белому свету всего севера Якутии» [Березкин 1939: 31–32]. Принцип независимости этнической идентификации от смены языка был даже отрефлектирован и ярко выражен в самой юкагирской и тунгусско-юкагирской среде, в изречении: «Юкагир не песец, меняющий свое название по масти шерсти» [Березкин 1939: 30] (смысл: юкагирская этническая самоидентификация группы не зависит от того, в какой степени эта группа усвоила чужеземный быт и перешла на чужой, неюкагирский язык).

⁸⁴ Другая часть ходынцев, как упоминалось, сохранилась и переселилась на запад, на Алазею, удержав самоназвание (хододьил) и составив 2-й «Каменно-ламутский род» (Колымского округа) русского учета.

⁸⁵ Иохельсон 2005: 178.

⁸⁶ Иохельсон 2005: 178; Спиридонов 1930/1996: 37.

⁸⁷ Иохельсон 1898: 258; Спиридонов 1930/1996: 37; Иохельсон 2005: 178–179; НШ: 14.

главы (малых) «родов» = групп совместного кочевания у юкагиров лесного языка тоже стали называться термином *чомойэ* вместо *лигэйэ шоромок*.

Далее, и в тундренном, и в лесном юкагирском языках есть термин, обозначающий статус некоего верховного правителя и получающий в словарях перевод «царь, king»: *пугэд-аньдъэ* в лесном юкагирском (от основы **пугэ-* со значением ‘владеть’, известной по слову *пугиль* ‘хозяин’, + *ан(ь)дъэ* ‘начальник’⁸⁸) и *чамадалдъэ* в тундренном юкагирском (от *чама* ‘большой’ + *алдъэ* – очевидно, коррелят лесного слова *ан(ь)дъэ*⁸⁹). Оба термина означают, таким образом, нечто вроде «великий *алдъэ/аньдъэ*». В доступных нам материалах эти термины применяются к мифологическим владыкам природных объектов⁹⁰ и ими же обозначается реальный русский царь или царь как персонаж фольклорных сюжетов, сформировавшихся во взаимодействии с русскими⁹¹. Надо думать, исходно эти выражения относились именно к вождям юкагирских сообществ, а не к мифологическим персонажам, и подразумевали статус некоего верховного вождя, старшего по авторитету по отношению к обычным *аньдъэ* – т.е. главам племен и субплемен. На таком уровне могли стоять разве что верховные вожди племенных конфедераций, к которым, по нашему предположению, и следует относить именование *пугэд-аньдъэ* // *чамадалдъэ* в его исконном смысле. Обычным же обозначением вождей самих племен (и, возможно, субплемен), как следует из всего вышесказанного, должен был быть, вероятно, термин *ан(и)дъэ* (лесной юкагирский) / *алдъэ* (тундренный юкагирский).

---

⁸⁸ См. НШ: 62 (*пугэд аньдъэ*, ср. там же *пугиль*); Maslova 2003: 552 (*pugedan'd'e* = *пугэданьдъэ*).

⁸⁹ См. ЮРС 2001: 542 (*чамадалдъэ*).

⁹⁰ Например, *чобул пугэданьдъэ* – «владыка моря» (sea-king) и *йалхи-н пугэданьдъэ* – «владыка озера» (lake-king), взаимодействующие друг с другом персонажи в волшебной сказке верхнеколымских юкагиров [Maslova 2003: 562–576].

⁹¹ См. ЮРС 2001: 543; ФЮ: 448 сл.

Юкагирские административные роды второй половины XVIII – начала XX вв.: их состав, номенклатура и происхождение.

В новейшей монографии по истории юкагиров в XX – XXI вв. [Пространство 2020: 25–26, 28–29] указывается, что актуальной задачей остается соотнесение названий юкагирских «родов», фигурирующих у Н.Н. Березкина [Березкин 1939] и Тэки Одулока [Спиридонов 1930/1996], друг с другом и с официальными русскими названиями юкагирских административных родов, приведенными у В.И. Иохельсона [Иохельсон 2005, Jochelson 1926]. Мы надеемся, что материал настоящего раздела окажется вкладом в разрешение этой задачи. Основное содержание раздела представлено в сводной таблице (после с. 113), центральный столбец которой (столбец Е) сводит воедино данные различных работ В.И. Иохельсона с дополнениями по другим источникам, прежде всего по записям Н.Н. Березкина, то есть освещает ситуацию около 1900 г. Столбцы таблицы слева от столбца Е содержат информацию о более ранних временах и комплексах источников, столбцы справа от столбца Е – информацию из более поздних источников. В каждой строке (графе) содержатся данные об одной и той же юкагирской группе.

В первом столбце (А) сводной таблицы приведены сведения о происхождении различных юкагирских административных родов от определенных племен XVII в. и о положении этих административных родов в последней трети XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1760-х гг., завершившей свою работу в 1769 г.).

Большой объем данных этой сводной таблицы не позволяет ограничиться помещением ее лишь в виде единого целого (в этом случае пользование настоящей работой было бы затруднено для читателя). Поэтому, помимо приведения ее в сводном виде после с. 113, мы представляем ее материал в виде серии таблиц, разбитых по отдельным административным родам XIX века (таблицы I – XIV, с. 52–113). Каждая из таблиц этой серии оказывается тождественна одной графе (посвященной соответствующему роду) сводной таблицы после с. 113¹.

В целом сведения о каждом роде, указанном в источниках как юкагирский, и его предках приводятся для следующих периодов и хронологически последовательных источников и их комплексов (им отвечают графы таблиц I – XIV и столбцы сводной таблицы после с. 113):

---

¹ Для экономии места в нижеприведенных таблицах работы В.И. Иохельсона указываются, как правило, просто под датами или с буквенным сокращением, а некоторые работы других авторов – с буквенным сокращением (т.е., например [2005: 50] и [И2005: 50] = [Иохельсон 2005: 50], [Б1939: 44] = [Березкин 1939: 44]). Эти буквенные сокращения расшифровываются, как и прочие, в перечне сокращений и литературы.

(А) положение родов в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.), включая их происхождение;

(Б) роды в источниках начала XIX в. (в т.ч. реестре Колымского комиссарства 1811 г.;

(В) роды в документации 1820-х гг. и учете 2-й Ясачной комиссия;

(Г) роды согласно X-й ревизии

(Д) роды по переписи 1897 г.

(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (названия родов выделены жирным шрифтом и подчеркиванием). Различными подчеркиваниями в этой графе выделены роды, относящиеся к разным территориально-языковым / этнографическим юкагирским подобностям, см. подстрочное прим. (а) к таблицам ниже (с. 52);

(Ж) роды по переписи Якутской области 1917 г.;

(З) роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996];

(И) роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Березкин 1939];

(К) роды и группы первой четверти XX в. по Г.А. Попову;

(Л) роды и группы 1930-х гг. (для тундры между Индигиркой и Колымой) по [Гоголев 1978];

(М) роды и группы первой трети XX в. по [Кочкин 2016].

По таблицам I – XIV и сводной таблице, таким образом, можно узнать, под каким названием одна и та же группа юкагиров фигурирует в различных источниках. Например, третья строка сводной таблицы (после с. 113) посвящена Буяксирскому роду: по ней можно видеть, что этот род числился Буяксирским (с вариациями в написании названия) ламутским родом до 1850-х г. (хотя часть его в конце 1820-х гг. выделяли на некоторое время как «юкагирский Бугисирский род»), Буяксирским юкагирским родом – с конца 1850-х гг., Н.Н. Березкин [Березкин 1939] называет его Ерчинским юкагирским родом, Тэки Одулок [Спиридонов 1930/1996] – дуткинцами и дудкиными, и точно так же (в написании «дуутки») именуется этот род З.В. Гоголев [Гоголев 1978].

При возможности мы указывали в таблицах и самоназвания родов (собственно родовые и территориальные; например, известный верхнеколымский род имел, как упоминалось, два самоназвания – собственно-родовое «Ушканский, юкагирск. *Чолгоро-* [Заячий]» род и территориальное *чахадэн-дыи*, «люди р. Чахадэн = Ясачной», рус. «ясачненцы»), и названия более широких, надродовых (субэтнических и этнических) общностей, которыми покрывали себя (включая себя в эти общности) сами данные административные роды и/или которыми их покрывали соседи.

В таблицы включены административные роды и иные группы, которые в XVIII – начале XX вв. (или на каких-то отрезках этого периода) сами определяли себя как юкагирские и/или определялись как юкагирские официальным учетом, теми или иными информантами и авторами². Все они имели в той или иной степени юкагирское происхождение, и все, за

---

² В подавляющем большинстве случаев эти категории совпадают: группа, считавшая себя юкагирской, обычно и описывалась в официальном учете и литературе XVIII – начале XX вв. как юкагирская, независимо от ее единственного или доминирующего родного языка на данный момент и независимо от того, была ли она юкагирского или смешанного тунгусско (ламутско)-юкагирского происхождения, а если имело место последнее – то независимо от того, вливались ли в данном случае тунгусские группы и семьи в исконно юкагирское племя, или наоборот. Однако были и исключения, когда при смешанном происхождении группы русский учет, определяя ее как «юкагирский», «ламутский» или «тунгусский» административный род, ориентировался не на ее само- и иноидентификацию, а на единственный или главный (в данный момент или ранее) язык этой группы, либо на этничность компонента, к которому восходило ее название. Так, например (обоснования и ссылки к приведенным ниже примерам см. в таблицах настоящего раздела и примечаниях к ним), административные роды, называвшие себя эрбэткэн (эвенск. «гусиные») и хододьил, происходили от юкагирских племен – соответственно, от янда (юкагирск. «гусиные») и ходынцев-хододьил. Эти группы вобрали в свой состав группы эвенов и перешли на время на эвенский язык, но в XIX в. доминирующим у них вновь стал юкагирский язык (тундренный); сами себя они относили к юкагирам и признавались в этом качестве соседями. Русский учет второй половины XIX – начала XX в. числил первую из этих групп юкагирским административным родом (2-м Алазейским юкагирским, он же Каменно-юкагирский род Колымского округа), а вторую – ламутским (2-й Каменно-ламутский род; «ламутским» он, таким образом, продолжал числиться вопреки и самоидентификации, и происхождению его самого и его названия – хододьил, и его юкагироязычию в XIX в. – просто по инерции, восходящей к тому, что на каком-то более раннем этапе он перешел на эвенский в силу существенного смешения с эвенами). Два кункугурских и один тюгэсирский административные роды происходили, наоборот, от ламутских племен – кукугиров и тугочэров – вобравших в свой состав юкагирские группы; в результате этого смешения они сохранили эвеноязычие, но приняли юкагирскую (единственную или доминирующую) идентификацию и рассматривались как юкагиры соседями. В русском учете второй половины XIX – начала XX в. они числились именно юкагирскими родами (1-й и 2-й Кункугурские юкагирские роды и Тюгэсирский юкагирский род). Бетильский административный род происходил от исконно тунгусско-якутской группы бетильцев (бетинцев), смешавшейся с юкагирами; сложившаяся в результате этого смешения общность, фигурировавшая в русском учете как Бетильский административный род, перешла в итоге на юкагирский (тундренный) язык и заявляла себя в целом как юкагирскую (хотя отдельные члены рода в личном порядке могли заявлять себя и как юкагиры, и как тунгусы); в русском учете этот род всегда числился «тунгусским». Наконец, некоторые информанты Н.Н. Березкина и он сам рассматривали определенную группу верхнеиндигирских эвенов (в официальном учете также фигурировавшую как часть ламутов) как «Оймяконский юкагирский род», в силу преданий от отдаленном юкагирском происхождении этой группы.

исключением чуванцев и группы, именуемой у Н.Н. Березкина [Березкин 1939] «Оймяконским [в орфографии Н.Н. Березкина – Оймякенским] юкагирским родом», имели к XIX – началу XX вв. юкагирскую самоидентификацию.

Обоснования представленной в таблицах сведений о родах, а также приведенных в таблицах соотношений различных названий, встречающихся в источниках, друг с другом и с определенным юкагирским родом, приведены частью в самих таблицах (со ссылками), частью – в концевых примечаниях к ним (с. 114 слл.). К этим концевым примечаниям отсылают номерные ссылки и слова «прим. NN» в таблицах I – XIV и в сводной таблице. Номера этих примечаний указаны в соответствии с их последовательностью в сводной таблице после с. 113.

Краткие справочные сводки, суммирующие материал, приведенный в таблицах и примечаниях к ним о юкагирских племенах и подразделениях XVII – первой трети XX вв., их этнонимии и дальнейшей этнической судьбе, помещены в разделе III как приложения (с. 170–181), наряду с картами.

Мы надеемся, что приведенный в таблице материал может способствовать идентификации групп юкагиров, упоминающихся в отдельных источниках XX в. Например, в 1939 г. в ходе экспедиции К.К. Дидык и В. Кривошеина последние обнаружили на Большом Анюе «так называемую Бурдахскую группу» оленных юкагиров в составе 8 семей с примерно 1000 оленей (название группы явно дано по оз. Нижний Бурдах близ Анюев). По сообщениям верхнеколымских юкагиров Нелемного, эта оленная юкагирская группа вступала с ними в контакты до 1930-х гг., но «избегала контактов с ними со времени проведения коллективизации». После того, как члены экспедиции заговорили с этой группой о колхозах, она поторопилась скрыться и от них [Пространство 2020: 30]. Материал таблицы позволяет понять, что это была за группа: в конце XIX – начале XX вв. на пространстве от Верхней Колымы до Анюев единственной группой кочевых оленеводов среди юкагиров была оленная часть 2-го Омолонского юкагирского рода, кочевавшая вместе с эвенками и переходившая в то время на эвенский язык: верхнеколымские юкагиры и безоленная часть 2-го Омолонского рода (вымершая в 1897 г.) были тогда безоленными приречными собаководами, юкагиры – потомки 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов – оседлыми, обрусевшими по образу жизни и языку обитателями Нижнеколымска и соседних селений (а также селений по Анадырю), и лишь упомянутая оленная часть 2-го Омолонского рода – оленной кочевой. Ареалом ее кочевок было как раз пространство между Омолоном и Бол. Анюем [Иохельсон 2005: 95], а Омолонские роды говорили в XIX в. на лесном языке, общем с верхнеколымскими юкагирами, и поддерживали с ними эпизодические контакты (вплоть до того, что большинство юкагиров верхнеколымского

Рыбникова рода в 1830-х гг. переписались и влились в 1-й Омолонский род, переселившись в его состав на Омолон [Гурвич 1966: 138; Попов 7: 61]). Таким образом, в «Бурдахской группе» 1939 г. остается, вероятно, видеть группу семей из оленной части 2-го Омолонского рода, обособившуюся и отошедшую в труднодоступные места от коллективизации. (Характерно, что и другие семьи оленной части 2-го Омолонского рода – «часть ламутизированных юкагиров Тайшиных и Щербаковых из 2-го Омолонского рода», по определению В.А. Туголукова – также отступили от советизации, но в другом направлении: они уже в 1929 г. находились у истоков Коркодона, куда по тем же причинам около того же времени отошли многие представители 1-го и 2-го Долганских эвенских родов и 2-го Уяганского эвенского рода. В соединении друг с другом все они образовали в начале 1930-х гг. так называемую березовско-рассохинскую группировку эвенов [Туголуков 1997: 27; Гребенюк 2016]; след юкагирской ее составляющей можно видеть, например, в предании березовских эвенов, где юкагирский богатырь «Киророт» – известный, отмеченный в русской документации колымский юкагир Криворот, живший в XVII в. – побеждает эвенского богатыря [Фольклор эвенов Березовки 2005: 267–269]).

Другой пример: в литературе упоминается вымирание 2-го Омолонского рода от голода в 1897 г. [Пространство 2020: 29]; о том же событии В.Г. Богораз пишет как о голодной гибели в 1897 г. юкагирского «Щербакова рода» [Богораз 1931: 1]. Более подробные материалы, представленные в таблице, выясняют, что речь идет тут о гибели одной из двух частей 2-го Омолонского рода, а именно, его не-оленной, речной рыболовецко-собаководческой части (лишь некоторые ее семьи имели оленей, и то очень мало), сохранявшей юкагироязычие – в то время как другая часть 2-го Омолонского рода, оленная (она кочевала вместе с эвенами, переходя и в итоге перейдя на эвенский язык, однако и после этого еще какое-то время удерживала юкагирскую идентификацию), продолжала существовать. Эти две части 2-го Омолонского рода поддерживали друг с другом контакты, но поскольку они занимали разные территории и вели разный образ жизни, каждая из них могла восприниматься теми или иными наблюдателями как отдельный род или 2-й Омолонский род как таковой; соответственно, исчезновение не-оленной, приречной части рода могло отразиться в том или ином источнике как исчезновение целого рода // 2-го Омолонского рода.

Таблицы.
ИМЕНОВАНИЯ ЮКАГИРСКИХ РОДОВ И ГРУПП
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв. и краткие сведения о них.

(номера сносок арабскими цифрами в таблицах отсылают к концевым примечаниям к таблице на с. 114 слл. ^а)

I. Омолойский (Омолоевский) род

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Омолойский род в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	По учету 1-й Ясачной комиссии 1769 г. значился юкагирский (сводный) Омолойский род (Усть-Янского зимовья), в котором были слиты бывший Омолойский (Омолоевский) род и Хромовский род (две подгруппы племени коромоев) [Г1966: 72] ⁷ .
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹	(юкагирский Омолойский род учета второй пол. XVIII – первой пол. XIX в.)

^а В таблицах в графе (Е) разными подчеркиваниями выделены этнографические группы юкагиров ок. 1900 г.: 1) якутоязычный Омолойский род; 2) общность эвеноязычных «дутки» между Яной и Индигиркой²; 3) общность тундренного юкагирского (алайского) языка «хангаи / алайи / вадулы»³; 4) ареал юкагиров лесного / «колымского» (верхнеколымско-омолонского) юкагирского языка («одулы») и ее подобности:

4а) омолонско-омотская (омолонско-нижнеколымско-анюйские «Омолонские» и «Омотские» роды; Анадырское и Нижнеколымское юкагирские общества, сформированные членами этих родов), в основном обрусевшая по языку⁴;

4б) верхнеколымская общность (Ушканский род с включением Нартенного, Рыбниковского и ассоциированной юкагиризированной группы дельянов)⁵.

<p>(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские</p>	<p>1820-е гг.: Омолойский юкагирский род [Башарин 2003: 461, 471, 481, 489]</p> <p>2-я Ясачная комиссия: Омолойский род – Яна, Омолой [Г1966: 140]</p>
<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>Омолойский род</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>Омолойский род</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>Омолойский род⁸. В русском учете – «юкагирский» [2005: 95–96], язык – якутский [2005: 51, 91, 96], по надродовому самоназванию – «юкагиры» [2005: 51, 96], ранее (а изредка и в конце XIX в.) тж. «дутки» [1900б:156] (в смысле «юкагиры»), терр. – от Яны до Омолоя, западнее Омолоя, также и до Лены [2005: 51, 95].</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: хх – ххii]</p>	<p>юкагиры, Омоло[й]ский род (Верхоянск. уезд [фактически – Усть-Янск. улус этого уезда])</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24–25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>(опущен: ареал юкагиров у Тэки Одулока начинается от Яны на восток).</p>

<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Булунский юкагирский род, булунцы – низовье р. Лены (и отдельная родственная ему группа на Яне, в Усть-Янском районе: в материалах Н.Н. Березкина Омолойский род представлен как две группы, одна в Булунском районе, другая в Усть-Янском, Б1939: 44).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>Омолойский род Усть-Янского улуса [2: 92, ср. 7: 61]] (Усть-Янский улус входил в тот момент в Булунский округ)</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

II. Каменно-юкагирский род Верхоянского округа и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Каменно-юкагирский род Верхоянского округа и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	В 1750-х или 1760-х гг. юкагирский (сводный петайско-зельянский) Каменный род Усть-Янского зимовья (= юкагирское племя онойди) весь или бóльшей своей частью перешел на Индигирку и по переписи 1-й Ясачной комиссии 1769 г. числился Каменным юкагирским родом Зашиверского зимовья [Г1966: 72] ⁹ .
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹	(В XIX в. числился как один из «Каменных ламутских» родов Колымского округа, а позднее был передан Усть-Янской управе [Б1939: 42] под этим же названием. См. прим. 7. В 1820-е гг. [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] и по учету 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 153] на севере Якутии значатся три Каменных ламутских рода, все – в Колымском округе; их надо отождествлять как будущие Каменно-юкагирский род Верхоянского округа, Каменно-юкагирский род Колымского округа [= 2-й Алазейский род] и 2-й Каменно-ламутский род Колымского округа).
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	Каменно-юкагирский род (Верхоянского округа)
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	Каменно-юкагирский род (Верхоянского округа)

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>Каменно-юкагирский род Верхоянского округа¹⁰. В русском учете – «юкагирский» [2005: 95], язык – эвенский [2005: 51, 95], по надродовому самоназванию – «дутки» (в смысле «юкагиры») [2005: 95, ср. 51, 96; 1900б:156; то же – Ю:26], терр. – от Яны до Хромы [2005: 95].</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, Каменно-Юкагирский род (Верхоянск. уезд [фактически – Усть-Янск. улус этого уезда])</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>каменцы, Каменные – при нижн. Индигирке; правая долина Индигирки, район между Индигиркой и Алазейей</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Усть-Янский юкагирский род – низовье рек Яны и Хромы (*) (* тождество с Каменно-Юкагирским родом Усть-Янского улуса однозначно устанавливается по месту среди родов перечня и локализации).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>Каменно-Юкагирский род Усть-Янского улуса [2: 92, он же Каменный бродячий род, Усть-Янского улуса в 7: 61].</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>дуутки Каменного бродячего рода Усть-Янского улуса Верхоянского округа¹¹</p>

<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>Каменный юкагирский род, каменные юкагиры, они же западные юкагиры (по словоупотреблению, бытовавшему на Аллаихе – нижней Индигирке; т.е. западные соседи буяксиров) [Кочкин 2016: 18, 29, 34, 44, 73]</p>
--	---

III. Буяксирский род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Буяксирский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Исконно в XVIII в. – обитавший на Индигирке Буяксирский (Бугесирский, Буякарский) ламутский род Зашиверского зимовья. В результате поглощения в XVIII в. этим родом юкагирских индигирских групп и семей разного происхождения (прежде всего потомков олюбенцев и янга, но также некоторых семейств шоромба, коромоев и яндинцев ¹²) имела место юкагиризация индигирского Буяксирского рода, и в XIX – первой трети XX вв. род рассматривал себя и рассматривался соседями как юкагирский, его члены – как юкагиры ¹³ (несмотря на то, что уже к концу XIX в. род говорил, как и соседние юкагирские роды, по-эвенски [2005: 95]). На рубеже XVIII–XIX вв. род числился в русском учете как «Буяксирский ламутский» в Колымском комиссарстве (в XVIII в. он обитал главным образом на северо-восток от Индигирки, к Алазее и Нижней Колыме); в 1808 г., вследствие смещения на запад, к Индигирке, административно передан в состав Верхоянского комиссарства [Г1966: 151].
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹	(1812, 1816: Буяксирский ламутский род старосты Суздалева, терр. при Индигирке [Г1966: 151, 156] ¹⁴).

<p>(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские</p>	<p>1820-е гг.: Ламутско-Буяксирский / Буяксиро-Ламутский род [Г1966: 156], Буякигирский / Буякагирский ламутский род [Башарин 2003: 461, 481, 489 / 471]¹⁵, Бугисирский юкагирский род в док. 1828 г. [Туголуков 1997: 42]; 2-я ясачная комиссия: Ламутско-Буяксирский род [Г1966: 153]</p>
<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>Буяксирский юкагирский род</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>Буяксирский род</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету). В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>Буяксирский род¹⁶. В русском учете второй пол. XIX в. – «юкагирский» (тж. П: 762), более раннем учете XIX в. – «ламутский» [1926: 51, 2005: 96]; язык – эвенский [2005: 51, 95], по надродовому самоназванию – «дутки» (как видно из 2005: 51, Ю: 26–27, тж. Спиридонов 1996/1930 : 24, где как «дуткинцы, дудкины» фигурирует именно этот род, см. прим. 17) в смысле «юкагиры». Территория между Хромой и Индигиркой, по Йелону (Берелеху) и Гусиной [2005: 96].</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, Буяксирский род (Верхоянск. уезд [фактически – Усть-Янск. улус этого уезда])</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны</p>	<p>дуткинцы, дудкины – при нижн. Индигирке; правая долина Индигирки, район между Индигиркой и Алазейей¹⁷ (должны быть отождествлены с</p>

только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	Буяксирским юкагирским родом, см. прим. 17).
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	Ерчинский юкагирский род – низовье Индигирки, Аллаиха, Русское Устье и тундра (*) (* тождество с Буяксирским родом однозначно устанавливается по месту среди родов перечня и локализации)
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	Буяксирский род Усть-Янского улуса [2: 92, ср. 7: 61]
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	юкагирский род, дуутки – от нижней Индигирки на запад до Хромы и дальше, и на восток до р. Суондурун (Сундрун) (об отождествлении его с Буяксирским родом см. прим. 11) ¹⁸ .
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	Буяксирский (Буяхсирский, Буяхсырский) юкагирский род, они же восточные / ойотунгские юкагиры (по словоупотреблению, бытовавшему на Аллаихе – нижней Индигирке; т.е. восточные соседи Каменно-юкагирского рода) [Кочкин 2016: 18, 28, 29, 38, 44, 73]

IV. «Кункугурцы» (Кункугурские юкагирские роды и Тюгэсирский юкагирский род) и их предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Кункугурские юкагирские роды, Тюгэсирский юкагирский род и их предки в соответствующих источниках		
	1-й Кункугурский юкаг. род	2-й Кункугурский юкаг. род	Тюгэсирский юкаг. род
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	<p>Кун(ку)гурские юкагирские роды и Тюгэсирский юкагирский род – эвено-юкагирские общности с названиями, восходящими к эвенским племенам кукукиров (кункугурцев) и тугочэров (тюгесиров), но с юкагирской доминирующей самоидентификацией к XIX в., определенной тем, что во второй четверти – середине XVIII в. остатки юкагирских племен янга и шоромба влились в общности индигирских кункугурцев и тюгесиров и составили их юкагирский компонент [ср. Д.: 547; предание Б1939: 35-36 выясняет роль шоромба в генезисе кункугурцев]; при этом в некоторых подразделениях обоих племен юкагирский компонент стал главным (несмотря на то, что сами эти юкагиры перешли на эвенский язык), и эти подразделения стали воспринимать себя как юкагирские общности¹⁹. Перепись 1-й Ясачной комиссии 1769 г. уже не упоминает родов, могущих соответствовать шоромбоям, янга и олюбенцам – их остатки вошли в состав иных родов, прежде всего кункугурских и тюгесирских. 1-я Ясачная комиссия 1769 г. выделяла (как ламутские) три Кункугурских рода, все – Зашиверского зимовья, и два Тюгэсирских рода: один – Зашиверского зимовья, второй – Верхоянского [Г1966: 81].</p>		

<p>(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием¹</p>	<p>(пять родов: три Кункугурских, два Тюгэсирских; значились в течение первой половины XIX в. как «ламутские», обычно в Верхоянском округе. В 1820-х гг. они фигурируют как два Тюгэсирских ламутских и один Кунгурский ламутский род Усть-Янского улуса Верхоянского округа, один Тюгэсирский ламутский род Верхоянского улуса</p>		
<p>(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские</p>	<p>Верхоянского округа, один Кунгурский ламутский род Колымского округа [Башарин 2003: 461, 471–472, 481–482, 490]).</p>		
<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>1-й Кун(ку)гурский юкагирский род²⁰</p>	<p>2-й Кун(ку)гурский юкагирский род</p>	<p>Тюгэсирский юкагирский род</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92– 04]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>1-й Кун(ку)гурский юкагирский род</p>	<p>2-й Кун(ку)гурский юкагирский род</p>	<p>Тюгэсирский юкагирский род</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету). В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>1-й Кун(ку)гурский юкагирский род, 2-й Кун(ку)гурский юкагирский род, Тюгэсирский юкагирский род²¹</u>... Кочуют по одной территории от Яны до Индигирки, при Аллаихе и частично от Индигирки до Алазеи, севернее одноименных «тунгусских» родов (1-го Тунгусского Кун(ку)гурского и Тунгусского Тюгэсирского) [2005: 96-97]²²; в русском учете (в отличие от только что названных одноименных «тунгусских» родов) – «юкагирские» [2005: 96, тж. П: 762], язык – эвенский [2005: 51, 95]; по надродовому</p>		

	<p>самоназванию – «дутки» в смысле «юкагиры» [2005: 96]. 1-й Кун(ку)гурский юкагирский род передавал, что некогда составлял одно целое с 1-м Кун(ку)гурским тунгусским родом [2005: 97].</p> <p>1-й Кун(ку)гурский юкагирский, 2-й Кун(ку)гурский юкагирский и Тюгэсирский юкагирский роды тесно контактировали друг с другом и в XX в. вспоминались как один «Кункугурский род» [Ю: 25, 27]²³.</p>		
(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]	ламуты, 1-й Конкугурский род (Верхоянск. уезд)	юкагиры, 2-й Кункугурский род (Колымск. уезд)	юкагиры, Тюгэсирский род (Верхоянск. уезд)
(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	«Кункугурский тунгусо-юкагирский род», Западная тундра [между Индигиркой и Алазеей – Нижней Колымой] (Тэки Одулок выделяет только один «Кункугурский род», т.е. сливает в этом понятии 1-й и 2-й Кункугурские юкагирские роды)		«Сандрин» (т.е.. жители дол. реки Шандрин / Сандрин), восточнее средне-нижней Индигирки, до Момы (должны быть отождествлены с Тюгэсирским юкагирским родом, см. прим. 17).
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	Индигирские 1-й, 2-й и 3-й Кункугурские юкагирские рода – территория Момы Абыйск. района (*) (*) «3-й Кункугурский юкагирский род» – название, под которым у Н.Н. Березкина, несомненно, выступает Тюгэсирский юкагирский род ²⁴ , находившийся в тесной ассоциации с 1-м и 2-м Кункугурскими юкагирскими родами официального учета.		

<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>(1-й Кункуг. юкагирск. род не назван в перечне, т.е. либо не отражен в нем, либо смешан и слит в этом перечне с «тюкагирами», см. в конце данной графы).</p>	<p>2-й Кункугурский род Колымского округа [2: 92]</p>	<p>«Тюкагирский» (вм. Тюэгэсирский) род Усть-Янского улуса [2: 92]</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>«кункугуры»; «эвенский род кунгур кочевал между реками Индигирка и Иерчен».</p>		<p>тюгясирь</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>Кункугурский юкагирский род [Кочкин 2016: 18, 73] (вероятно, у К.Е. Кочкина это обозначение отвечает всей общности 1-го, 2-го Кункугурских юкагирских и Тюэгэсирского юкагирского родов).</p>		

V. 2-й Каменно-ламутский род [Колымского округа] и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	2-й Каменно-ламутский род [Колымского округа] и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Ушедший на исходе XVIII в. остаток юкагиров-ходынцев (<i>хододьыл, ходэйдьыл</i>), эвенизированный по языку (*), в русском учете затем фигурировал как (2-й) Каменно-ламутский род Колымского округа [Д:424, 548]. (*). Остальные ходынцы смешались с чуванцами и вошли в их состав, см. ниже графу А в таблице XIII.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	(учтен как один из Каменно-ламутских родов, а не юкагирский, см. прим. 7 и далее в настоящей таблице. В 1820-е гг. [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] и по учету 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 153] на севере Якутии значатся три Каменных ламутских рода, все – в
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	Колымском округе; их надо отождествлять как будущие Каменно-юкагирский род Верхоянского округа, Каменно-юкагирский род Колымского округа [= 2-й Алазейский] и 2-й Каменно-ламутский род Колымского округа).
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	(2-й Каменно-ламутский род, учтен как ламутский, а не как юкагирский)
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	(2-й Каменно-ламутский род, учтен как ламутский, а не как юкагирский)

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>2-й Каменно-ламутский род [Колымского округа]²⁵, родовое самоназвание ходэйдьил / хододьил [2005: 93 сл.], в русском учете исхода XIX в. «ламутский», в XIX в. часто определялся русским учетом и как «юкагирский», и как «ламутский» [2005: 92 сл.; 1900б:156; «ламутский» в П:762 (1897)], язык тундр. юкагирский (результат [ре]юкагиризации – заимствования от алайи) [2005: 92], надродовое самоназвание «вадул». (= юкагиры) [следует из 2005: 50, где указано, что все тундренно-юкагироязычные группы юкагиров и юкагиризованных тунгусов между Колымой и Индигиркой называли себя так], кочевал при Алазее, обычно вместе со 2-м Алазейским родом [2005: 92 сл.; ср. Ю:26].</p> <p>Бетильский род хангаи / ваха(ха)риил, 2-й Каменно-ламутский род хододьил, 2-й Алазейский род эрбэткэн и 1-й Алазейский род алайи с конца XVIII в. образовывали конфедерацию и этнографическую группу, возглавлявшуюся главой Бетильского рода [1900б: 155 – 158; ср. Ю: 24–25, Долгих 1952: 72]. Эта общность в целом именовалась хангаями в широком смысле слова [Долгих 1952: 72, Ю: 25; «хангайский улус», Г1966: 147] и алайи в широком смысле слова [2005: 172; 1926: 19, неточн. пер. 2005: 50], у эвенов тж. хулдича [Долгих 1952: 72–73] (хулдича – досл. «татуированные», что могло относиться к исконному тунгусскому компоненту бетильцев или его части). Язык всей общности – тундр. юкагирский (язык собств. алайи в узк. смысле слова, усвоенный остальными), самоидентификация общности в целом – юкагирская (надродовое самоназвание</p>
---	---

	<p>всех родов общности – «вадулы», 2005: 172, при этом юкагиров лесного языка актуального времени к «вадулам/юкагирам» многие тундр. юкагиры уже не относили, 2005: 50–51, 172), ряд представителей Бетильского рода при этом идентифицировали себя как тунгусы (внутри этого рода) [см., напр., Б1939: 29–30].</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>ламуты, 2-й Каменский род (Колымский уезд)</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>Хододинский род, Западная тунлра [между Индигиркой и Алазей – Нижней Колымой] (назв. явно из «хододьил»)</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>(не отражен – т.е. видимо, сочтен Н.Н. Березкиным ламутским, а не юкагирским).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>(не отражен – видимо, рассмотрен как ламутский)</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>«тунгусский род ходод'йл»; в дорев. официальных документах «назывался Второй Каменно-ламутский род, а иногда — Юкагирский род»²⁶</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

VI. 2-й Алазейский род, он же Каменно-юкагирский род Колымского округа, и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	2-й Алазейский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Юкагиры-янда («гусиные»), образовывавшие юкагирский Каменный род Усть-Янского зимовья (1703 г.), после дальнейших перемещений (и, видимо, слияния с исконным ламутским Мелетиным родом этого же зимовья) составляли к XIX в. общность эрбэткэнов («гусиные», эвенск.). В русском учете второй половины XVIII – первой половины XIX в. она значилась, видимо, как один из Каменно-ламутских родов. См. [Д:388, ФЮ:16] и прим. 7.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	(учтен как один из Каменно-ламутских родов, а не юкагирский, см. прим. 7. В 1820-е гг. [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] и по учету 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 153] на севере Якутии значатся три Каменных ламутских рода, все – в Колымском округе; их надо отождествлять как будущие Каменно-юкагирский род Верхоянского округа, Каменно-юкагирский род Колымского округа [= 2-й Алазейский] и 2-й Каменно-ламутский род Колымского округа).
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	Юкагирский род ²⁷

<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144–46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>2-й Алазейский род</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>2-й Алазейский юкагирский род, он же Каменно-юкагирский род Колымского округа</u>²⁸, родовое самоназвание эрбэткэн «гусиные» [1900:106.1, 215.1; 2005: 92; тж. ФЮ: 402 слл.), в русском учете «юкагирский» [2005: 92], язык – тундр. юкагирский, прежде всего в результате ре-юкагиризации; к 1900 г. вновь все больше усваивают ламутский благодаря контактам с ламутами и ламутоязычными юкагирами Индигирки [1900: 217], надродовое самоназвание «вадул» [2005: 50; тж. ФЮ: 402] (тж. после оспы, уменьшившись в числе и фактически слившись с 1-м Алазейским родом – алайи в узк. смысле слова – распространяли на себя название алайи [ФЮ: 16]); другое надродовое самоназвание – «дутки» [1900б:155], очевидно, сохранившееся от времен их частичной яз. ламутизации до подселения к алайи, терр. кочевок – по Алазее, особенно на западном берегу Алазеи, и частично до Индигирки [2005: 92 сл.; 1900:217; ср. Ю:26].</p> <p>Об этнопотестарно-территориальной ассоциации рода с другими тремя юкагирскими (юкагироязычными) родами Западной тундры см. в конце графы Е таблицы V.</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, Алазейский род (Колымский уезд) (*) (*) Запись соответствует 1-му и 2-му Алазейским родам вместе (так как 2-й Алазейский род фактически</p>

	влился в 1-й Алазейский род в начале XX в. [ФЮ 16, 402–403; Б1939: 31 о слиянии этих родов, ср. Б1939: 50])
(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	эрбэчкэны, прав. долина Индигирки, район между Индигиркой и Алазейей
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	Алазейские 1-й и 2-й юкагирские рода – Северо-Западная Колымская тундра (* Н.Н. Березкин приводит в своем перечне эти роды под двумя их названиями, но как одно единое целое, что отвечает их фактическому слиянию в нач. XX в., см. выше об этом слиянии в настоящей таблице VI, графа Ж).
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	Алазейский род Колымского округа [2: 92] (явно отвечает 1-му и 2-му Алазейским родам вместе, ср. выше об их фактическом слиянии к определенному моменту, см. графы Ж и И в настоящей таблице VI) ²⁹
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	эрбэчкан-омок
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не учтен в силу территориального охвата работы)

VII. 1-й Алазейский род

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	1-й Алазейский род в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Юкагирское алазейское племя XVII в. и далее (<i>алайи</i>) образовывало по учету 1-й Ясачной комиссии «Юкагирский род» Алазейского зимовья [Г1966: 72].
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Юкагирский род (старосты Трифонова), р. Алазея (Среднеколымской крепости) [Колымск. реестр 1811 г.]</u> .
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Алазейский юкагирский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: Алазейский род – Алазея, Куропаточья, Новая
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	Алазейский род ³⁰
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	1-й Алазейский род
(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).	<u>1-й Алазейский юкагирский род</u> ³¹ , родовое самоназвание алайи (в собств. смысле слова) [2005: 92 – 93]; название алайи тогда объяснялось по-юкагирски как

<p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>«алазейские, с реки Алазеи», 2005: 172; 1900б:155, 1900:210.1]. В русском учете – «юкагирский» [2005: 92], язык – тундр. юкагирский, надродовое самоназвание – «вадул» [2005: 50; 1900:210.1; ср. ФЮ: 402], терр. кочевок у Большой Чукочьей [2005: 92; тж. Ю:26].</p> <p>Об этнопотестарно-территориальной ассоциации рода с другими тремя юкагирскими (юкагироязычными) родами Западной тундры см. в конце графы E таблицы V.</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: хх – ххii]</p>	<p>юкагиры, Алазейский род (Колымский уезд) (*) (*) Запись соответствует 1-му и 2-му Алазейским родам вместе (т. к. 2-й Алазейский род фактически влился в 1-й Алазейский род в начале XX в. [ФЮ 16, 402–403; Б1939: 31 о слиянии этих родов, ср. Б1939: 50])</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>«Юкагирский род», Западная тундра [между Индигиркой и Алазеей – Нижней Колымой]³²</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Алазейские 1-й и 2-й юкагирские рода – Северо-Западная Колымская тундра (* Н.Н. Березкин приводит в своем перечне эти роды под двумя их названиями, но как одно единое целое, что отвечает их фактическому слиянию в нач. XX в., см. выше об этом слиянии в настоящей таблице VII, графа Ж).</p>

<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>Алазейский род Колымского округа [2: 92] (явно отвечает 1-му и 2-му Алазейским родам вместе, ср. выше об их фактическом слиянии к определенному моменту, см. графы Ж и И в настоящей таблице)²⁹</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>«одулы [неточн. вместо вадулы] (самоназвание), якуты их называли дьюкагир омук, [а] вадулы [здесь = бетильцы-хангайцы (*)] — алайи омок», «в архивных документах — первый Алазейский род»</p> <p>(*) см. именование у З.В. Гоголева бетильцев термином «вадулы» как иным названием того же Бетильского рода (наша табл. VIII, графа Л). Смысл приведенной фразы З.В. Гоголева: якуты называли 1-й Алазейский род (который сам называл себя алайи и прилагал к себе термин вадулы [у З.В. Гоголева неточно одулы]) «народом (омук) дьюкагиров», а «вадулы»-бетильцы (хангаи) называли тот же 1-й Алазейский род «народом (омок) алайи».</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

VIII. Бетильский (Бетинский) род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Бетильский (Бетинский) род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Бетильский род, исконно тунгусско-якутского происхождения, в XVIII в. мигрировал в тундру между Индигиркой и Колымой, смешался с юкагирами и стал тунгусско-юкагирским [1900б:156, 1900:209.1, Ю:25, ФЮ: 16] (его юкагирская составляющая получила юкаг. название <i>ваха(ха)риил</i> , «коренные», распространявшееся также и на весь род, см. графу Е в настоящей таблице). Другое название рода – <i>хангай</i> – в сочетании с преданием индигирских юкагиров о бывших индигирских юкагирах-«хангай» князя Аллая, большей частью ушедших в XVII в. на восток, в направлении Алазеи, позволяет думать, что юкагиры, вошедшие в состав бетильцев, в значительной степени принадлежали к индигирскому юкагирскому племени янга ³³ (судя по локализации рода, в него могла влиться и часть потомков олюбенцев). С конца XVIII в. Бетильский тунгусо-юкагирский род входил в конфедерацию 4 родов тундренных приалазейских юкагиров (см. выше в таблице V, конец графы Е).
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	(учтен как тунгусский, а не как юкагирский. 1820-е гг.: Бэтильский тунгусский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490])
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии	

[Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	(учтен как тунгусский, а не как юкагирский)
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>Бетильский (Бетинский) тунгусский род</u>³⁴. Родовые самоназвания – хангаи (в узком смысле слова) [2005: 50 – 51, Ю:24 сл.] и ваха(ха)риил / вагарил [2005: 92, Ю:24, от тундр. юкаг. «коренные», ФЮ:16; термином «ваха(ха)риил» в более узком, непосредственном смысле называла себя лишь половина Бетильского рода, ФЮ: 16, видимо, более прямо восходившая к юкагирской составляющей предков рода; от нее, очевидно, название и распространялось на весь род. В русском учете – «тунгусский» род [2005: 92 сл.; П: 763]. Язык – тундр. юкагирский, заимств. у алайи [2005: 89 сл., 92; 1900:209.1, 1900б: 158–159). Надродовое самоназвание – «вадул» (=‘юкагиры’ на тундр. юкагирск.) [2005: 50 сл.; 90, 172; 1900:209.1; 1900б: 159]; ср.: в сер. XX в. этот род одни его потомки и соседи называли эвенским, другие – юкагирским [Ю:24 сл.]. Кочевья – между Алазеей и Чукочьей [2005: 93]. (Род, в том числе по собственному преданию, произошел из соединения исконного Бетинского якутско-тунгусского рода с группой юкагиров тундры, региона близ Алазеи, см. 1900б:156, 1900:209.1, Ю:25).</p>

	Об этнопотестарно-территориальной ассоциации рода с другими тремя юкагирскими (юкагироязычными) родами Западной тундры см. выше в конце графы E таблицы V.
(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]	тунгусы, 1-й Бетю[н]ский род (Колымск. уезд)
(З) юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спирidonов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	Хангайский, он же Битильский род, Западная тундра [между Индигиркой и Алазеей – Нижней Колымой]
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	(не отражен – т.е. видимо, сочтен Н.Н. Березкиным тунгусским, а не юкагирским).
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	(не отражен – видимо, рассмотрен как тунгусский)
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	«вадул или возрыл (*) – самоназвание. Якуты их называют хангаайы, эвены — иилкан», официальное дореволюционное название – «Бетильский род». (*) «возрыл» – несомненная опечатка вместо *вохрыл (из ваха(ха)риил, вагарил)
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не учтен в силу территориального охвата работы)

IXa. 1-й Омотский (Омоковский) род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	1-й Омотский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	<p>В 1738 г. отмечен Омотский род (Нижнеколымского зимовья) – продолжение юкагирского нижнеколымско-анюйского племени омоков [Г1966: 69]. В середине XVIII в. эта группировка претерпевает депопуляцию и преобразуется: часть ее отступила на запад к Алазее, где удерживала название «омоков» (onioki 3-й четв. XVIII в. у Дж. Биллингса³⁵), а вскоре была ассимилирована переселившимися на запад чуть позже³⁶ ходынцами-хододьил³⁷. Другая часть омоков, оставшаяся на Колыме и Анюях, пережила депопуляцию, смешалась с выходцами из Омолонских родов лесного языка и образовала с ними общность, говорившую на лесном языке³⁸ и к началу XIX в. утратившую название «омоки». К концу XIX в. она называла себя и своих предков – исторических омоков XVII – XVIII в., чье название не помнила – «Анюйский род», помня, что это была отдельная группа юкагиров, но уже не зная, что она называлась «омоки» [Б1939: 25–28]³⁹. В учете 1-й Ясачной комиссии 1760-х гг. эта общность остатка колымско-анюйских омоков и юкагиров лесного языка, смешавшихся с ними, разделялась на три рода, имевших названия «Омотских» (в силу их происхождения от омоков / Омотского рода) [Г1966: 72 + Гурвич 1969]. Эти три рода фигурируют в учете и дальше как «1-й, 2-й и 3-й Омотские юкагирские роды», хотя их члены уже к началу XIX в. не прилагали к себе название «омоков», придав этому</p>

	<p>термину иной смысл (прим. 39), а себя именуя иначе, в частности «Аньюйским родом».</p> <p>В учете 1-й Ясачной комиссии 1769 г. выделено 6 родов Среднеколымского и Нижнеколымского зимовий, однозначно отвечающие трем «Омолонским юкагирским» и трем «Омотским юкагирским» родам местного учета XVIII в. [см. Гурвич 1969] и центрального учета XIX в. (см. в таблице ниже). Эти 1-й, 2-й и 3-й Омолонский и 1-й, 2-й и 3-й Омотские роды показаны в материалах 1-й Ясачной комиссии под следующими названиями: 2-й Омолонский (Среднеколымского зимовья); Омолонский старосты Никулина, Омолонский старосты Федорова, Омолонский старосты Рупачева, Омолонский старосты Вострякова, Омолонский старосты Щербакова (все – Нижнеколымского зимовья) [Г1966: 72]. Особенности именованя родов в этом учете позволяют пока соотнести эти названия с 1-м, 2-м, 3-м Омотскими и 1-м, 2-м и 3-м Омолонскими родами только гипотетически⁴⁰.</p>
<p>(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием¹</p>	<p>вероятно, <u>Юкагирский род (старосты Никулина), Мал. Анюй (Нижнеколымской крепости) [Колымск. реестр 1811 г.]</u>; (он же в сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. – вероятно, «Омолонский [!– вместо Омотский] старосты Никулина»), см. прим. 40 и прим. 1.</p>
<p>(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские</p>	<p>1820-е гг.: 1-й Омотский юкагирский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490]</p> <p>2-я Ясачная комиссия: 1-й Омотский род – Бол. Анюй, Мал. Анюй, Анадырь</p>

<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>1-й Омотский род</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>1-й Омотский род</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>1-й Омокский (Омотский) род</u>⁴¹; в русском учете «юкагирский» [2005: 101 слл.]; к концу XIX в. перешел на русский язык [2005: 103], до того, в начале XIX в. – лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский язык [Врангель 1948: 217–218, 385; тж. след. из 2005: 172], перенятый у Омолонских юкагирских родов (в первой половине XIX в. некоторые из семей, происходивших от омокской составляющей предков Омотских родов, еще знали омокский). Надродовое самоназвание – русск. «юкагиры» (ср. Б1939: 25–28, где, кроме того, 1-й – 3-й Омотские роды фигурируют как одна общность под названием «Аньюйский род»). Во второй пол. XIX в. род кочевал по Бол. Анюю, частично до р. Анадырь, к 1900 г. прекратил кочевье и осел в селении при устье Омолона [2005: 103]. После 1897, но ранее 1902 г. слит с 1-м Омолонским родом и др. в составе Нижнеколымского юкагирского общества (официально оно числилось как 1-й Омолонский род, в который к 1902 г. считались влитыми 1-й, 2-й и 3-й Омотские) [2005: 101, 103; Попов 7: 61].</p> <p>1,-й, 2-й, 3-й Омотские и 1-й Омолонский род официально слиты между 1897 и 1902</p>

	<p>гг. [2005: 101, 103] в составе оседлого обрусевшего Нижнеколымского юкагирского общества [о нем см. Б1939: 21–22, 25, 28–29, 50]. Реально соединение их в это общество началось еще в 1860-х гг. [Б1939: 28]. Официально оно числилось как 1-й Омолонский род, в который были влиты 1-й – 3-й Омотские роды.</p> <p>1-й, 2-й, 3-й Омотские роды причислялись верхнеколымскими юкагирами к «одулам», т.е. «юкагирам» [2005: 172 (названные здесь юкагиры нижней Колымы и обоих Анюев – это именно Омотские роды)], т.е. до обрусения говорили на лесном (верхнеколымско-омолонском) юкагирском языке (при этом тундренные юкагиры, <i>хангаи</i> /<i>алайи</i> в широком смысле этих слов, верхнеколымскими юкагирами к «юкагирам» не причислялись) [2005: 50–51, 172]. В целом к общности «одулов» верхнеколымские юкагиры к концу XIX в. относили себя и юкагиров Омолона и Анюев (= и Омолонские, и Омотские роды), но не тундренных юкагиров [2005: 172], и почти весь XIX в. говорили с омолонско-анюйскими юкагирами на одном и том же лесном языке [2005: 100, 103] (однако Омотские и Омолонские роды, кроме 2-го Омолонского, к рубежу и на рубеже XIX – XX вв. полностью перешли на русский язык).</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, 1-й «Омотонский» [вм. Омолонский!] род (Колымск. уезд)</p> <p>(запись соответствует расширенному 1-му Омолонскому роду, после включения в него 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. Нижнеколымскому юкагирскому обществу)</p>

<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>(не отражены *) (* видимо, как обрусевшие и утратившие родовую организацию)</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Нижне-Колымское Юкагирское общество(*) в составе трех подгрупп: Колымчане, Анюйцы и Омолонцы⁴² – Колыма, Анюй и низовье Омолона</p> <p>(* = объединение 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотского родов [официально – 1-й Омолонский род после того, как в него были влиты 1-й – 3-й Омотские], см. тж. Б1939: 21–29).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>1-й Омолонский род Колымского округа [2: 92] (отвечает в перечне совокупности бывшего 1-го Омолонского и слитых с ним 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. расширенному 1-му Омолонскому роду = Нижнеколымскому юкагирскому обществу⁴³).</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

IXб. 2-й Омотский (Омокский) род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	2-й Омотский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. в графе А таблицы IXа.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	вероятно, Юкагирский род (старосты <u>Лыткина</u>), Мал. Анюй (Нижнеколымской крепости) [Колымск. реестр 1811 г.]; (в сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. он же, вероятно, «Омолонский [!– в.м. Омотский] старосты Фелорова»), см. прим. 40 и прим. 1.
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: 2-й Омотский юкагирский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: 2-й Омотский род – Отон, Лабучен, Рассошья
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	2-й Омотский род
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	2-й Омотский род

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>2-й Омокский (Омотский) род</u> (см. прим. 41). В русском учете 2-й и 3-й Омокские роды – «юкагирские» [2005: 101 слл.]; к концу XIX в. перешли на русский язык [2005: 103], до того, в начале XIX в. – лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский язык [Врангель 1948: 217–218, 385; тж. следует из 2005: 172], перенятый у Омолонских юкагирских родов (в первой половине XIX в. некоторые из семей, происходивших от омокской составляющей предков Омотских родов, еще знали омокский). Надродовое самоназвание – русск. «юкагиры» (ср. Б1939: 25 – 28, где, кроме того, 1-й – 3-й Омотские роды фигурируют как одна общность под названием «Аньюйский род»). Во второй пол. XIX в. кочевали по Мал. Анюю, частично до р. Анадырь и Баранихи (Рауча), к 1900 г. прекратили кочевье и поселились в Нижнеколымске и др. русс. селениях ниже по Колыме]2005: 103]. После 1897, но ранее 1902 слиты с 1-м Омолонским родом и др. в составе Нижнеколымского юкагирского общества (официально оно числилось как 1-й Омолонский род, в который к 1902 г. считались влитыми 1-й, 2-й и 3-й Омотские) [2005: 101, 103; Попов 7: 61].</p> <p>Дополнительную информацию, относящуюся ко всем Омотским родам, см. в конце графы Е таблицы IXа.</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, 1-й «Омотонский» [вм. Омолонский!] род (Колымск. уезд)</p> <p>(запись соответствует расширенному 1-му Омолонскому роду, после включения в него 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. Нижнеколымскому юкагирскому обществу).</p>

<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>(не отражены *) (* видимо, как обрусевшие и утратившие родовую организацию)</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Нижне-Колымское Юкагирское общество(*) в составе трех подгрупп: Колымчане, Анюйцы и Омолонцы⁴² – Колыма, Анюй и низовье Омолона</p> <p>(* = объединение 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотского родов [официально – 1-й Омолонский род после того, как в него были влиты 1-й – 3-й Омотские], см. тж. Б1939: 21–29).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>1-й Омолонский род Колымского округа [2: 92] (отвечает в перечне совокупности бывшего 1-го Омолонского и слитых с ним 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. расширенному 1-му Омолонскому роду = Нижнеколымскому юкагирскому обществу⁴³).</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

IXв. 3-й Омотский (Омокский) род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	3-й Омотский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. в графе А таблицы IXа.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Юкагирский род (старосты Рупачева), Бол. Анюй (Нижнеколымской крепости)</u> [Колымск. реестр 1811 г.]; (в сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. – «Юкагирский старосты Рупачева»), см. прим. 40 и прим. 1.
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Омотский старосты Рупачева род / 3-й Омотский старосты Рупачева род [Башарин 2003: 461, 482 / 472, 490] 2-я Ясачная комиссия: 3-й Омотский род – Бол. Анюй, Пенжина
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	3-й Омотский род
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	3-й Омотский род
(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).	<u>3-й Омокский (Омотский) род</u> (старост Рупачевых [Иванова-Унарова 2017: 135]) (см. прим. 41). В русском учете 2-й и 3-й Омокские роды – «юкагирские» [2005:

<p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>101 слл.]; к концу XIX в. перешли на русский язык [2005: 103], до того, в начале XIX в. – лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский язык [Врангель 1948: 217–218, 385; тж. следует из 2005: 172], перенятый у Омолонских юкагирских родов (в первой половине XIX в. некоторые из семей, происходивших от омокской составляющей предков Омотских родов, еще знали омокский). Надродовое самоназвание – русск. «юкагиры» (ср. Б1939: 25 – 28, где, кроме того, 1-й – 3-й Омотские роды фигурируют как одна общность под названием «Аньюйский род»). Во второй пол. XIX в. кочевали по Мал. Анюю, частично до р. Анадырь и Баранихи (Раучуа), к 1900 г. прекратили кочевье и поселились в Нижнеколымске и др. русс. селениях ниже по Колыме]2005: 103]. После 1897, но ранее 1902 слиты с 1-м Омолонским родом и др. в составе Нижнеколымского юкагирского общества (официально оно числилось как 1-й Омолонский род, в который к 1902 г. считались влитыми 1-й, 2-й и 3-й Омотские) [2005: 101, 103; Попов 7: 61].</p> <p>Дополнительную информацию, относящуюся ко всем Омотским родам, см. в конце графы Е таблицы IXа.</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, 1-й «Омотонский» [вм. Омолонский!] род (Колымск. уезд)</p> <p>(запись соответствует расширенному 1-му Омолонскому роду, после включения в него 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. Нижнеколымскому юкагирскому обществу).</p>

<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>(не отражены *) (* видимо, как обрусевшие и утратившие родовую организацию)</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Нижне-Колымское Юкагирское общество(*) в составе трех подгрупп: Колымчане, Анюйцы и Омолонцы⁴² – Колыма, Анюй и низовье Омолона</p> <p>(* = объединение 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотского родов [официально – 1-й Омолонский род после того, как в него были влиты 1-й – 3-й Омотские], см. тж. Б1939: 21–29).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>1-й Омолонский род Колымского округа [2: 92] (отвечает в перечне совокупности бывшего 1-го Омолонского и слитых с ним 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. расширенному 1-му Омолонскому роду = Нижнеколымскому юкагирскому обществу⁴³).</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

Ха. 1-й Омолонский род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	1-й Омолонский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	<p>В XVII в. существовало племя верхнеколымских юкагиров (племенные самоназвания: собств. родовое самоназвание – <i>когимэ</i> ‘вороньи люди’ [Д: 421, ФЮ:14], территориальное самоназвание – <i>онмундыи</i> ‘люди реки Онмун (Колымы)’ [1898: 257] и <i>онмун омни</i>, ‘народ реки Онмун (Колымы)’ [мат-лы Йохельсона, цит. Д:420]. В русск. источниках XVII в. – «ононги / ононзи» (из «онмундыи») [РГАДА, ф. 1177, оп.2, ст.6, л. 19], «верхнеколымские юкагири» [РГАДА ф. 1777, оп. 2, ст.6, л. 24], «верховские» колымские юкагиры [РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 650, л.1–3; публ. Полевой 1965]).</p> <p>В середине XVIII в. эта общность была представлена 6 родами, описанными 1-й Ясачной ревизией (1760-е гг.) как три верхнеколымские рода (Коркодонский, он же Нартицын; Рыбников; Ушканский), платившие ясак в Верхнеколымское зимовье, и три Омолонские рода, которые вместе с тремя Омотскими родами (всего 6 родов) платили ясак в Нижнеколымское и Среднеколымское зимовье (2-й Омолонский – в Среднеколымское, остальные пять – в Нижнеколымское), см. Г1966: 72 + Гурвич 1969.</p> <p>Эти 9 родов по Колыме (три верхнеколымских, три Омолонских и три Омотских) фигурируют в источниках и дальше. 6 из них – три Омолонских рода и три (Ушканский, Рыбников и Нартицын)</p>

	<p>верхнеколымских рода – прямо восходят к различным подразделениям когимцев-онмунды⁴⁴; из них только три верхнеколымских рода, в XIX в. объединенные в расширенный Ушканский род, сохранили общее самоназвание онмунды, а название когимэ было ими забыто (*) (см. ниже в настоящей таблице, графа Е).</p> <p>(*) Оно сохранялось к концу XIX в. как именование одного из Омолонских родов (3-го, см. таблицу Хв, графа Е, и прим. 50), а также как иноназвание всей общности верхнеколымских юкагиров (онмунды) со стороны юкагиров тундренного языка [2005: 50–51].</p>
<p>(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием¹</p>	<p><u>Юкагирский род (старосты Пенкова), Омолон (Нижнеколымского зимовья) [Колымск. реестр 1811 г.]</u>; (в сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. – «Юкагирский старосты Вострякова»), см. прим. 40, прим. 1.</p>
<p>(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские</p>	<p>1820-е гг.: 1-й Омолонский [юкагирский] род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490]</p> <p>2-я Ясачная комиссия: 1-й Омолонский род – Омолон, Бол. Анюй, Мал. Анюй, Курья</p>
<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>Омолонский род⁴⁵</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>1-й Омолонский род</p>

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>1-й Омолонский юкагирский род</u> (староста Востряков [Иванова-Унарова 2017: 132–133]), см. прим. 41. В русском учете – «юкагирский» [Иванова-Унарова 2017: 132; 2005: 101 слл.], язык – лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский, потом переход на русский (окончательно – между 1895 и 1902 гг.) [2005: 89, 103; 1900:i]; самоназвания – «одул» [следует. из такого именованя их верхнеколымскими юкагирами, 2005: 50] и русск. «юкагиры» [см. Б1939: 21–25; Иванова-Унарова 2017: 138]. Кочевал зимой по верхнему Омолону, летом – в устье Омолона, к 1900 г. прекратил кочевья и поселился в Нижнеколымске и др. русс. селениях ниже по Колыме [2005: 103]. После 1897, но ранее 1902 Омокские роды адм. слиты с 1-м Омолонским [2005: 101] и др. в составе Нижнеколымского юкагирского общества (официально оно числилось как 1-й Омолонский род, в который к 1902 г. считались влитыми 1-й, 2-й и 3-й Омотские) [2005: 101, 103; Попов 7: 61].</p> <p>Дополнительную информацию, относящуюся к 1-му Омолонскому роду и Омотским родам, см. в конце графы Е таблицы IXa. Верхнеколымские юкагиры к концу XIX в. относили себя и юкагиров Омолона и Анюев (= Омолонские и Омотские роды) к общности «одулов», в которую не включали тундренных юкагиров [2005: 172], и говорили с омолонско-анюйскими юкагирами на одном и том же лесном языке [2005: 100, 103] (Омотские и Омолонские роды, кроме 2-го Омолонского, на рубеже XIX – XX вв. полностью перешли на русский язык).</p>
---	---

<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, 1-й «Омотонский» [вм. Омолонский!] род (Колымск. уезд)</p> <p>(запись соответствует расширенному 1-му Омолонскому роду, после включения в него 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. Нижнеколымскому юкагирскому обществу).</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>(не отражены *)</p> <p>(* видимо, как обрусевшие и утратившие родовую организацию)</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Нижне-Колымское Юкагирское общество(*) в составе трех подгрупп: Колымчане, Анюйцы и Омолонцы⁴² – Колыма, Анюй и низовье Омолона</p> <p>(* = объединение 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотского родов [официально – 1-й Омолонский род после того, как в него были влиты 1-й – 3-й Омотские], см. тж. Б1939: 21–29).</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>1-й Омолонский род Колымского округа [2: 92]</p> <p>(отвечает в перечне совокупности бывшего 1-го Омолонского и слитых с ним 1-го, 2-го, 3-го Омотских родов, т.е. расширенному 1-му Омолонскому роду = Нижнеколымскому юкагирскому обществу⁴³).</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

Хб. 2-й Омолонский род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	2-й Омолонский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. графу А таблицы Ха.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Юкагирский род (старосты Слепцова), река не указана (Среднеколымского зимовья) [Колымск. реестр 1811 г.]</u> ; (в конечной сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. пропущен по ошибке, в материалах 1-й Ясачной комиссии – Второй Омолонский род, Среднеколымского зимовья), см. прим. 40, прим. 1.
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Юкагирский старосты Слепцова род [Башарин 2003: 462, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: Юкагирский род – Алазея, Гребенщикова, Блудная, Вшивая ⁴⁶
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	3-й Омотский отдельный род (sic!) ⁴⁷
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	2-й Омолонский род

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p><u>2-й Омолонский род</u> (оленная-ламутизированная по языку часть, кочевавшая вместе с ламутами/эвенами рода Балаганчик [см. Богораз 1931:1] и безоленная собаководная часть), см. прим. 41. В сер. 1890-х гг. староста Щербаков [Богораз 1898], Щербаковы – обычная фамилия старост и членов рода в конце XIX – начале XX вв. [см. Б1939]. Родовое самоназвание = «Омолонский ушканый [заячий] род» [Б1939: 18–26; «Ушканий род» в Богораз 1931:1]; этим же названием юкагиры 1-го Омолонского и 2-го Омолонского рода, а также Омотских родов именовали всю совокупность 1-го, 2-го и 3-го Омолонских родов прошлого как единую общность (Омолонцы, Омолонский Ущканный / Ушканский род [Б1939: 21 –28]). 2-й Омолонский род именовал себя также «омолонды» [1897: 161], юкагирск. «люди р. Омолон»⁴⁸. Род в целом по русскому учету – «юкагирский» [2005: 95, 100]; оленная часть – ламутский язык [2005: 95, 100], ранее лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский язык, безоленная рыболовецкая часть – лесной (верхнеколымско-омолонский) юкагирский язык [2005: 100; 1900:i]. Надродовое самоназвание – «одулы» [следует из такого именованя их верхнеколымскими юкагирами, 2005: 50], русск. «юкагиры» [Б1939: 3 – 6, 18–26]. Оленная часть кочевала вместе с ламутами-Балаганчик в горах между Омолоном и Бол. Анюем [2005: 95], безоленная рыболовецкая часть – по Омолону, зимой в с. Карбашан/Карбасчан (прав. бер. Омолона против устья Кедона) [2005: 100], затем перестала существовать как подразделение, вымерев полностью или почти полностью (если кто-то из ее</p>
---	--

	<p>членов спасся, то влился в другие подразделения) от голода в 1897 г. [Богораз 1898; И2005: 89, 100; Богораз 1925: 28; Богораз 1931:1]⁴⁹.</p> <p>Оленная часть 2-го Омолонского рода продолжала существовать; упоминалась экспедицией 1928 – 1929 гг. как «отдельный Щербаковский Омолонско-Ушканский род» [Г1966: 217]. В 20-е–30-е гг. она, хотя и уже эвенская по языку, рассматривалась как юкагирская; группа семей рода, отошедшая к оз. Бурдах при Анюе («Бурдахская группа») в 1939 г. рассматривала себя как юкагиры и рассматривалась так соседями [Пространство 2020: 30]. Большая часть семей рода слилась с эвенками и перешла на эвенскую идентификацию; в частности, некоторые из таких семей вошли в начале 1930-х гг. в рассохинско-березовскую группу эвенов [Тайшины, Щербаковы из 2-го Омолонского рода в ее составе, см. Туголуков 1997: 27].</p> <p>Верхнеколымские юкагиры к концу XIX в. относили себя и юкагиров Омолона и Анюев (= Омолонские и Омотские роды) к общности «одулов», в которую не включали тундренных юкагиров [2005: 172], и говорили с омолонско-анюйскими юкагирами на одном и том же лесном языке [2005: 100, 103] (Омотские и Омолонские роды, кроме 2-го Омолонского, на рубеже XIX – XX вв. полностью перешли на русский язык).</p>
(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]	юкагиры, «2-й Омотонский» [вм. Омолонский!] род (Колымск. уезд)

<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>«Деллянцы и Балаганчик», оба рода «смешанного» юкаги́ро-эвенского языка – Анюй, Омолон (*).</p> <p>(*) По описанию и месту в перечне однозначно отвечают оленней части 2-го Омолонского рода в единстве с ее симбиотами-ламутами. Поскольку оленная часть 2-го Омолонского рода кочевала совместно с ламутами рода Балаганчик и ламутизировалась по языку (а не-оленная часть вымерла еще в 1890-х гг.), в перечне Тэки Одулока их единство отразилось приведенным образом. Род Балаганчик выделился из Дельянского рода, и иногда сам был покрываем названием Дельянский [Туголуков 1997: 35]); в списке Тэки Одулока название «Деллянцы», видимо, перенесено на оленнюю часть 2-го Омолонского юкагирского рода (иначе ей не нашлось бы соответствия в перечне).</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Омолонский Ушканый род (*) – Омолон, среднее течение; (см. об этом роде тж. Б1939: 1, 3–5, 19–22).</p> <p>(* = оленная часть бывшего 2-го Омолонского рода, так как не-оленная вымерла в 1897 г., 1-й Омолонский род вошел в Нижнеколымское юкагирское общество, названное в перечне Н.Н. Березкина отдельно, а до того обитал не на среднем Омолоне, а на Ниж. Колыме – Анюях, а 3-й Омолонский род перестал существовать еще раньше. Ср.: та же оленная часть 2-го Омолонского рода упоминалась экспедицией 1928 – 1929 гг. как «отдельный Щербаковский Омолонско-Ушканский род» [Г1966: 217]. Кроме того, Омолонским Ушканым родом представители всех омолонских родов называли всю совокупность этих</p>

	трех родов в прошлом как одну общность [Б1939: 19–21, 26, 28]).
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	2-й Омолонский род Колымского округа (*) [2: 92] (* = оленная часть бывшего 2-го Омолонского рода, т.к. не-оленная вымерла в 1897 г.)
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	(не учтен в силу территориального охвата работы)
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не учтен в силу территориального охвата работы)

Хв. 3-й Омолонский род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	3-й Омолонский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. графу А таблицы Ха.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Омолонский род (старосты Чаина), Омолон (Нижнеколымской крепости)</u> [Г1966: 139]; (в сводке 1-й Ясачной комиссии 1769 г. – «Юкагирский старосты Щербакова»), см. прим. 40, прим. 1.
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: 3-й Омолонский юкагирский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: 3-й Омолонский род – Бол. Анюй, Мал. Анюй
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	(Род не отмечен в сведениях X-й ревизии, вероятно, по ошибке или в связи с происходившими в роде процессами, либо рассматривался воедино с «3-м Омотским отдельным» родом. К середине 1860-х гг. род распался на две части, главная из которых ушла на Анадырь. В 1858 г. 3-й Омолонский юкагирский род [или его не ушедшая на Анадырь часть, если этот раскол уже произошел к 1858 г.] располагался на верхнем Омолоне [Бурова 1966: 31] ⁵⁰).
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к	Род не упомянут в переписи 1897 г. Ушедшая на Анадырь и осевшая там часть рода растворилась затем в Анадырском

<p>юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>юкагирском обществе, оставшаяся на Колыме – Омолоне часть, очевидно, перестала существовать как особое подразделение. См. подробно прим. 50.</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>У В.И. Иохельсона <u>3-й Омолонский род</u>⁵¹ (см. прим. 41) не упоминается, как и в переписи 1897 г.; таким образом, ко времени появления В.И. Иохельсона на Колыме род «вымер», перестал существовать как организованное целое (*). Очевидно, именно это исчезновение 3-го Омолонского рода отразилось в различных сообщениях об исчезновении омолонской юкагирской группы <i>конгиэндьи</i> (таким образом, термин <i>конгиэндьи</i> надо считать территориальным названием 3-го Омолонского рода во второй пол. XIX в.) и об исчезновении омолонской юкагирской группы <i>когимэ</i>. Оставшиеся представители 3-го Омолонского рода влились в другие роды, главным образом, видимо, во 2-й Омолонский род. См. подробно прим. 50. 3-й Омолонский род говорил на лесном языке, владел к середине XIX в. и русским языком [см. документы в Бурова 1966], относился к «одулам», как и прочие Омолонские роды.</p> <p>(*). Отселившаяся в середине XIX в. на Анадырь и осевшая там часть 3-го Омолонского рода к концу XIX в. составила, вместе с переселившимися сюда же представителями Омотских и других Омолонских родов, оседлое Анадырское юкагирское общество (так что больше не была связана с 3-м Омолонским родом).</p> <p>Верхнеколымские юкагиры к концу XIX в. относили себя и юкагиров Омолона и</p>

	<p>Анюев (= Омолонские и Омотские роды) к общности «одулов», в которую не включали тундренных юкагиров [2005: 172], и говорили с омолонско-анюйскими юкагирами на одном и том же лесном языке [2005: 100, 103] (Омотские и Омолонские роды, кроме 2-го Омолонского, на рубеже XIX – XX вв. полностью перешли на русский язык).</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>(не отражен, т.к. перестал существовать к соответствующему времени)</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	

XIa. Ушканский род и его предки

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Ушканский род и его предки в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. графу А таблицы Ха. В учете 1-й Ясачной комиссии 1769 г. Ушканский род (Верхнеколымского зимовья) [Г1966: 72]
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Ушканский юкагирский род (старосты Спиридонова), р. Нелемная [Колымск. реестр 1811 г.]</u>
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Ушканский [юкагирский] род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: Ушканский род – Ясачная, Коркодон, Попова
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	Ушканский род (расширенный) (см. дальше в настоящей таблице, графа Е)
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	Ушканский род (расширенный) (см. дальше в настоящей таблице, графа Е)
(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).	<u>Ушканский (Заячий) род</u> (расширенного состава, см. ниже ⁵²), родовое самоназвание – Чолгоро («Заячий») и онмунды («люди р. Онмун = Колымы») [1898: 257], онмун

В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.

омни («народ р. Онмун = Колымы») [цит. по Иохельсону в Д: 420]). По юкагирскому счету делился на три подразделения – собственно Ушканский (Чолгоро) род (*чолгород-омок*, ‘заячий род’), они же чахадэндьи («люди с р. Чахадэн = Ясачной»), Рыбий / Рыбников род (*анид-омок*, ‘рыбий род’), они же ньяатпэндьи («люди с р. Ньяатпэн = Поповки» [1898: 276; 1900: 106 сл.; Спиридонов 1930/1996: 25+37+39]), и Нартенный / Нартицын род (*мэдьид-омок*, ‘нартенный род’), они же хорходонды («люди с р. Хорходон = Коркодона»).

В первой трети XIX в. эти три группы составляли отдельные административные роды. В 1837 г. Рыбников род официально упразднен, бóльшая его часть по ее прошению включена в состав 1-го Омолонского рода и переселилась к нему на устье Омолона, остаток был причислен к Нартицыну роду [Г1966: 138; Попов 7: 61; 1898: 276; 1900: 106 сл.]⁵³. В середине 1850-х гг. (1856 г.) Нартицын род официально упразднен и включен в Ушканский род [Г1966: 138, 141; ср. 1898: 276; 1900: 106 сл.]⁵⁴.

Однако с собственной точки зрения все три рода сохранили внутреннюю самостоятельность друг от друга и продолжали различаться, хотя образовывали «федерацию» под главенством собственно ушканцев – ясачненцев/чахадэндьи [1898: 265, 276; 1900: 106 сл.; Спиридонов 1930/1996: 25, 37, 39, 41]. От поповцев/ньяатпэндьи к исходу XIX в. осталась одна обособленная семья [2005: 99], на рубеже XIX – XX веков (видимо, из-за голода 1904 г.) исчезла и она [Спиридонов 1930/1996: 25;

Одулок 1933/1959: 19; ср. Иохельсон 2005: 99 о голоде 1904 на р. Поповка].

Остальные поповцы влились к тому времени в состав чахадэндьи, часть этих влившихся была, видимо, известна внутри чахадэндьи как «Шаманкин род»

[Спиридонов 1930/1996: ср. 25 с 37, 39 + И1898: 270]. Тем самым с начала XX в.

Ушканский (расширенный)

административный род = общность верхнеколымских юкагиров подразделяла сама себя внутренне уже лишь на две части, ясаченцев и коркодонцев

[Спиридонов 1930/1996: 25 сл.; Б1939: 53].

Русский административный учет этого внутреннего юкагирского разделения не отражал и знал один Ушканский (расширенный) род.

В состав Ушканского (расширенного) рода (а внутри него главным образом в состав ясаченцев) влилась к исходу XIX в.

(ре)юкагиризированная часть ламутов 2-го Каменно-Дельянского рода [2005: 98; 1898: 274, 289; Спиридонов 1930/1996: 24, 26; Ю: 22; Туголуков 1997: 34]. Русский административный учет этого не отразил и продолжал рассматривать их как представителей двух разных родов.

Ушканский (расширенный) род в русском учете – «юкагирский»; язык – лесной (верхнеколымско-омолонский)

юкагирский, надэтническое самоназвание – «одулы» (= «юкагиры») [2005: 50, 98 сл., 172]. Территория – басс. Ясачной и Коркодона [1898: 276; 1900:106 сл.1; 2005: 98; Спиридонов 1930/1996: 25].

Верхнеколымские юкагиры к концу XIX в. относили себя и юкагиров Омолона и Анюев (= Омолонские и Омотские роды) к

	<p>общности «одулов», в которую не включали тундренных юкагиров [2005: 172], и говорили с омонско-анюйскими юкагирами на одном и том же лесном языке [2005: 100, 103] (Омотские и Омолонские роды, кроме 2-го Омолонского, на рубеже XIX – XX вв. полностью перешли на русский язык).</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>юкагиры, Ушканский род (Колымск. уезд)</p>
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>верхнеколымские юкагиры, подразделяющиеся на две группы, ясачненские юкагиры – «чахадондьи» (они же ушканский род, чолгород-омок), и коркодонские юкагиры – «хорходондьи», причем в первую группу влились «одулы с рр. Поповки и Шаманкиной», они же «рыбниковский народ», анид-омок (поповцы также упоминаются Тэки Одулоком как ньяатпэндьи, в его орфографии «нэтбэндьи»), а во вторую группу входили несколько малых подгрупп: с рек Коркодон, Толба, Бургала и Шойдан⁵⁵.</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>Верхне-Колымский юкагирский род (подразделения: одно на Ясачной, другое на Коркодоне) – Ясачная и Коркодон</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>Ушканский род Колымского округа [2: 92]</p>

(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	(не учтен в силу территориального охвата работы)
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не учтен в силу территориального охвата работы)

ХІБ. Рыбниковский (Рыбников) род

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Рыбниковский (Рыбников) род в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. графу А таблицы Ха. В учете 1-й Ясачной комиссии 1769 г. Рыбников род (Верхнеколымского зимовья) [Г1966: 72]
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<u>Рыбниковский юкагирский род (старосты Аланчина), р. Нелемная [Колымск. реестр 1811 г.]</u>
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Рыбкинский [юкагирский] род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: Рыбниковский род – Коркодон, Омолон
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	ко времени X-й ревизии упразднен в официальном делении (в 1837 г.); при этом члены рода были частью влиты в 1-й Омолонский род, частью – в верхнеколымский Нартенный род, который, в свою очередь, в 1850-х гг. был влит в Ушканский. Однако до рубежа XIX – XX вв. часть Рыбниковского рода, влившаяся в Нартенный род, продолжала существовать как выделяемая самими верхнеколымскими юкагирами подобность в их составе. См. графу Е таблицы XIa.
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	В составе Ушканского (расширенного) рода. См. графы Д, Е таблицы XIa.

<p>(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p>	<p>В составе Ушканского (расширенного) рода. См. графы Е, Ж таблицы XIа.</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	
<p>(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.</p>	<p>выделяется Тэки Одулоком как «одулы с рр. Поповки и Шаманкиной», они же «рыбниковский народ», «нэтбэндьи» (ньяатпэндьи) в составе верхнеколымских юкагиров, а в итоге – как «Шаманкин род» в составе ясачненской подгруппы верхнеколымских юкагиров. См. графы Е и З таблицы XIа.</p>
<p>(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54]⁶. Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.</p>	<p>не выделен</p>
<p>(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).</p>	<p>не выделен</p>
<p>(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>
<p>(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.</p>	<p>(не учтен в силу территориального охвата работы)</p>

XIV. Нартенный (Нартицын, Нартинский) род

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Нартенный (Нартицын, Нартинский) род в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	См. графу А таблицы Ха. В учете 1-й Ясачной комиссии 1769 г. Нартицын / Коркодонский род (Верхнеколымского зимовья) [Г1966: 72]
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹	<u>Нартинский юкагирский род (старосты Прокопьева), р. Нелемная [Колымск. реестр 1811 г.]</u>
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	1820-е гг.: Нартинский / Нартинный юкагирский род [Башарин 2003: 461, 482 / 472, 490]. 2-я Ясачная комиссия: Нартенный род – Ясачная, Коркодон, Попова
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	упразднен в официальном делении – в 1850-х гг. влит в административный Ушканский род (однако продолжал существовать как выделяемая самими юкагирами подобщность в составе этого расширенного Ушканского рода). См. графу Е таблицы XIa.
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	В составе Ушканского (расширенного) рода. См. графы Д, Е, Ж таблицы XIa.

(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).	
(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: хх – ххii]	
(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	отвечает выделяемым Тэки Одулоком коркодонским юкагирам – «хорходонды» в составе верхнеколымских юкагиров
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	отвечает выделяемой Н.Н. Березкиным коркодонской подгруппе в составе Верхне-Колымского юкагирского рода
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	не выделен
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	(не учтен в силу территориального охвата работы)
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не учтен в силу территориального охвата работы)

XII. Анадырское юкагирское общество

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Анадырское юкагирское общество в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	(Анадырское юкагирское общество не существовало до последних десятилетий XIX в.)
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	
(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)	
(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)	Анадырское юкагирское общество [2005: 103; Г1966: 146] сложилось во второй пол. XIX из переселившихся на Анадырь юкагиров Омолонских и Омотских родов
(Е) роды и группы по В.И. Иохельсону (первое приводимое название – по русскому учету). В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или	<u>Анадырское юкагирское общество</u> (см. прим. 41) – оседлые юкагиры басс. Анадыря, происходящие от переселившихся в течение XIX в на Анадырь части юкагиров 3-го Омолонского рода (переселились к середине 1860-х гг. [Бурова 1966: 32–33]) и главным образом ряда юкагиров 1-го Омолонского и 1-го, 2-го, 3-го Омотских

иных юкагирских племен XVII в.	родов [2005: 103] (переселились в 1870-х – 1880-х гг. [Г1966: 144]). По русскому учету – «юкагирское» общество, по языку – к исходу XIX в. полностью обрусели (до того – лесной юкагирский язык), этническое самоназвание – русск. «юкагиры» [2005: 103, ср. 30]. Жили в Марково и др. селениях по Анадырю.
(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]	не учтено (Анадырский край не учитывается в переписи Якутской обл.)
(З) Юкагирские роды к 1920-м гг. и в 1920-х гг. по Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24 – 25]. Указаны только роды, которые Тэки Одулок определяет как юкагиров.	(не отражено)
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиров.	(не отражено)
(К) Г.А. Попов о ситуации первой четверти XX в. (группы, указанные им как юкагирские, перечень [Попов 2: 92]).	(не отражено)
(Л) [Гоголев 1978] о ситуации 1930-х гг. в тундре между Индигиркой и Колымой	(не отражено уже в силу территориального охвата работы)
(М) [Кочкин 2016] о ситуации первой трети XX в.	(не отражено уже в силу территориального охвата работы)

XIII. Чуванцы

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	Чуванцы в соответствующих источниках
(А) положение рода в конце XVIII в. (начиная с учета 1-й Ясачной комиссии 1769 г.) и его происхождение	Чуванцы – переходившие во второй пол. XVIII в. на русский язык и на чуванский диалект чукотского потомки юкагирского племени чуванцев (вобравшего на рубеже XVII – XVIII вв. и далее часть юкагиrow-ходынцев [Д: 425–427]*); во второй пол. XVIII в. обособились в отдельную народность, не рассматривавшуюся больше как часть юкагиrow.
(Б) начало XIX в. (в т.ч. реестр Колымского комиссарства 1811 г. [Г1966: 139; История 1957: 221]; данные этой переписи выделены подчеркиванием ¹)	<p>Фигурируют как Хатылинско(Ходынско)–чуванский род, Нижнеколымского зимовья, в учете 1-й Ясачной комиссии 1769 г. [Г1966: 72], как «Чувано-юкагирский род» в документации XVIII – начала XIX вв. [2005: 48–49]; в колымских переписях 1811 г. [<u>Колымск. реестр 1811 г.</u>] и 1816 г. – <u>Чуванско-Хатылинский род</u> и Ходынский род [Г1966: 139].</p> <p>*Остальная, главная часть ходынцев (юкаг. <i>хододьил</i>) сместилась на запад и составила 2-й Каменно-ламутский род (Колымского округа) (<i>хододьил</i>, <i>ходэйдьил</i>) [Д:424, 548], см. выше в таблице V.</p>
(В) документы 1820-х гг. [Башарин 2003] и учет 2-й Ясачной комиссии [Г1966: 140]: роды, учтенные как юкагирские	(1820-е гг.: Хатылинский чуванский род [Башарин 2003: 461, 472, 482, 490] 2-я Ясачная комиссия: Хатылинско-Чуванский род)

<p>(Г) X-я ревизия [см. Г1966: 140 – 141, 160 – 161]: роды отнесенные к юкагирам (обозначенные ревизией как «юкагирские»)</p>	<p>(чуванцы «Хатыгинского» рода; учтены как особая народность чуванцы, а не как юкагиры [Г1966: 141]; говорили оседлой частью по-русски (лишь некоторые семьи этой части еще помнили юкагирский чуванский язык) [Г1966: 141–142], кочевой оленеводческой частью – на чуванском диалекте чукотского)</p>
<p>(Д) перепись 1897 г. [см. Г1966: 144– 46, 2005: 92–104]; роды, отнесенные к юкагирам (обозначенные переписью как юкагирские)</p>	<p>(чуванцы, по русскому учету «чуванское общество» Анадырского округа и «чуванцы Ходынского рода» Колымского округа; те и другие учтены как особая народность чуванцы, а не как юкагиры [Г1966: 144–146])</p>
<p>(Е) роды и группы по В.И. Йохельсону (первое приводимое название – по русскому учету).</p> <p>В концевых примечаниях к таблицам (с. 114 слл.) к названиям рода указано происхождение от тех или иных юкагирских племен XVII в.</p>	<p>(чуванцы – не включали себя и не включались юкагирами в общность юкагиров, образовав отдельный народ; часть перешла на русский язык; по русскому учету «чуванское общество» Анадырского округа и «чуванцы Ходынского рода» Колымского округа [ср. 2005: 29, 30, 48, 103, 104, 172, 208–210; ср. Г1966: 144–145]).</p>
<p>(Ж) перепись Якутской обл. 1917 г. [Соколов 1922: xx – xxii]</p>	<p>чуванцы, Хатылинский род (Колымск. уезд) (*) (* Анадырский край не учитывается в переписи Якутской обл.)</p>
<p>(З) – (М)</p>	<p>— (не рассматриваются как юкагиры, давно обособившись в отдельную от них этническую общность)с</p>

XIV. «Оймякенский юкагирский род»

Источники и комплексы источников в хронологическом порядке	«Оймякенский юкагирский род» в соответствующих источниках
(А – З)	—
(И) юкагирские роды 1920-х гг. по Н.Н. Березкину [Б1939: 50–54] ⁶ . Указаны только роды, которые Н.Н. Березкин определяет как юкагиrow.	Эта группа рассматривается как юкагирская (под названием «Оймякенского [= Оймяконского] юкагирского рода») лишь у Н.Н. Березкина [Б1939] и некоторых его информантов. Все остальные источники рассматривают верхнеиндигирскую группу, подразумеваемую Н.Н. Березкиным под указанным названием, как часть ламутов / эвенов (возможности идентификации этой группы с определенным родом или подгруппой верхнеиндигирских эвенов русского и советского учета пока не выяснены). Занимала, согласно Н.Н. Березкину, верховье р. Индигирки, Оймякенское плоскогорье. См. подробно прим. 56.
(К) – (М)	—

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦАМ

¹ Соотнесение 1-го – 3-го Омолонских и 1-го – 3-го Омотских родов с названиями, указанными в Колымской переписи 1811 г., определяется следующим образом. Названная перепись сначала указывает три рода, живущие по Анюям и платящие ясак в Нижнеколымскую крепость («Юкагирский» старосты Рупачева, «Юкагирский» старосты Никулина, «Юкагирский» старосты Лыткина), потом три рода, платящие ясак в Нижнеколымскую и Среднеколымскую крепости: первые два, живущие по Омолону («Омолонский» старосты Чаина и «Юкагирский» старосты Пенкова), платят в Нижнеколымскую крепость, а третий («Юкагирский» старосты Слепцова, река не указана) – в Среднеколымскую крепость. Такая группировка и ареалы родов подразумевают, что первые три из них, живущие на Анюях – это Омотские роды русского учета, а следующие три (для двух первых их них прямо указан Омолон как место обитания) – Омолонские. Это подтверждается данными по отдельным родам. «Юкагирский» род Слепцова (единственный из названных 6 родов, плативший в Среднеколымскую, а не в Нижнеколымскую крепость), по указанию опиравшегося на архивные документы И.С. Гурвича – это 2-й Омолонский род [Гурвич 1966: 138 с прим. 33 + Гурвич 1966: 140 с прим. 43], и действительно, по учету 1-й Ясачной комиссии 1769 г. именно 2-й Омолонский род, единственным из всей шестерки Омолонских и Омотских родов, платил ясак не в Нижнеколымское, а в Среднеколымское зимовье [Гурвич 1966: 72 с прим. 51]. Род Рупачева – 3-й Омотский род (см. прим. 40). Род Никулина – один из Омотских родов, вероятно, 1-й Омотский (см. прим. 40). Роды Пенкова и Чаина должны быть Омолонскими уже потому, что Омолон указан для них как место обитания. В сочетании с отнесением рода Слепцова к Среднеколымской крепости (в то время как Омотские роды были нижнеколымско-анюйскими и платили в Нижнеколымскую крепость) и отождествлением его со 2-м Омолонским родом размещение родов Пенкова и Чаина на Омолоне само по себе идентифицирует все эти три рода (Пенкова, Чаина и Слепцова) как Омолонские, а не Омотские, а для названных перед ними трех анюйских родов (Рупачева, Никулина и Лыткина) останется как раз идентификация с Омотскими родами (как мы и предполагали выше). Род Чаина – несомненно, 3-й Омолонский: Чаины и Щербаковы постоянно были старостами 3-го Омолонского рода, в начале XIX в. таковым был именно Чаин [Гурвич 1969: 89–91], и сам этот род назывался в ряде документов то Щербаковским родом, то родом Чаина [Бурова 1966: 24]. На долю омолонского «Юкагирского рода» Пенкова остается отождествление с 1-м Омолонским родом (и действительно, фамилия Пеньковы наряду с Востряковыми фиксируется в 1-м Омолонском роде

[Иванова-Унарова 2017: 134; тж. Гурвич 1966: 143, где номер указанного им «Омолонского» рода, включавшего Востряковых и Пеньковых, однозначно устанавливается по его приведенной численности – 61 мужчина и 58 женщин для 1859 г. Такое число мужчин и женщин имел в 1859 г. именно 1-й Омолонский род, см. Иохельсон 2005: 102]), а на долю анюйского «Юкагирского рода» Лыткина – с одним из Омотских родов (вероятно, со 2-м Омотским, так как фамилия Микулины / Никулины отмечена в 1-м Омотском роде [Гурвич 1966: 143]). О том, почему какие-то Омотские или Омолонские роды могли бессистемно именоваться «Юкагирскими», см. прим. 40.

² Каменно-юкагирский род Верхоянского округа, Буяксирский род и Кункугурские и Тюгэсирский юкагирские роды составляли к концу XIX в. особое этнографическое единство [Юкагиры 1975: 26–27], объединенное тесными контактами, юкагирской идентификацией при особом диалекте эвенского языка (называемом при этом в регионе «юкагирским» языком) и общим надродовым ино- и самоназванием «дутки» (эвенск. «удалец»; вероятно, калька с юкагирск. самоназвания «вадул/одул», которое сами юкагиры объясняли как «сильные, могучие» [Иохельсон 2005: 47]). Применение всеми родами этой общности к себе термина *дутки* отмечено в [Иохельсон 2005: 51] (кроме того, специально для Каменно-юкагирского рода Верхоянского округа – в [Иохельсон 2005: 95; Юкагиры 1975: 26], для Кункугурских юкагирских и Тюгэсирского юкагирского рода – в [Иохельсон 2005: 96], для Буяксирского рода – в [Спиридонов 1996/1930: 24], где весь этот род называется «дутки-, дудки», см. прим. 17). В итоге большая часть этой общности стянулась в XX в. на Аллаиху и Нижнюю Индигирку, большинство ее представителей в XX в. приняло эвенскую идентификацию, некоторые потомки всех трех родов удержали юкагирскую идентификацию [Кочкин 2016], ср. прим. 23. Самоназвание «дутки» применяли к себе в разное время также Омолойский юкагирский род [Иохельсон 1900б: 156] и эрбэткэны [Иохельсон 1900б: 155].

³ Эрбэткэны (2-й Алазейский род), хододьил (2-й Каменно-ламутский род), алайи (1-й Алазейский род) и бетильцы-хангаи (Бетильский род) к 1900 г. давно составляли особое конфедеративно-этнографическое единство, объединенное тесными контактами и межгрупповыми браками, конфедеративными связями, тундренным юкагирским языком (это был язык собственно алайи, усвоенный и прочими родами), общими само- и иноназваниями. Вся группа в составе этих четырех родов именовалась «хангай» и «алайи» в расширенном смысле обоих слов, прилагала к себе этноним «вадулы» (общее юкагирское самоназвание *wa/одул* ‘юкагиры’ в тундренно-юкагирском произношении); термин «хангай» был также якутским, а «хулдича» – эвенским названием этой группы [Иохельсон 1900б: 155–158; Иохельсон

2005: 172; Jochelson 1926: 19; Долгих 1952: 72–73; Гурвич 1966: 147; Юкагиры 1975: 24–25].

Представители некоторых из названных четырех родов не только прилагали к себе термин «вадулы» в качестве надродового обозначения названной этнографической тундренной общности (в составе всех этих четырех родов), в которую они себя включали, но одновременно использовали указанный термин и в более узком смысле, как конкретное обозначение собственного рода. Такое словоупотребление не отмечено в материалах В.И. Иохельсона, но зафиксировано, по крайней мере для 1930-х гг. и более позднего времени, у 1-го Алазейского рода – алайи и у бетильцев-хангаев. Так, в [ФЮ: 402 сл.] информант – потомок алайи говорит о фактическом вливании 2-го Алазейского рода эрбэткэн в 1-й Алазейский род алайи [о самом этом вливании см. ниже, прим. 29] в следующих выражениях: «Люди Гусиногo племени [эрбэткэн] имели своего князька. Когда вадулы [здесь = алайи] собирались на свое собрание, этот князек приходил туда... Вот, когда их [людей Гусиногo племени] стало совсем мало, почти исчезли, они вошли в число вадулов [здесь = алайи]. Отдали свой кортик [т.е. перестали существовать как отдельный род: кортик был приметой главы административного рода – князца], растворились вот среди местных людей [=алайи]». Термин «вадулы» здесь последовательно употребляется в значении ‘1-й Алазейский род – алайи’ (эрбэткэны в число «вадулов» в этом рассказе не входят, пока имеют собственного князца и не сливаются с «вадулами» = алайи), то есть как эмфатический синоним названия рода алайи, а не в обычном, более широком значении, называвшем все вышеуказанные четыре рода тундренных юкагиров вместе (к числу «вадулов» в этом, обычном смысле эрбэткэны относились и до слияния с 1-м Алазейским родом), и не в каком-либо еще более широком всеюкагирском значении. Это же применение 1-м Алазейским родом термина «вадулы» в качестве одного из своих конкретных родовых самоназваний отмечено З.В. Гоголевым [Гоголев 1978: 136, с неточной передачей этого «вадулы» как «одулы»]. Аналогичная практика у бетильцев-хангаев также отмечена в [Гоголев 1978: 136], где указывается, что термин «вадул» применялся ими наряду с термином «во[х]рыл» как название собственного рода (в публикации З.В. Гоголева стоит, с явной опечаткой, «возрыл»; имеется в виду термин, который точнее передается написаниями «вагарил / ваха(ха)ри(и)л», см. прим. 34)

В 1927 г. обсуждаемые четыре рода, а также кункугурцы были реорганизованы в 4 административных рода (все – в составе Колымского округа), значащиеся в советском учете уже как «тунгусские» («тунгусы северо-западной тундры») со своими родовыми советами: Хододинский, Кункугурский, Хангайский и Юкагирский [Пространство 2020: 242].

Первый из них отвечает хододьил (= 2-му Каменно-ламутскому роду дореволюционного учета), второй – прежним Кункугурским родам (возможно, также и Тюгэсирскому юкагирскому роду?), третий – хангаям в собственном, узком смысле слова (= Бетильскому роду), на долю последнего остается отождествление с единством 1-го и 2-го Алазейских родов (об их фактическом слиянии см. выше, а также в прим. 29).

В XX в. значительное большинство хододьил, а также часть представителей и потомков остальных трех родов (бетильцев, алайи и эрбэткэнов) стали рассматривать себя как эвены, остальные (особенно алайи) удержали юкагирскую идентификацию и стянулись (прежде всего вокруг алайи) в единство тундренных юкагиров XX – XXI вв. (центром которого с середины XX в. является Андриюшкино). Советский официальный учет в середине XX в. стремился записывать всех представителей обсуждаемой группы четырех родов как эвенов, а не юкагиров, независимо от их самоидентификации [Туголуков 1979: 33 сл.]; иногда исключение делалось для тех потомков рода алайи (1-го Алазейского), кто удерживал юкагирскую идентификацию – их и в тот период некоторое время готовы были записывать юкагирами. Так, Г.Н. Курилов отмечает [Курилов 1995: 97]: «Семен [Курилов], как и сами хангайцы [в собственном смысле слова, бетильцы], [сохранившие юкагирскую идентификацию], считал, что эта группа тустах-сеньских юкагиров не может быть причислена к эвенам, так как даже их прапрадеды называли себя одулами [то есть, при более точной передаче тундренного произношения, “вадулами” = юкагирами]. Но по мнению председателя [наследного совета] выходило так, что одулами [“вадулами” = юкагирами] могут называться только те юкагиры, которые выделяют себя самоназванием “алайи” [в собственном смысле слова]. В этом споре победа оказалась на стороне председателя и почти все хангайцы стали эвенами в своих паспортах». Лишь позднее часть из них смогла сменить официальную национальную принадлежность в соответствии с самоидентификацией.

Аналогичные сведения приводит брат Г.Н. и С.Н. Куриловых, Н.Н. Курилов, о своей собственной тундренно-юкагирской семье Куриловых, возводившей себя не к бетильцам-хангаям (как видно уже из словоупотребления Г.Н. Курилова в только что цитировавшемся пассаже: «Семен [Курилов], как и сами хангайцы...»), а к другим родам обсуждаемой общности четырех родов тундренного юкагирского языка (см. подробнее ниже): «...Когда вышел роман Семёна Курилова “Ханидо и Халерха”, то брат поменял в паспорте пятую графу: он был записан “эвеном”, а стал юкагиром. Мы вообще все были “эвенами”. А потом, следуя его примеру, все поменяли графу – стали юкагирами. А потом власть опомнилась и запретила эту практику. И так получилось, что

теперь нередко в одной семье – половина эвенов, половина юкагиров» [Курилов 2009: 42].

О степени интеграции и переплетения (прежде всего благодаря перекрестным бракам и приемам в семью) между четырьмя родами, входившими в обсуждаемую конфедеративную общность тундренного юкагирского языка (хангайскую / алайскую в широком смысле обоих слов), ярко говорит пример вышеупомянутой семьи Куриловых, принадлежащей к этой общности. Своей деятельностью в науке, искусстве и просвещении в этой семье особенно известны три названных выше брата: Семен Николаевич Курилов [1935–1980], Гаврил Николаевич Курилов [род. 1938] и Николай Николаевич Курилов [род. 1949] – внуки по прямой мужской линии шамана Нявала. Опираясь на семейные воспоминания, родовое происхождение своей семьи они могли определять по-разному. С.Н. Курилов одно время относил свою семью к потомкам эрбэткэнов [Лезинский М.Л. Закон тундры, или Великий Юкагир. интернет-публикация http://samlib.ru/l/lezinskij_m_l/zakon.shtml; <https://proza.ru/2012/03/10/242>], а его брат Г.Н. Курилов – к потомкам рода хододьил [Туголуков 1979: 34]; последнее представление излагал в другое время и сам С.Н. Курилов, исходя из связи своей семьи с Афанасием Куриловым, жившим на рубеже XIX – XX вв. – его С.Н. Курилов считал родившимся в роде хододьил, прибавляя также, что по этому Афанасию Курилову хододьил стали именоваться «Курилэй-род» [Мар 1973: 115], а бабушка братьев Куриловых была воспитанницей указанного Афанасия Курилова, оставшегося бездетным, но вырастившего многих приемных детей [Семен Курилов в воспоминаниях 1995: 36–37, 90].

Между тем названный Афанасий Курилов был главой Бетильского (хангайского в собственном смысле слова) «тунгусского» рода [Туголуков 1979: 34] и сам себя, в качестве этого главы, определял внутри этого рода как тунгус, а не юкагир [Березкин 1939: 30]; однако к хангаям-бетильцам братья Куриловы себя не возводили, отличая себя от них (ср. выше словоупотребление в цитирувавшемся сообщении Г.Н. Курилова [Курилов 1995: 97]; отнесение В.А. Туголуковым братьев Куриловых к бетильцам-хангаям, «обьюкагиренным тунгусам» [Туголуков 1979: 34], таким образом, неточно, речь могла бы идти лишь об их принадлежности к хангаям в расширенном смысле слова [они же алайи в расширенном смысле слова], то есть к вышеназванной общности четырех родов тундренно-юкагирского языка, возглавляемой хангаями-бетильцами).

В конце концов, как сообщает В.А. Туголуков, братья С.Н. и Г.Н. Куриловы согласились в том, что их семья – потомки 1-го Алазейского рода (алайи в собственном смысле слова) [Туголуков 1979: 34].

Таким образом, в пределах четырехродовой общности алайи / хангаев в широком смысле обоих терминов семья Куриловых соотносила

себя как с предками с тремя, а фактически со всеми четырьмя родами – хододьил и бетильцами (по связи с главой семьи, вырастившим их бабушку – Афанасием Куриловым), эрбэткэнами и собственно алайи. Вопреки возможному недоумению читателя, обычно привыкшему к более однозначным системам этнического и генеалогического отсчета, нет оснований предполагать между этими версиями какие-либо фактические противоречия. Они должны были опираться на одни и те же семейные воспоминания и лишь приходиться к различным конечным определениям происхождения семьи Куриловых по тому или иному роду на фоне того, что их предки могли относиться к разным родам. В юкагирской среде применялись и матрилокальные браки, и патрилокальные браки, с соответствующими переходами из рода в род, и индивидуальные такие переходы; возводить себя к предкам, принадлежащим к тому или иному роду, можно было по различным линиям (в том числе к физическим предкам и к предкам по адаптации) и на различную глубину; кроме того, эрбэткэны к концу XIX в. кочевали воедино с хододьил по общей территории [Иохельсон 2005: 92–93], а в начале XX в. фактически присоединились к алайи, но еще какое-то время сохраняли внутри образовавшегося единства с алайи свою особую идентичность, а потом «растворились» в их среде (см. прим. 29 и ФЮ: 402 сл.). На этом фоне человек мог бы всегда и твердо определять себя принадлежащим к тому или иному роду лишь до тех пор, пока сохранялось само разделение на эти роды, а он был членом одного из них. После упразднения этого деления оставалось определять свое родовое происхождение по различным предкам, а те сами могли принадлежать к разным родам; кроме того, каждый предок, как и каждая прямая мужская линия, могли менять родовую принадлежность в зависимости от того, кто к кому переселялся (в связи с браком или независимо от него) и в составе каких групп оставалось, росло и жило потом его потомство; сами эти группы тоже соединялись и разъединялись. Поэтому, повторим, вполне вероятно, что за всеми сообщениями о происхождении линии братьев Куриловых, приведенными выше, стоит одна и та же генеалогическая реальность. Характерно, что семейные воспоминания связывали их именно с хододьил, эрбэткэнами и алайи, а три эти группы на протяжении 40 лет, предшествующих рождению братьев, последовательно перебивали в тесных единствах друг с другом: эрбэткэны были сначала тесно ассоциированы с хододьил (с которыми кочевали вместе по общей территории, отличной от территории кочевий бетильцев и от территории кочевий алайи, Иохельсон 2005: 92–93), а потом с алайи, с которыми в итоге фактически и слились (прим. 29); в частности, эрбэткэны по ходу этого слияния «стали именовать себя алайцами» [Курилов 2005: 16]. Уже в силу этого любой юкагир XX в., происходивший по какой-то линии от

эрбэткэнов, мог бы по этой линии равно определять себя и как потомка эрбэткэнов, и как потомка алайи (поскольку сами эрбэткэны начали называть себя алайцами и стали частью алайи). Свои основания могли иметься и для соотнесения бетильского главы Афанасия Курилова с хододьил (а не только с самими бетильцами), и для выделения какой-то части хододьил как группы, назвавшейся по связи с ним «Курилэй».

⁴ Об истории формирования этой подобности (Омолонские и Омотские роды лесного языка и их потомки) см. прим. 41. В начале XX в. она была представлена:

- оседлым Нижнеколымским юкагирским обществом (обрусевшие по языку и образу жизни 1-й Омолонский и 1-й – 3-й Омотские роды, официально это общество числилось как 1-й Омолонский расширенный род, в который ок. 1900 г. были административно влиты 1-й – 3-й Омотские роды);

- оседлым Анадырским юкагирским обществом (обрусевшие по языку и образу жизни выходцы из Омолонских и Омотских родов, ранее переселившиеся на Анадырь);

- и кочевой оленной частью 2-го Омолонского рода (перешла на эвенский язык, кочевала вместе с эвенами рода Балаганчик; неоленная часть 2-го Омолонского рода перестала существовать в 1897 г. из-за голода [Богораз 1898; Иохельсон 2005: 89, 100; Богораз 1931: 1]).

В 1930-х – 1950-х гг. представители и потомки оленной части 2-го Омолонского рода перешли на эвенскую идентификацию (в силу смешения со своими симбиотами-эвенами и углубления языковой эвенизации), единичные потомки юкагиров Нижнеколымского юкагирского общества и Омолонских родов удерживали в течение XX в. и далее юкагирскую идентификацию (в уникальных случаях – также и лесной юкагирский язык), ряд потомков юкагиров Анадырского юкагирского общества удержал юкагирскую идентификацию, другие перешли на русскую и чуванскую.

⁵ Верхнеколымская общность юкагиров (три верхнеколымских рода: Ушканский, Нартенный, Рыбников – административно объединенные во второй четверти – середине XIX в., когда сначала Рыбников род был упразднен с включением его людей частью в 1-й Омолонский, частью в Нартенный род, а потом и этот расширенный Нартенный род был упразднен с включением его людей в Ушканский род; этот расширенный Ушканский род теперь оформлял административно всю общность верхнеколымских юкагиров, хотя по своему собственному, внутреннему счету она и далее продолжала подразделять себя на собственно ушканцев, рыбниковцев и нартенцев) представляла собой основную (оставшуюся на верхней Колыме и Коркодоне) часть потомков племени, носившего родовое название *когимэ* ‘вóроны’ и территориальное название *онмундыи*

‘колымцы, люди р. Онмун=Колыма’. Другая часть потомков этого племени составила 1-й – 3-й Омолонские роды, выдвинувшиеся на северо-восток от Колымы, а еще одна часть потомков того же племени (выходцы прежде всего из указанных Омолонских родов) смешалась с остатком нижнеколымского племени омоков и образовала в этом смешении с ним 1-й – 3-й Омотские роды, см. прим. 35 и 41 ниже.

Верхнеколымская юкагирская общность именовала себя в XIX в. лишь *онмундыи* ‘колымцы’ [Иохельсон 1898: 257]; именование *когимэ* ‘вóроны’ вышло из употребления как их общее самоназвание и использовалось к концу XIX в. как иноназвание верхнеколымских юкагиров в устах носителей тундренно-юкагирского языка [Иохельсон 2005: 50–51], а также было, видимо, удержано как одно из наименований 3-го Омолонского рода (см. прим. 50). Обсуждаемая верхнеколымская общность юкагиров рассматривала себя, а также Омолонские и Омотские роды юкагиров (т.е. всех юкагиров своего собственного, лесного юкагирского языка) как особое (суб)этническое единство, именуя его просто «одулы» (общеюкагирское самоназвание *wa/одул* ‘юкагиры’ в лесном юкагирском произношении) [Иохельсон 2005: 172]. В XX в. общность верхнеколымских юкагиров (в которую теперь влились и ее симбиоты, юкагиризованные эвены 2-го Дельянского рода – в значительной степени, собственно, ре-юкагиризованные, так как сам этот род должен был происходить в немалой доле от некогда влившихся в него и эвенизовавшиеся в его составе юкагиров) удержала юкагирскую идентификацию и теперь составляет общность лесных юкагиров с центром в Нелемном. 2-й Дельянский род фактически юкагиризовался и влился в Ушканский род (с которым уже давно был тесно связан, в том числе взаимными браками, давшими ряд общих фамилий в обоих родах) уже в начале XX в., но официально их еще некоторое время продолжали числить как отдельные единицы, хотя их фактическое единство также отражалось в документах. Так, в 1926 г. единство этих родов фигурирует в советской документации как «нелемные юкагиры и ламуты» (представленные в Окружном совете одним представителем – Василием Шадриным [одна из общих фамилий для Ушканского и 2-го Дельянского рода], то есть выступавшие как единое целое) [Пространство 2020: 241, прим. 540], а в проекте административного деления Якутской АССР от 8.06.1927 – просто как два рода, «Дельянский род ламутов и Ушканский род юкагиров», в административном отношении подчиненные напрямую окружным властям [Пространство 2020: 241]. В 1927 отмечено «совместное Собрание юкагиров и ламутов Верхней Колымы» [Пространство 2020: 241, прим. 541], а в чуть более позднем проекте административного деления Якутской АССР, от 6.11.1927, ушканцы и фактически влившиеся в их состав дельянцы уже представлены как одна

неделимая административная единица – «Юкагирский туземный Совет» с центром в Верхнеколымске [Пространство 2020: 241, прим. 540*]. Отметим, что кроме этой, верхнеколымской административной единицы, проект от 6.11.1927 предполагает в рамках «туземных улусов» Колымского округа лишь еще одну административную единицу, связанную по идентификации с юкагирами – «Колымский», он же «Ламутский» род, определенный как «ламуты-юкагиры». В этом роде остается видеть сложившееся к тому времени единство эвенизирующейся по языку оленной части 2-го Омолонского юкагирского рода и их симбиотов – эвенского рода Балаганчик. Других юкагиров и «ламуты-юкагиров», помимо верхнеколымских (не-оленных) юкагиров и оленной части 2-го Омолонского рода, среди «туземцев» Колымского округа к тому времени советская документация видеть не могла, так как юкагиры досоветских 1-го Омолонского и Омотских родов давно русифицировались по языку и образу жизни, а тундренные юкагирские и юкагиро-тунгусские роды значились в советском учете 1927 г. уже не как юкагиры, а как тунгусы (а именно, четыре административных рода «тунгусов северо-западной тундры»: Хододинский, Кункугурский, Хангайский и Юкагирский [Пространство 2020: 242]; об идентификации этих «родов» раннего советского времени см. прим. 3).

⁶ Отождествления родов из перечня Н.Н. Березкина однозначно определяются географическими и иными сведениями, приведенными о них Н.Н. Березкиным.

⁷ В 1703 г. в Усть-Янское зимовье платили ясак следующие юкагирские роды: Омолойский (Омолоевский) род, Хромовский род (две подгруппы юкагирского племени коромоев), Каменный род (юкагирское племя яндинцев), Зельянский и Петайский (две подгруппы юкагирского племени онойди, уже к середине XVII в. вобравшего в свой состав значительное количество ламутов, прежде всего дельянов, откуда и название «Зельянский» у одной из подгрупп онойди. К названиям «Зельянский» и «Петайский» также иногда прибавлялось определение «Каменный» [Гурвич 1966: 66, 70, с примерами 1721 г.: «Зельянский юкагирский (Каменный) род», «Каменный Петайский род»]); в числе ламутских пришлых родов того же Усть-Янского зимовья в 1703 г. был «Малетин [тж. Мелетин] род» [Гурвич 1966: 65 сл.]. В 1710-х гг. Каменный род (яндинцы) и ламутский Мелетин род, видимо, образовали одно целое, откочевали на Алазею и в 1721 г. упоминаются как одно целое – «Алазейского зимовья Мелетин род» [Гурвич 1966: 66], в 1730-х гг. значащийся как «ламуты Мелетина» вновь за Усть-Янским зимовьем [Гурвич 1966: 69].

Между тем в XIX в. на левобережье Алазеи обитает эвено-юкагирский род, именующий себя эрбэткэн (эвенск. «гусиные люди»), что

является точным эквивалентом названия юкагирского племени «янда» (юкагирск. «гуси») в переводе на эвенский язык; в русских источниках второй половины XIX в. этот род именуется Каменно-юкагирским родом Колымского округа и 2-м Алазейским юкагирским родом [Иохельсон 2005: 92; см. в сводной таблице столбец Е о 2-м Алазейском роде]. По преданиям этого рода и его соседей, он пришел на Алазею издалека с Запада [Иохельсон 1900б: 155–156; ср. ФЮ: 403]. По совокупности этих данных нет сомнения, что эрбэткэны – это сильно эвенизированные яндинцы [ФЮ: 16, 509 с комм. к 17; ср. Долгих 1960: 388], то есть яндинский Каменный род Усть-Янского зимовья 1703 г., пропавший из ведения Усть-Янского зимовья к 1721 г. (уход этого рода из Усть-Янского зимовья к 1720-м гг., очевидно, тождествен началу того переселения эрбэткэнов с запада на Алазею, о котором говорило вышеупомянутое предание самих эрбэткэнов) и не упоминавшийся больше под названием «Каменного» юкагирского рода до второй половины XIX в., когда он, как сказано выше, фигурировал на Алазее как юкагирский (несмотря на всю степень его эвенизации) под двумя разными наименованиями, одно из них – как раз все то же именование «Каменный» (Каменно-Юкагирский род [Колымского округа]) второе – 2-й Алазейский. Остается считать, что в промежутке между началом XVIII в. и второй половиной XIX в. рассматриваемая общность «Каменцев»-яндинцев > эрбэткэнов некоторое время фигурировала в источниках (уже в слиянии с исконно-ламутским собственно «Малетиным родом» 1703 г.) под названием ламутского «Мелетина рода» 1720-х – 1730-х гг. (Алазейского, позднее Усть-Янского зимовья); эта эвенизированная (особенно вследствие слияния с исконным ламутским Мелетиным родом 1703 г.) общность яндинцев пользовалась своим исконным самоназванием «гусиные люди», но уже в переводе на эвенский – «эрбэткэн». В итоге она прочно обосновалась при Алазее, на ее левобережье, где и фиксируется как «Каменно-Юкагирский род Колымского округа / 2-й Алазейский род» в середине XIX в. и далее.

Оставшиеся к 1721 г. при Усть-Янском зимовье онойди – Каменные Зельянский и Петайский роды – были соединены в новый, сводный Каменный род Усть-Янского зимовья к 1730-м гг., а затем, в середине XVIII в. / 1760-х гг. этот род (или его главная, больш́ая часть) под своим собственным названием – «Каменный род» – сместился к востоку и в 1769 г. числился 1-й Ясачной комиссией как юкагирский Каменный род Зашиверского зимовья [Гурвич 1966: 72]. В дальнейшем названия вида «Каменный род» Зашиверского зимовья как будто не использовались. Каменно-юкагирский род Верхоянского округа учета середины – второй половины XIX в. остается возводить именно к названному (сводному зельянско-петайскому) Каменному роду (в 1730-х гг. – Усть-Янского, в 1769 г. – Зашиверского зимовья), т.е. к племени онойди. Иногда

гипотетически предполагается [Гурвич 1966: 72], что в этот Каменный род Зашиверского зимовья 1769 г. наряду с перешедшими от Усть-Янского зимовья каменцами-онойди были включены еще и какие-то остатки шоромбойских родов. Шоромба в свое время платили ясак именно в Зашиверское и Подшиверское зимовья, а в учете 1-й Ясачной комиссии никаких прямых соответствий им уже нет. Но если какие-то представители шоромба и попали в состав Каменного рода Зашиверского зимовья 1769 г. – ни подтвердить, ни опровергнуть этого, насколько мы знаем, введенные в оборот источники не позволяют – то большинство шоромбоев в любом случае вошло в иные роды, а именно Кункугурские, Тюгэсирские и Буюксирский, см. обо всем этом ниже, в прим. 9.

Остававшиеся за Усть-Янским зимовьем в итоге (после вывода из его компетенции яндинцев-эрбэткэнов и сводного петайско-зельянского Каменного рода = потомков онойди) юкагирские Омолойский (Омолоевский) и Хромовский роды (и, возможно какие-то остатки сводного петайско-зельянского Каменного рода, не ушедшие к Зашиверску, если такие остатки вообще имелись) в переписи 1769 г. предстают как один Омолойский юкагирский род; вероятно, 1-я Ясачная комиссия и слила их в один этот род в 1760-х гг. [Гурвич 1966: 72]. Этот род затем без изменений фигурирует в русском учете XIX – начала XX вв. Он, таким образом, воспроизводил в целом бывшее племя коромоев, две подгруппы которого и образовывали прежние Омолоевский и Хромовский роды [Долгих 1960: 386–387]. Отметим, что, согласно записям Н.Н. Березкина, сами члены Омолойского рода еще и в конце XIX – начале XX вв. по-прежнему подразделяли себя на две подгруппы; информант Н.Н. Березкина из Омолойского рода описывал одну из них, к которой принадлежал сам, как находящуюся в Булунском районе, а другую – как находящуюся в Усть-Янском районе, а весь административный Омолойский род называл Булунским – очевидно, по собственной подгруппе этого рода [Березкин 1939: 43–44]. В двух названных подгруппах остается видеть продолжения исконных омолоевцев и исконных хромовцев в составе объединявшего их с 1760-х гг. расширенного Омолойского рода.

Возникает вопрос, под какими названиями фигурировали в источниках второй половины XVIII – первой половины XIX вв. две «каменные» юкагирские общности, ушедшие к 1769 г. с Яны на восток – потомки яндинцев и потомки онойди, то есть (1) Каменный род Усть-Янского зимовья 1703 г. > Мелетин род (Алазейского, позднее Усть-Янского зимовья) 1720-х – 1730-х гг. > Каменно-юкагирский род Колымского округа, он же 2-й Алазейский род середины XIX в. и далее (= янда / эрбэткэны), и (2) Петайский и Зельянский роды Усть-Янского зимовья 1703 г. > объединивший их новый (сводный) Каменный род Усть-

Янского зимовья 1730-х гг. > юкагирский Каменный род Зашиверского зимовья 1769 г. > Каменно-юкагирский род Верхоянского округа середины XIX в. и далее (= потомки онойди).

Перепись и иные материалы 2-й Ясачной комиссии (1828–1830 гг.) не знают в Верхоянском округе ни одного «Каменного» рода, а в Колымском округе знают три таких рода, но определяют все три как «Каменные ламутские», «Каменно-Ламутские» (без номеров) [Башарин 2003: 461, 471–472, 490; Гурвич 1966: 153]. Ни названия «2-й Алазейский род» (эрбэткэны), ни названия «Каменный юкагирский» в этих материалах нет. Лишь в переписи 1859 г. возникает и далее фигурирует Каменно-юкагирский род Верхоянского округа [Гурвич 1966: 141; Иохельсон 2005: 95], и кроме него в этом округе числятся два «Каменных» ламутских рода [см. Патканов 1911: 103–104, 121], один из которых затем полностью перешел из Верхоянского округа в Колымский [Патканов 1911: 103–104]. В той же переписи 1859 г. впервые значится как юкагирский (и указан под названием «Юкагирский») род эрбэткэнов [Гурвич 1966: 144], фигурировавший затем как Каменно-юкагирский род Колымского округа, он же 2-й Алазейский род [Гурвич 1966: 144; Иохельсон 2005: 92], он же у Патканова – «2-й Алазейский род (эрбиткин)» [Патканов 1912: 798]. В переписи 1897 г. значатся: 2-й Алазейский род (эрбэткэны); 1-й Каменно-ламутский род Колымского округа; «2-й Каменно-ламутский род (ходейджил)», показанный независимо и в Верхоянском, и в Колымском округах (при этом часть его, находящаяся в Верхоянском округе, насчитывает лишь 1 мужчину и 3 женщины, а часть, находящаяся в Колымском округе – 32 мужчины и 30 женщин, т.е. вне Колымского округа жили тогда лишь единицы хододьил-ходейджил, которых В.И. Иохельсон, например, не учитывает вовсе [Иохельсон 2005: 94]); и, наконец, «Каменно-юкагирский род» Верхоянского округа [Патканов 1912: 762, 798, 810–811]. В материалах переписи 1897 г. у И.С. Гурвича 2-й Каменно-ламутский род показан только в Колымском округе с численностью 32 мужчины и 30 женщин и дополнительным названием «Ханкай» (= хангай; то же название Ханкай стоит как дополнительное при названии вышнупомянутого 1-го Каменно-ламутского рода, который к юкагирам никогда не причислялся) [Гурвич 1966: 161].

Поскольку Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа и Каменно-Юкагирский род Колымского округа = 2-й Алазейский род (эрбэткэны) не могли возникнуть в русском учете ниоткуда, остается считать, что в материалах 1820-х гг. – 1830 г. эрбэткэны, хододьил и будущий Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа фигурировали как три «Каменно-ламутских» рода Колымского округа. Затем первые или их часть были переименованы из Каменного ламутского рода в Юкагирский род (1859 г.), он же Каменно-юкагирский род Колымского

округа, он же 2-й Алазейский род позднейшего учета; третьи были переименованы в Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа, а вторые так и остались «2-м Каменно-ламутским» родом (и были показаны в обоих округах, но главным образом в Колымском). Отличный от всех них по учету 1897 г. «1-й Каменно-ламутский» род Колымского округа, возможно, был ранее отделен от кого-то из них или выделен иначе, но во всяком случае носил чисто эвенский характер: в своем перечне юкагирских и смешанных юкагиризованных родов В.И. Иохельсон его не упоминает.

Итак, в начале XVIII в. существовали две группы «каменных» юкагиров к западу от Колымы: с одной стороны, «Каменный юкагирский» род Усть-Янского зимовья яндинского происхождения – предки эрбэткэнов (в начале 1720-х гг. этот род за Усть-Янским зимовьем уже не числился, а перешел на Алазею, см. выше), а с другой стороны, Каменные Петайский и Зельянский род Усть-Янского зимовья – потомки онойди, слитые к 1730-м в новый Каменный род Усть-Янского зимовья. К 1830 г. первая из этих групп (яндинская) фигурировала как один «Каменный ламутский» род, позднее переименованный в Каменно-юкагирский Колымского округа, он же 2-й Алазейский (эрбэткэн), а вторая (Зельянско-Петайская = онойди) – как другой «Каменный ламутский» род, позднее переименованный в Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа.

⁸ Потомки прежде всего племени коромоев (юкагирск. *коромо* ‘волчий народ’). Как упоминалось, это племя делилось на две подгруппы, западную и восточную, в русском учете эти подгруппы с самого начала фигурировали как два отдельных рода, Омолоевский (Омолойский) и Хромовский [Долгих 1960: 386–387]. В 1760-х гг. они были сведены в один (расширенный) Омолойский род, но неофициально, в понимании самих юкагиров рода, две соответствующие подгруппы продолжали различаться в его составе вплоть до начала XX в. (в записях Н.Н. Березкина они выступают как булунская и усть-янская группы, родственные друг другу, а весь Омолойский род именуется Булунским [Березкин 1939: 43–44]), см. выше в прим. 7).

⁹ Высказывалось предположение, что в этот Каменный род Зашиверского зимовья 1769 г. был также включен остаток родов шоромба [Гурвич 1966: 72; ср. Юкагиры 1975: 17] – если такой остаток к рассматриваемому моменту вообще существовал (в XVII – начале XVIII вв. шоромба платили ясак в Зашиверском и Подшиверском зимовьях). Большинство шоромба (если не все они), как и большинство представителей смежных индигирских групп юкагиров во всяком случае имели другую судьбу: они влились в общность ряда исконно эвенских групп, в частности, кукугиров-кункугурцев, результатом чего стала

юкагирская идентификация значительной части образовавшегося смешанного населения Кункугурских и тесно связанных с ними Тюгэсирских родов (ср. Долгих 1960: 547 и наше прим. 19). Из кункугурского предания, изложенного в [Березкин 1939: 35–36], выясняется, что в состав кункугурцев вливались прежде всего именно шоромба; это предание гласит: «Все три рода кункугурцев в давнее время составляли один юкагирский род. Люди его бродили на территории бассейна р. Индигирки, начиная с р. Мома и кончая р. Уяндино». Это в точности территория всего племени шоромба. Часть шоромба влилась также в состав другой эвенской группы того же круга, а именно буяксиров, как следует из зафиксированной Н.Н. Березкиным семейной передачи сообщения момской юкагирки XVIII в. о происхождении Буяксирского (Ерчинского) юкагирского рода; по этому сообщению, в указанный род влились группы юкагирских переселенцев с Нижней Лены, Яны, Уяндины и Момы; на Моме, по словам указанной юкагирки, жил ее собственный юкагирский род [Березкин 1939: 37–40]. Этой момской группой юкагиров могли быть только шоромба; таким образом, кто-то из них, включая семью названной юкагирки, вошел и в Ерчинский (Буяксирский юкагирский) род. Вышесказанное побуждает думать, что если какие-либо шоромба вообще вливались, сверх всего этого, еще и в Каменный род Зашиверского зимовья 1769 г., то таковых было немного.

¹⁰ Потомки прежде всего «каменных» янских юкагиров-онойди (уже в середине XVII в. включавших в свой состав группу эвенов-дельянов/зельянов, см. выше прим. 7).

¹¹ У З.В. Гоголева они отождествлены (точнее, смешаны воедино) с группой «дутки», обитавшей от Хромы до Суондуруна = Сундруна (см. графу Л таблицы III). Согласно З.В. Гоголеву, Каменно-Юкагирским родом Верхоянского округа назывались некие «дуутки», жившие от Хромы до Суондуруна: «В низовьях Индигирки — юкагирский род, называвший себя дуутки (мн. числ. дууткил). Дууткил кочевали от Индигирки на запад до Хромы и дальше, и на восток до р. Суондурун, впадающей в море между Индигиркой и Алазеей.... До революции они под названием Каменного бродячего рода находились в составе Усть-Янского улуса Верхоянского округа» [Гоголев 1978: 135]. Как однозначно видно из содержания этих пассажей, под названием «дуутки» здесь у З.В. Гоголева соединены или смешаны воедино две соседившие друг с другом общности, прилагавшие к себе именование «дутки»: Каменно-юкагирский род Верхоянского округа и Буяксирский юкагирский роды. Каменно-юкагирский род Верхоянского округа русского учета, который явно называет здесь В.З. Гоголев (у него – юкагирский «Каменный бродячий род» Верхоянского округа), действительно прилагал к себе именование «дутки», но жил к началу XX в. отнюдь не от Хромы до Индигирки и

Суондуруна, где, согласно З.В. Гоголеву, обитают его «дуутки», а от Яны до Хромы [Иохельсон 2005: 95], то есть как раз западнее территории «дуутки» по З.В. Гоголеву. От Хромы же до Индигирки и Суондуруна жил именно Буяксирский/Ерчинский юкагирский род [Иохельсон 2005: 96], тоже именовавший себя «дутки» [см. Иохельсон 2005: 51; Спиридонов 1996/1930: 24]. Таким образом, в описании «Каменных юкагиров – дуутки» З.В. Гоголева слиты воедино две смежные, но разные юкагирские группы, одинаково именовавшие себя «дутки» – Каменно-юкагирский род Верхоянского округа и Буяксирский юкагирский род. И действительно, в ряду юкагирских групп, описанном З.В. Гоголевым, никаких соответствий ни одному из двух названных родов, кроме одного общего соответствия на оба этих рода в виде обсуждаемых «дуутки» З.В. Гоголева, найти нельзя. В действительности Каменно-юкагирский и Буяксирский юкагирский роды различали себя и в XX в. (см. [Кочкин 2016: 18, 29, 34, 38, 44, 73] о «каменных юкагирах» и юкагирах-буяксирах как двух разных, соседящих друг с другом общностях, причем по географическому положению относительно друг друга их называли в регионе еще и «западными юкагирами» и «восточными юкагирами»). Очевидно, тот факт, что обе эти группы прилагали к себе наименование «дутки» и соседили друг с другом, повлиял на смешение их в одну общность в информации, дошедшей до З.В. Гоголева и переданной им (причем официальное название этой, получившейся у него общности пришло в его описание от Каменно-юкагирского рода Верхоянского округа, а территория – от Буяксирского).

Добавим, что к 1920-м гг. и далее юкагиры Каменно-юкагирского рода обитали уже и при западном берегу Индигирки, на Аллаихе, а Буяксирский род по-прежнему рассматривался как их асточные соседи (и связывался прежде всего с Ойотунгской тундрой) [Кочкин 2016: 29, 43 – 44, 73]. Иными словами, их ареалы несколько сместились на запад по сравнению с ситуацией, описанной В.И. Иохельсоном для рубежа XIX – XX вв. (Каменно-юкагирский род – от Яны до Хромы, а Буяксирский – от Хромы до Индигирки, Йелона и Гусиной), и Каменные юкагиры оказались на части территории, которая в описании В.И. Иохельсона отнесена к Буяксирскому роду. Это наложение ареалов также могло повлиять на смешение этих родов воедино в описании З.В. Гоголева, хотя подчеркнем, что и при этом сдвиге на запад Каменные юкагиры и Буяксирский род остались разными общностями и вторые по-прежнему рассматривались как восточные соседи первых.

¹² В целом Буяксирский юкагирский род происходят от ламутов-буяксиров и групп юкагирских переселенцев с Нижней Лены, Яны, Уяндины и Момы [Березкин 1939: 40, см. ниже наше прим. 13] – то есть, соответственно, выходцев из юкагирских племен янда (Нижняя Лена),

коромоев (Яна), янга (Уяндина) и шоромба (Мома). Судя по нижеиндигирской территории обитания рода, в его формировании возможно было участие еще и местного нижеиндигирского, то есть олюбенского юкагирского субстрата.

¹³ В документах X-й ревизии (1850-е гг.) [Гурвич 1966: 140 сл., 160 сл.], переписи 1897 г. и данных С.К. Патканова [Патканов 1912: 762; Туголуков 1982: 159] индигирский Буяксирский род в русском учете именуется уже «юкагирским», а не ламутским, как ранее. В записанном в 1912 г. предании о происхождении «Ерчинского» (= Буяксирского юкагирского) рода, переданном со слов влившейся в этот род около конца XVIII в. юкагирки, происхождение этого рода возводится только к обитавшим на Нижней Индигирке юкагирским группам разного происхождения (в том числе пришлым с нижней Лены, нижней Яны, Момы и Уяндиной) [Березкин 1939: 40], а о ламутском компоненте его предков, с которым и было исконно связано название «буяксиры», это предание не упоминает, как не употребляет оно и названия «Буяксирский» – вместо него в рассказе используется чисто географическое название «Ерчинский» (от р. Ерча). В XIX – начале XX вв. этот род сам считал себя юкагирским и считался таковым у своих соседей – Каменно-юкагирского рода Верхоянского округа и других групп [Кочкин 2016: 18, 28, 29, 38, 44, 73]. Н.Н. Березкин без колебаний определяет Ерчинский (= Буяксирский) род как «Ерчинский юкагирский род» и включает его в свой перечень юкагирских родов [Березкин 1939: 37, 50, 51, 54].

¹⁴ К 1808 г. Буяксирский род сместился с Алазеи на запад, к Индигирке, в связи с чем передан в 1808 г. в ведение Верхоянского комиссарства из Колымского [Гурвич 1966: 151]. По X-й ревизии 1850-х гг., в официальном учете второй половины – конца XIX в., по переписям 1897 и 1917 гг. [Гурвич 1966: 160–161; Иохельсон 2005: 95–96; Соколов 1922: хх] Буяксирский род также числился по Верхоянскому округу, но, например, в записях Ожогинской церкви второй половины XIX в. именовался «Колымского улуса юкагирским Буяксирским родом» [Туголуков 1997: 43].

¹⁵ В 1828 г. при подготовке документов 2-й Ясачной комиссии было на некоторое время выделено три Бугисирских рода, два из которых именовались ламутскими, один — юкагирским [Туголуков 1997: 42] (последнее отражало юкагиризацию буяксиров). Впоследствии 2-й Ясачной комиссией (1830 г.) и дальнейшим учетом (как и в ряде более ранних документов 1820-х гг. [Башарин 2003: 461, 471, 481, 489]) снова рассматривался один Буяксирский род (ранее X-й ревизии – как ламутский, начиная с нее – как юкагирский). При этом западную группу буяксиров, в начале XIX в. кочевавшую между Индигиркой и Хромой, административно перечислили в состав нижеяных тюгесилов

[Туголуков 1997: 43], то есть Тюгесирского рода Усть-Янского улуса.

¹⁶ Происходят, как упоминалось (см. прим. 12), от эвенского племени буюксиров и групп юкагирских переселенцев, прежде всего с Нижней Лены, Яны, Уяндины и Момы [Березкин 1939: 40] (т.е., соответственно, выходцев из племен янда, коромоев, янга и шоромба), с вероятным, судя по нижне-индигирской территории обитания рода, дополнительным олюбенским субстратом.

¹⁷ Отождествление «дуткинцев, дудкиных» Тэки Одулока с Буюксирским родом твердо вытекает из приводимых им сведений о локализации этих его «дуткинцев / дудкиных». Согласно Тэки Одулоку [Спиридонов 1930/1996: 24], на территории при нижней Индигирке и на восток от нее в направлении к Алазее (а на север до океана) обитают три юкагирские группы: «каменцы», «дуткинцы» (в списке тех же групп чуть ниже – «дудкины») и «эрбэчкэны» (как известно, эрбэткэны чяслились как 2-й Алазейский род), а к востоку и югу от этих трех групп живут еще пять юкагирских групп: кункугурцы; «Сандрин», обитающие при р. Сандрин / Шандрин (правом притоке Индигирки) и по средней Индигирке до Момы; хангаи-бетильцы; «Юкагирский род» (его остается отождествлять с алайи в узком смысле слова – 1-м Алазейским родом); хододьил. Такое описание юкагирских групп однозначно требует отождествлять «дуткинцев» с Буюксирским родом, а «Сандрин» – с Тюгесирским юкагирским родом, по совпадению соответствующих территорий в сочетании с методом исключения: «каменцы» и кункугурцы – это, соответственно, индигирский Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа и Кункугурские юкагирские роды; на долю «дуткинцев» и Сандрина географически останется соотнесение с Буюксирским и Тюгесирскими юкагирскими родами, при этом локализация «дуткинцев» к северо-западу от «Сандрина» и, конкретнее, при нижней Индигирке рядом с «каменцами», потребует отождествить «дуткинцев» именно с буюксирями, а «Сандрин» тогда останется соотносить с тюгесирами.

В целом Тэки Одулок делит перечисленные им группы юкагиров, занимающие тундры от Индигирки до Колымы, на три субареала [Спиридонов 1930/1996: 24]:

(а) северо-западный субареал: «между... линией», идущей от «низовьев р. Индигирки» на восток, «и побережьем Ледовитого океана» обитают три рода: 1) «Дуткинцы» 2) «каменцы» и 3) «Эрбэчкэны»;

(б) северо-восточный субареал: «Далее, к востоку и югу от них [трех только что названных родов северо-западного субареала], обитают четыре рода: 1) «Хангайский», или «Битильский», 2) «Хододинский», 3) «Кункугурский (тунгусо-одулы)» и 4) «Юкагирский». Центром их расселения является приустье р. Алазея»;

(в) юго-западный субареал, занятый группой «Сандрин»: «Кроме

того, одулы [= юкагиры] обитают еще и по Индигирке до самого устья вплоть до р. Момы (верховья). Здесь они кочуют отдельными семьями и называются «Сандрин»».

Чуть ниже совокупность северо-западного и юго-западного субареалов вместе («Сандрин, Дудкины, Каменные, Эрбэчкэны») определена Тэки Одулоком как «правая долина [= правобережье] Индигирки, район между Индигиркой и Алазеей», а северо-восточный субареал («Хангайский, Хододинский, Кункугурский, Юкагирский» роды) – как «Западная [= идущая на запад от Нижней Колымы] тундра». Примерный стык двух этих пространств у Тэки Одулока, как видим, приходится на район Алазеи.

Западнее Индигирки Тэки Одулок видит уже лишь единичные семьи юкагиров, кочующие «в гуще тунгусов»: «Отдельные семьи одулов [= юкагиров] кочуют также и между Яной и Индигиркой и даже заходят за Яну [на запад]. Интересно отметить, что, находясь в гуще тунгусов, они сохранили свой родной юкагирский язык».

Приведенная картина, рисуемая Тэки Одулоком для 1920-х гг., подтверждается административным преобразованием 1927 г., по которому в Западной тундре (от Колымы к Индигирке, в пределах Колымского округа) было организовано 4 родовых совета – Хододинский, Кункугурский, Хангайский и Юкагирский (совокупность названных родов при этом условно определялись как «тунгусы северо-западной тундры») [Пространство 2020: 242]. Этот перечень отвечает четырем родам с теми же названиями, которые Тэки Одулок объединяет в особый [северо-восточный, приалазейский] субареал юкагиров тундры, см. выше.

Вся эта картина в некоторых деталях отличается от той, которую рисуют материалы рубежа XIX – XX вв., и потому нуждается в комментариях. Прежде всего, она отражает существенное смещение буюксиоров, кункугурцев и тюгэсиров на восток. По В.И. Иохельсону, то есть на исходе XIX в., все эти группы числились по Верхоянскому округу и занимали территории между Яной и Индигиркой, при этом некоторые семьи кункугурской «юкагирской» группы (в составе 1-го – 2-го Кункугурских и Тюгэсирского «юкагирских» родов) уже тогда заходили на восток от Индигирки до Алазеи [Иохельсон 2005: 96]. В описании Тэки Одулока и административном делении 1927 г. «Кункугурцы» числятся уже на востоке от Индигирки, ближе к Алазее, в пределах Колымского округа, оказавшись в одном ареале с тундренно-юкагирскими родами «хангайской» (в широком смысле слова) конфедерации (включавшей к 1900 г. 1-й Алазейский род алайи, 2-й Алазейский род эрбэткэнов, Бетильский род хангаев и 2-й Каменно-ламутский род хододьил); тюгэсиры-«Сандрин» и буюксиры-«дуткинцы» также определены Тэки Одулоком как обитающие уже в основном на правом, восточном берегу

Индибирки. Закономерно, что дальше всего на восток к середине 1920-х гг. по обсуждаемым данным продвинулись именно кункугурцы, которые единственными из групп, живших к западу от Индибирки, заходили на восток от нее до Алазеи уже к исходу XIX в. К западу от Индибирки, по Одулоку, в 1920-х гг. кочуют еще лишь отдельные семьи юкагиров; эти семьи остается относить к тем же буяксирам, «каменцам», кункугурцам и тюгэсирам и рассматривать как их представителей, не переместившихся на восток, а оставшихся на старых местах. Омолоевцев в этих «отдельных семьях» видеть нельзя, так как Омолойский (Булунский) юкагирский род, обитавший к 1900 г. от Лены до Яны, продолжал там и оставаться как целое и никуда не смещался, что видно лишней раз из определения его местожительства в 1920-х гг. как тех же территорий при Лене и Яне в перечне Н.Н. Березкина [Березкин 1939: 44]. Найти отражение Омолойского рода в описании юкагирских групп у Тэки Одулока нельзя вообще (так как у него все юкагирские роды живут при Индибирке и далее на восток, а на запад от Инлибирки есть лишь отдельные юкагирские семьи); очевидно, в силу объядучивания Омолойского рода по языку и образу жизни [Иохельсон 2005: 51, 95] Тэки Одулок, в отличие от Н.Н. Березкина, не воспринимал этот род как юкагирский.

Отметим, что вопреки официальному упразднению 2-го Алазейского рода (эрбэткэнов) в 1906 г. и его фактическому слиянию с 1-м Алазейским родом алайи (см. прим. 29) Тэки Одулок не только приводит их как два разных рода (у него, соответственно, «Эрбэткэны» и «Юкагирский род»), но и относит к разным выделяемым им субареалам юкагиров тундры: «эрбэткэнов» – к северо-западному субареалу, в одной группе с переместившимися из-за Индибирки на восток «каменцами», буяксирами-«дуткинцами» и кункугурцами, а «Юкагирский род» = алайи – к северо-восточному субареалу, в одной группе с хангаями-бетильцами и хододьил-«хододинцами», с которыми на деле входили в одну конфедерацию («хангайскую / алайскую» в расширенном смысле обоих слов) и алайи, и эрбэткэны.

Объяснить все это можно следующим образом. Как известно, к исходу XIX в. эрбэткэны («Гусиный род») обитали вместе с хододьил на западной окраине территории вышеназванной конфедерации, от Алазеи на запад до Индибирки, алайи – на ее восточной окраине, при Большой Чукочьей, а бетильцы – посередине между ними, между Алазеей и Большой Чукочьей [Иохельсон 2005: 92–93]. Ареалы эрбэткэнов и алайи при этом могли соприкасаться лишь своими краями, у южной границы ареала бетильцев. Это не помешало эрбэткэнам вступить, после своей депопуляции, в особо тесную ассоциацию именно с алайи и фактически слиться с ними, утратив отдельного князца и отдельные собрания – теперь они участвовали в общем родовом собрании с алайи под руководством их

князца (прим. 3 и 29). Но, очевидно, и в рамках этого слияния эрбэткэны и их потомки какое-то время продолжали (что естественно) сохранять свою особую идентичность и кочевать в целом западнее собственно алайи и их наиболее прямых потомков, сохраняя за собой (чего, опять-таки, следовало бы ожидать) свои прежние территории кочевий или их часть. Тем самым именно эрбэткэны и их потомки, как обитатели западных пределов «хангайской» конфедерации, должны были и до, и после своего слияния с алайи оказываться в более тесном, чем бетильцы и сами алайи, контакте с распространявшимися из-за Индигирки на восток к Алазее юкагирскими группами, не принадлежавшими к указанной конфедерации (т.е. буюксирами, «каменцами» и кункугурцами). Все это вместе, видимо, и повлияло на описания Тэки Одулока: сохранение отдельной идентичности эрбэткэнов даже в рамках полной ассоциации с алайи и/или инерция воспоминаний об отдельном родовом существовании эрбэткэнов побудили Тэки Одулока описывать алайи и эрбэткэнов как два разных рода («Юкагирский род» Западной тундры и «Эрбэткэны»), а сохранение западного размещения эрбэткэнов в рамках той же ассоциации – еще и разнести эрбэткэнов и алайи по двум разным выделяемым им субареалам юкагиров тундры, в соответствии с их реальным проживанием (эрбэткэны обитали западнее Алазеи и западнее алайи, гранича с последними; но именно по Алазее проводит границу своих юкагирских субареалов тундры Тэки Одулок, см. выше. Такая граница и должна была отсекал традиционные основные места кочевания эрбэткэнов от традиционных основных мест кочевания алайи, относя одних к одному из разделяемых этой границей субареалов, а других – к другому). К тому же не исключено, что Тэки Одулок, будучи верхнеколымским, а не тундренным юкагиром, вообще не располагал достаточными сведениями об ассоциации эрбэткэнов с алайи или о степени полноты этой ассоциации.

На деле род эрбэткэнов (2-й Алазейский род официального учета) был упразднен как отдельный административный род еще до переписи 1917 г., в которой есть лишь один «Алазейский род» без номера, фактически отвечающий единству бывших 1-го и 2-го Алазейских родов = алайи и эрбэткэнов (см. прим. 29) – так что именно этому единству (= «Алазейскому роду» переписи 1917 г.) должен был отвечать «Юкагирский родовой совет» административного деления «северо-западной тундры», введенного в 1927 г. (см. о нем выше). «Юкагирский род» Западной тундры в терминологии Тэки Одулока полностью отвечает этому «Юкагирскому родовому совету» по названию, территории и месту в перечне, но не с полной точностью – по фактическому охвату: «Юкагирский родовой совет» 1927 г., как только что говорилось, отвечал фактическому единству алайи и эрбэткэнов, в то время как у Одулока «Юкагирский род» Западной тундры отвечает одним алайи, в эрбэткэны

названы как отдельный от него род. Не исключено, опять-таки, что Тэки Одулок использовал известное ему административное обозначение «Юкагирский род», не зная, что подразумеваемое им единство фактически включает и алайи, и эрбэткэнов. Возможно, что отчет в этом не отдавали себе и сами Якутские власти, оперировавшие обсуждаемым названием «Юкагирский род» (а ранее – названием «Алазейский род» переписи 1917 г.), так как отдельный род эрбэткэнов (2-й Алазейский) был упразднен уже в 1906 г. [Попов 7: 61], да еще с официальным причислением его членов к Бетильскому роду, а не к алайи (просто это причисление не повлияло на реальное разделение и взаимное ассоциирование юкагирских групп, см. прим. 29), и достаточно вероятно, что досоветские и советские власти в Якутске вообще не составляли себе представления о том, какие события происходили затем с эрбэткэнами на деле и в какие реальные ассоциации с какими соседями они после этого вступали (с официальной точки зрения эрбэткэны в 1906 были включены в Бетильский род, и на этом как особая общность для властей могли исчезнуть вовсе). В этом случае в глазах властей Якутска административный «Алазейский род» перечня 1917 г. (= «Юкагирский род» тундры 1920-х гг.) и должен был бы отвечать лишь былому «1-му Алазейскому роду» = алайи, хотя фактически в этот род вошли наряду с алайи и эрбэткэны.

¹⁸ У З.В. Гоголева [Гоголев 1978: 135] упоминаются также «бугу(н)чилы» = бугучи – группа, которая в XIX в. временно обособлялась от Буяксирского юкагирского рода, отойдя от него на р. Березовку, приток Колымы, но потом вернулась на Индигирку и во второй половине XIX в. вновь входила в состав Буяксирского рода; часть бугучей, однако, осталась на Березовке, и от нее происходит группа «дудки» в составе березовско-рассохинских эвенов XX в. [Туголуков 1997: 43]. Как видим, эта группа удержала в качестве своего конкретного обозначения эвеноязычное название «дудки» (дословно эвенск. ‘удалец’), применявшееся ее предками-буяксирами, а также другими юкагирскими и юкагино-тунгусскими родами от Лены до правобережья Индигирки, как надродовое название общности, в которую они включали себя, в значении «юкагиры» (см. прим. 2).

¹⁹ В результате в традициях кункугурцев и их соседей возникло представление, что исконный Кункугурский род и был изначально юкагирским, и юкагирскими неизменно оставались три Кункугурских административных рода, на которые он разделился. Реальное название племени ламутов-кукугиоров / кункугурцев было в этом предании переосмыслено как имя некоего древнего старейшины-юкагира Кункугура, по имени которого будто бы и было названо все его племя – кункугурцы [Березкин 1939: 33–35]. В XIX – начале XX вв. кункугурцы сами рассматривали себя как юкагиры и рассматривались как юкагиры

соседями [Кочкин 2016: 18, 73]. Часть тюгесиров, находившаяся в близкой ассоциации с Кункугурскими юкагирскими родами (Тюгэсирский юкагирский род позднейшего русского учета; об ассоциации этого рода, 1-го и 2-го Кункугурских юкагирских родов на рубеже XIX – XX вв. см. Иохельсон 2005: 96), могла рассматриваться русскими и обориженными жителями Якутии как часть общности «юкагиров-кункугурцев» (в составе названных трех родов; см., в частности, ниже, прим. 24, о таком восприятии их в записях Н.Н. Березкина).

²⁰ Пять родов: три Кункугурских и два Тюгэсирских – значившиеся в течение первой половины XIX в. в Верхоянском округе как «ламутские», были разбиты X-й ревизией (1859 г.) на три «юкагирских» и два «ламутских» (последние в дальнейшем переименованы в «тунгусские»), а именно:

1-й Кункугурский (Кунгурский) юкагирский род;

2-й Кункугурский (Кунгурский) юкагирский род;

Тюгэсирский (Тюгясирский) юкагирский род;

1-й Кункугурский (Кунгурский) тунгусский род (по X-й ревизии, то есть переписи 1859 г. – 1-й Кункугурский [Кунгурский] ламутский род, у В. И. Иохельсона – 1-й Кунгурский тунгусский род);

Тюгэсирский тунгусский род (по переписи 1859 г. – Тюгясирский ламутский род, у В. И. Иохельсона – Тюгэсирский тунгусский род);

по учету X-й ревизии (1859 г.) все эти пять родов – в Верхоянском округе, при этом первые три («юкагирские») – в Усть-Янском улусе в составе Верхоянского округа, а два остальных рода («тунгусские») – южнее «юкагирских» (по В.И. Иохельсону, эти два рода и тогда, и позже, в период его пребывания в регионе, также находились в Верхоянском округе) [Иохельсон 2005: 96; Гурвич 1966: 140–141, 160].

В представлении материалов X-й ревизии у И.С. Гурвича [Гурвич 1966: 160] два соответствующих «ламутских/тунгусских» рода значатся по Верхоянскому округу вне улусов как 1-й Кугурский (Кункугурский) род и Тюгясирский род, а три «юкагирских» – по Усть-Янскому улусу того же Верхоянского округа как 1-й Кунгурский (Кункугурский) род (120 мужчин, 121 женщина), 2-й Кунгурский (Кункугурский) род (68 мужчин, 49 женщин) и Тюгясирский род (27 мужчин, 20 женщин) (та же численность этих «юкагирских» родов по X-й ревизии указана в [Иохельсон 2005: 96]).

В материалах переписи 1897 г. [Гурвич 1966: 161; Патканов 1912: 716, 762, 798] те же пять родов представлены уже как шесть (у С.К. Патканова все они заявлены как тунгусские и ламутские), из них один – в Колымском округе. Это Тюгясирский род Ламунхинского управления Якутского округа (у С.К. Патканова указан как тунгусы, все следующие пять – как ламуты); 1-й Кункугурский род Верхоянского округа, главным

образом в Усть-Янском улусе, значительными частями также в Эльгетском улусе и Верхоянском улусе; 2-й Кункугурский род Верхоянского округа (5 мужчин, 3 женщины) и Кункугурский отдельный род Верхоянского округа (27 мужчин, 32 женщины), оба целиком в Эльгетском улусе, то есть в целом южнее 1-го Кункугурского рода того же округа; Тюгясирский род Верхоянского округа, главным образом в Верхоянском улусе; Кункугурский род Колымского округа. В.И. Иохельсон описывает те же группы для того же времени (рубежа XIX – XX вв.) по «официальным документам» по-прежнему как пять родов, три «юкагирских» от Яны до Индигирки и два «тунгусских» южнее их [Иохельсон 2005: 96–97]. Учитывая это, локализации перечисленных «тунгусско/ламутских» Кункугурских и Тюгэсирских родов в материалах переписи 1897 г. у С.К. Патканова позволяют считать, что более южные из них тождественны одноименным «тунгусским» родам В.И. Иохельсона, т.е. тунгусский Тюгясирский род Якутского округа по С.К. Патканову тождествен Тюгэсирскому «тунгусскому» роду В.И. Иохельсона, а 2-й Кункугурский род Эльгетского улуса (крайне малочисленный) и Кункугурский отдельный род того же Эльгетского улуса (отдельный – то есть, видимо, временно отделенный от этого «2-го Кункугурского», что и определило ничтожную численность последнего) по С.К. Патканову вместе отвечают Кункугурскому «тунгусскому» роду В.И. Иохельсона.

Более северные Тюгэсирский род Верхоянского округа, 1-й Кункугурский род Верхоянского округа и Кункугурский род Колымского округа в материалах С.К. Патканова должны быть тождественны, соответственно: первый – Тюгэсирскому «юкагирскому» роду, второй – 1-му Кункугурскому «юкагирскому» роду и третий – 2-му Кункугурскому «юкагирскому» роду в описании, данном В.И. Иохельсоном по «официальным документам».

Эти отождествления подтверждаются тем, что в переписи 1917 г. из всех Кункугурских и Тюгэсирских родов также лишь один показан в Колымском округе, и определяется он при этом именно как «2-й Кункугурский юкагирский» (см. ниже; он, несомненно, тождествен «2-му Кункугурскому юкагирскому» роду В.И. Иохельсона), в то время как в материалах С.К. Патканова единственный из Кункугурских и Тюгэсирских родов, значащийся в Колымском округе, заявлен как ламутский Кункугурский род Колымского округа (без номера). Таким образом, Кункугурский род Колымского округа С.К. Патканова оказывается тождествен 2-му Кункугурскому юкагирскому роду В.И. Иохельсона и переписи 1917 г. На долю 1-го Кункугурского рода Верхоянского округа С.К. Патканова тем самым остается отождествление с 1-м Кункугурским юкагирским родом В.И. Иохельсона.

В материалах переписи населения Якутской области 1917 г.

[Соколов 1922] обсуждаемым пяти родам отвечают вновь пять (как и в переписи 1859 г. и у В.И. Иохельсона), а не шесть подразделений (как у С.К. Патканова). Некоторые их названия даны с опечатками. Это 1-й Конкугурский род ламутов, 2-й Конкугурский род ламутов, Тюкагирский (вместо «Тюгэсирский») род ламутов и Тюгясирский род юкагиров в Верхоянском уезде (округе) [Соколов 1922: хх] и 2-й Кункугурский род юкагиров в Колымском уезде (округе) [Соколов 1922: ххi]. Распределение номеров и этнонимов делает очевидным, что «Тюкагирский» род ламутов и один из двух «Конкугурских» (то есть Кункугурских) родов ламутов в этом списке – это Тюгэсирский «тунгусский» род и Кункугурский «тунгусский» род учета конца XIX в. по В.И. Иохельсону, а другой «Конкугурский» род ламутов, 2-й Кункугурский род юкагиров и Тюгясирский род юкагиров – это 1-й, 2-й Кункугурские «юкагирские» роды и Тюгэсирский «юкагирский» род учета конца XIX в. по В.И. Иохельсону Иными словами, один из Кункугурских «юкагирских» родов по учету конца XIX в. был показан как ламутский в переписи 1917 г. (у С.К. Патканова, как мы помним, аналогичный подход был проведен еще более полно – у него все Кункугурские подразделения показаны как ламуты). Поскольку нет оснований думать, что нумерацию родов стали бы менять от переписи к переписи, можно принять тождество 1-го Кункугурского рода Верхоянского округа переписи 1897 г. / С.К. Патканова 1-му «Конкугурскому» роду того же округа в переписи 1917 г., а 2-го Кункугурского рода Эльгетского улуса Верхоянского округа переписи 1897 г. / С.К. Патканова (в совокупености с «отдельным» Кункугурским родом того же улуса) – 2-му «Конкугурскому» роду того же Верхоянского округа в переписи 1917 г. Из них, как мы выясняли выше (при разборе материалов С.К. Патканова), именно 1-й Кункугурский род Верхоянского округа по С.К. Патканову определяется в описании В.И. Иохельсона как «юкагирский».

Таким образом, изменения административной номенклатуры Кункугурских родов в 1890-х гг. – 1917 г. сводились, видимо, к тому, что Кункугурский «тунгусский» род Верхоянского округа конца XIX по В.И. Иохельсону (то есть по использованным им, как он пишет, «официальным документам») показан у С.К. Патканова как разделенный на «2-й Кункугурский» и «отдельный Кункугурский» роды того же округа, а в переписи 1917 г. – вновь как один «2-й К[у]нкугурский» род ламутов в том же округе;

1-й Кункугурский «юкагирский» род конца XIX по В.И. Иохельсону показан как 1-й Кункугурский род ламутов и у С.К. Патканова, и в переписи 1917 г.;

а 2-й Кункугурский «юкагирский» род конца XIX по В.И. Иохельсону показан как Кункугурский (с опущенным номером) род

ламутов Колымского округа у С.К. Патканова и снова как «2-й» Кункугурский род юкагиров того же Колымского округа) в переписи 1917 г.

В.И. Иохельсон описывает все Кункугурские и Тюгэсирские роды как находящиеся в Верхоянском округе [Иохельсон 2005: 96–97], оговаривая, однако, что часть их заходит и на восток от Индигирки, кочуя вплоть до Алазеи, то есть уже в пределы Колымского округа. Очевидно, именно эти кочевки на восток до Алазеи побудили и перепись 1897 г. / С.К. Патканова, и перепись 1917 г. показать один из названных родов, а именно 2-й Кункугурский юкагирский (как этот род определяют и В.И. Иохельсон, и перепись 1917 г.) уже в Колымском, а не в Верхоянском округе. Можно заключить отсюда, что именно этот род был в конце XIX – начале XX в. в наибольшей степени вовлечен в перемещения на восток до Алазеи.

²¹ 1-й Кункугурский юкагирский, 2-й Кункугурский юкагирский, Тюгэсирский юкагирский род – потомки эвенских племен кукугиров (кункугурцев) и тугочэров (тюгесиров), смешавшихся прежде всего с юкагирами племен шоромба (см. прим. 9) и (судя по локализации названных родов) янга. Об именовании и размещении этих родов в середине XIX – 1917 гг. см. прим. 20, в первой трети XX в. – прим. 17 и 23.

²² В перевод [Иохельсон 2005: 97] попала неточность: там стоит, что 1-й Кункугурский «тунгусский» и Тюгэсирский «тунгусский» роды тоже были отнесены в русском учете времен Иохельсона и предыдущих десятилетий к юкагирам, что неверно. В оригинале у В.И. Иохельсона сказано [Jochelson 1926: 52], что эти два рода носили *те же обозначения*, что и одноименные «юкагирские» Кун(ку)гурские и Тюгэсирский роды, в смысле: те же обозначения «Кун(ку)гурский» и «Тюгэсирский» (а не то же определение «юкагирские»!), но значились при этом не юкагирскими, а тунгусскими (как и указывают их официальные названия). Таким образом, к юкагирам эти Кун(ку)гурский и Тюгэсирский «тунгусские» роды русский учет никогда не относил.

²³ В первой трети XX в. Буяксирский род, Каменно-юкагирский род и группа в составе 1-го – 2-го Кун(ку)гурского юкагирского рода и Тюгэсирского юкагирского рода составляли, как упоминалось, особую этнографическую группу, занимавшую Юкагирский наслег Аллаиховского района, именовавшую себя «юкагирами» (соседи также именовали ее «юкагирами») и «дутки» (а не «вадул») и говорившую на собственном особом диалекте эвенского языка (этот диалект они сами называли «юкагирским» языком, и так же его называли их соседи); они отличали себя от тундренных алазейско-нижнеколымских юкагиров («вадулов») [Юкагиры 1975: 26–27].

К исходу XIX в. вся эта группа родов обитала от Яны до Индигирки,

и лишь часть представителей Кункугурских и Тюгэсирского юкагирских родов заходила также на восток от Индигирки, кочуя от нее до Алазеи. Затем, как следует из данных Тэки Одулока, между рубежом XIX – XX вв. и 1920-ми годами имел место существенный отток всех подразделений указанной этнографической группы на восток – к Индигирке, на ее правобережье и в направлении Алазеи; на пространстве от Яны до Индигирки осталась кочевать лишь небольшая часть представителей этих подразделений (см. подробно прим. 17). К.Е. Кочкин, отражая то же смещение, рисует основное расселение подразделений этой группы непосредственно по западному берегу Нижней Индигирки (поселки Аллаиха, Ойотунг; см. выше таблицы II – III, графу М). Эти процессы отразились и на административном подчинении кункугурцев: к концу XIX в. все роды обсуждаемой группы: Буюксирский род, Каменно-юкагирский род Верхоянского округа, 1-й – 2-й Кункугурские юкагирские роды и Тюгэсирский юкагирский род – числились по Верхоянскому округу [Иохельсон 2005: 96], по переписи 1917 г. (как и по материалам переписи 1897 г. у С.К. Патканова, см. выше, прим. 20) из них 2-й Кункугурский юкагирский род значится уже по Колымскому округу [Соколов 1922: ххi], а в описаниях Тэки Одулока применительно к 1920-м гг. уже все юкагиры-кункугурцы рассматриваются как единое целое (отвечающее былым 1-му и 2-му Кункугурским юкагирским родам) и помещаются в Западной тундре [Спиридонов 1930/1996: 24]; аналогично в рамках учреждения родовых советов «северо-западной тундры» 1927 г. значится один Кункугурский родовой совет [Пространство 2020: 242]. Таким образом, практически полное перемещение обоих Кункугурских «юкагирских» родов из-за Индигирки на территорию между ней и Колымой (сопровождавшееся фактическим слиянием их воедино на этой территории) в середине 1920-х было уже состоявшимся фактом (в то время как в 1917 г. один из этих родов – 1-й Кункугурский юкагирский род в номенклатуре В.И. Иохельсона – значился еще в Верхоянском округе, и лишь 2-й Кункугурский юкагирский род – уже в Колымском, см. прим. 20).

²⁴ С одной стороны, названия «Тюгэсирский» (юкагирский род) в перечне Н.Н. Березкина нет, хотя такой юкагирский (по официальному определению и самоопределению) род существовал; с другой стороны, в официальном учете значились только два Кункугурских юкагирских рода (в ассоциации с которыми находился Тюгэсирский юкагирский род [Иохельсон 2005: 96]), а не три, как у Н.Н. Березкина. По совокупности получается, что «3-й Кункугурский юкагирский род» в перечне Н.Н. Березкина как раз и должен быть отождествлен с Тюгэсирским юкагирским родом официального учета (в противном случае окажется, что Н.Н. Березкин разом упустил из вида существовавший юкагирский

род и примыслил несуществовавший).

²⁵ Потомки не смешавшейся с чуванцами и отошедшей на запад части юкагирского племени хододьилцев (*хододьил*), которая вобрала также в свой состав к исходу XVIII в. на Алазее сместившуюся туда еще ранее часть племени омоков (алазейские *Onioki* в [Sauer 1802: 95], см. прим. 35). К этим потомкам омоков в составе хододьил относятся, по-видимому, Татаевы, см. прим. 37.

²⁶ Вероятно, З.В. Гоголев имеет в виду, что русский учет XIX в. определял род хододьил то как «ламутский» (2-й Каменно-ламутский род), то как «юкагирский». О том же разное пишет и В.И. Иохельсон [Иохельсон 1900б: 156; Иохельсон 2005: 92–93].

²⁷ Тождество «Юкагирского» рода X-й переписи со 2-м Алазейским родом учета конца XIX в. указано в [Гурвич 1966: 144 с прим. 64] и подтверждается сравнением соответствующих перечней родов, а также близостью численности 2-го Алазейского рода по IX-й (1850 г.) переписи, указанной В.И. Иохельсоном [Иохельсон 2005: 93], к численности обсуждаемого «Юкагирского» рода по материалам X-й переписи [Гурвич 1966: 140] (и по мужчинам, и по женщинам).

²⁸ Потомки прежде всего «каменных» янских юкагиров-яндинцев (*янда* – юкаг. «гуси») – основная часть племени янда, переселившаяся с запада вплоть до Алазеи и вобравшая также эвенский компонент (ламуты исконного «Малетина / Мелетина рода») в первой трети XVIII в., см. прим. 7. Об их конечном фактическом слиянии с 1-м Алазейским родом см. прим. 29.

²⁹ Г.А. Попов пишет применительно ко второй пол. XIX в.: «Юкагирский бродячий род – устье р. Алазеи; Алазейский бродячий род – р. Большая Чукочьа» [Попов 7: 61]. Как видно из этих локализаций, первый из названных родов отвечает 2-му Алазейскому (эрбэткэн), второй – 1-му Алазейскому (алайи). Ср. там же у Г.А. Попова: «В 1906 г. юкагирский бродячий род в количестве 7 душ, проживавший в устье р. Алазеи, был признан вымершим и остатки его причислены к Бетильскому тунгусскому роду»; речь может идти только о 2-м Алазейском роде – эрбэткэн, которые, вопреки этому официальному постановлению, в действительности теснее ассоциировались с 1-м Алазейским родом (алайи), а вскоре фактически и влились в него, и теперь уже вместе с ним продолжали входить в тундренно-юкагироязычную конфедерацию («хангайский улус» в составе бетильцев-хангаев, алайи, хододьил и эрбэткэн), где официально старшим был Бетильский род. Ранее эрбэткэны входили в эту конфедерацию как отдельный род с собственным князем. В соответствии с названным фактическим слиянием эрбэткэнов с 1-м Алазейским родом в другой работе у Г.А. Попова фигурирует уже один «Алазейский род Колымского округа» [Попов 2: 92], фактически

отвечающий былым 1-му и 2-му Алазейскому родам вместе.

Обсуждаемое фактическое вливание 2-го Алазейского рода (эрбэткэн) в 1-Алазейский род (алайи) совершилось в начале XX в. и отмечено рядом источников [ФЮ: 16, 402–403; Березкин 1939: 31]; оно выражалось, в частности в том, что эрбэткэны утратили собственного князца и присоединялись к собраниям 1-го Алазейского рода = алайи, проходившим под руководством князца этого рода, а в итоге «растворились» в составе последнего [ФЮ: 402–403]. В историческом предании рода алайи (1-го Алазейского), записанном в 1959 г. от андрюшинского юкагира Г.М. Третьякова, говорится: «Люди Гусиного племени [эрбэткэны] имели своего князца. Когда вадулы собирались на свое собрание, этот князек приходил туда [таким образом, здесь термин «вадулы» обозначает не всех тундренных юкагиров, а лишь род алайи, отличаемых в данной фразе под этим названием от «Гусиных людей» – эрбэткэнов]. Делили землю, обсуждали охоту [такие совместные собрания и выражали особо тесную ассоциацию эрбэткэнов с алайи]. Те старые люди умерли. Остались одни молодые. Вот, когда их стало совсем мало, почти исчезли, они вошли в состав вадулов [здесь = род алайи]. Отдали свой кортик [т.е. перестали существовать как отдельный род: кортик был приметой главы административного рода – «князца»], растворились вот среди местных людей [= алайи]. Теперь здесь остались лишь их дети» [ФЮ: 402–403]. Отметим в этом описании две ступени слияния эрбэткэнов с 1-м Алазейским родом: сначала эрбэткэны имеют своего отдельного князца (то есть официально еще образуют отдельный административный род по русскому учету – 2-й Алазейский), но уже находятся в тесной ассоциации с алайи – участвуют с ними в общем собрании, распределявшем территории для кочевания; затем их отдельный административный род упраздняется с причислением их к 1-му Алазейскому роду («отдали свой кортик, растворились среди местных людей» = алайи 1-го Алазейского рода). Однако, как видно из финальной фразы «теперь здесь остались лишь их дети», даже и после этого «растворения» все по-прежнему помнили, кто именно в составе единственного существовавшего теперь (1-го) Алазейского административного рода – дети эрбэткэнов из бывшего 2-го Алазейского рода, а кто – дети исконных алайи 1-го Алазейского рода того периода, когда в него еще не был влит – 2-й Алазейский.

Ср. сведения от Г.Н. Курилова: «По сообщениям информантов, после оспы, когда осталась малая часть эрбэткэнов, они стали именовать себя алайцами» [Курилов 2005: 16]; имеется в виду оспа 1889 г., см. о ней [Гурвич 1966: 143–144]. Аналогично сообщал Н.Н. Березкину глава Бетильского рода Афанасий Курилов: «Рассказ тунгусского Улусного главы тунгуса Афанасия Афанасьевича Курилова, записан в 1897 г.

“...Тут есть юкагиры с р.р. Алазеи, Анюя и Омолона. Здесь в тундре их... образовали в два самостоятельных Алазейских юкагирских рода, 1-й и 2-й. Их ввели в состав тунгусского улуса [т.е. в состав возглавлявшейся Бетильским родом ассоциации хангаев в широком смысле слова /хулдича, см. ниже прим. 34]. Князцам этих родов были присвоены установленные кортики. В первом роде состояло 112 ясачных человек, и [во] втором роде 96 ясачных человек.... И юкагиры, несомненно, были бы первыми людьми в тундре, если бы не страшная эпидемия оспы, пронесшаяся по тундре два раза (оспа существовала в тундре в 1843 и 1883 годах), которая загубила 8/10 населения тундры, в том числе и юкагиров, которых на сегодня насчитывается всего 22 человека, уплачивающих ясак. И это малочисленность лет десять тому назад вынудила администрацию слить оба [Алазейских] рода в один Алазейский юкагирский род» [Березкин 1939: 29–31]. Это сообщение, видимо, передает лишь административную практику, но не официальный учет, по которому перепись 1897 г. по-прежнему учитывала 2-й Алазейский род отдельного от 1-го Алазейского рода.

В материалах переписи 1917 г. вместо 1-го и 2-го Алазейских родов значится просто «Алазейский род» (единственный) численностью в 33 чел. [Соколов 1922: ххi].

В составленном Н.Н. Березкиным списке юкагирских групп по состоянию на 1920-е – 1930-е гг. [Березкин 1939: 50] 1-й и 2-й Алазейские роды названы по отдельности, но учтены как одна общность с одним местопребыванием и общим исчислением: «Алазейские 1-й и 2-й юкагирские рода – Северо-Западная Колымская тундра – ... 22 [человека]». (по переписи 1897 г. в этих родах было вместе 47 чел. [Гурвич 1966: 144]).

Все эти сведения на различный лад отражают нарастающую депопуляцию эрбэткэнов с конца XIX в. и их путь к более тесному ассимилированию и слиянию с другими родами, приведший их в конечном счете к официальному и реальному включению в 1-й Алазейский род. Разные датировки в этих сообщениях относятся к разным этапам этого пути и в совокупности дают следующую картину. После эпидемии оспы в 1880-х гг. род эрбэткэнов упал в числе настолько, что местная администрация на практике объединила его с 1-м Алазейским родом» [Березкин 1939: 31], хотя официальный учет (в том числе перепись 1897 г.) продолжал числить их разными родами. Несмотря на это, к концу XIX в. какое-то время эрбэткэны находились в наиболее тесной ассоциации с хододьил (эти два рода, по описанию В.И. Иохельсона, кочевали вместе по общей территории, отличной и от территории кочевий бетильцев, и от территории кочевий алайи, Иохельсон 2005: 92–93). Однако уже к 1897 г. эрбэткэны в наибольшей степени сблизилась с алайи [Березкин 1939: 31].

Постепенно они сами начали причислять себя к алайцам [Курилов 2005: 16]. В 1906 эрбэткэнов официально влили в Бетильский род [Попов 7: 61], но реальных последствий это в итоге не возымело: эрбэткэны удержали тесную ассоциацию именно с алайи, и к 1917 г. официальный учет узаконил это, влив их в род алайи (теперь, по переписи 1917 г., числившийся просто «Алазейским», а не 1-м Алазейским, так как отдельный от него 2-й Алазейский род эрбэткэнов больше не существовал как административная единица) [Соколов 1922: ххi; аналогично Попов 2: 92]. Период тесной ассоциации эрбэткэнов как отдельного подразделения с 1-м Алазейским родом до их официального причисления к нему отразилось в юкагирских воспоминаниях как время общих собраний алайи с эрбэткэнами, еще имевшими тогда своего отдельного князца; дальнейшее упразднение 2-го Алазейского рода эрбэткэнов с причислением их к 1-му Алазейскому отразилось в тех же воспоминаниях как следующий этап, когда эрбэткэны «отдали свой кортик, растворились среди местных людей [1-го Алазейского рода]» [ФЮ: 402–403].

Однако и после этого сохранялось представление об эрбэткэнах как об особой (под)общности внутри единственного отныне Алазейского (= 1-го Алазейского) рода – очевидно, потому, что потомки эрбэткэнов помнили о своем происхождении, удерживая на каком-то уровне свою особую идентичность, и о том же помнили их соседи. В самом деле, именно такая ситуация отражена во фразе юкагирского информанта о том, что после упразднения отдельного рода эрбэткэнов с причислением их к 1-му Алазейскому роду алайи (у информанта это заявлено как «растворение» эрбэткэнов среди алайи 1-го Алазейского рода), внутри получившейся общности все равно помнили, кто в ее составе потомки именно эрбэткэнов («теперь здесь остались лишь их дети», ФЮ: 403). В результате словоупотребление, отражавшее ситуацию, созданную присоединением эрбэткэнов к 1-му Алазейскому роду, оказывалось неустойчивым: оно отталкивалось то от фактического объединения этих родов, то от представления о них как об отдельных общностях, а иногда комбинировало эти подходы. Так, в публикации итогов переписи Якутской области 1917 г. [Соколов 1922: хх – ххii] и ее архивных материалах [указ. в: Пространство 2020: 106, прим. 251] значится только один «Алазейский род», отвечающий на деле былым 1-му и 2-му Алазейским родам вместе (аналогично в [Попов 2: 92]). В 1927 г. в Колымском округе для юкагиров Западной тундры (от Колымы на запад) были созданы 4 родовые совета (под названием, однако, родовых советов *тунгусов* северо-западной тундры): Хододинский, Кункугурский, Хангайский и Юкагирский [Пространство 2020: 242]. На долю последнего остается только соответствие былым 1-му и 2-му Алазейским родам вместе (= «Алазейскому роду» переписи Якутской области 1917 г.), таким

образом, они и здесь выступают как одна неделимая административная единица. В перечне Н.Н. Березкина [Березкин 1939: 50] эта совокупность всё же приведена под двумя наименованиями, «Алазейские 1-й и 2-й юкагирские рода», хотя все равно заявлена при этом как единое целое с одной территорией расселения. У Тэки Одулока [Спиридонов 1930/1996: 24] 1-й Алазейский род алайи и 2-й Алазейский род эрбэткэнов при описании ситуации 1920-х гг. фигурируют как два разных рода при Алазее (в его терминологии, соответственно, «Юкагирский род» и «Эрбэткэны», см. прим. 32 и подробно в конце прим. 17). В романе Семена Курилова (представитель общности тундренно-юкагирского языка – «хангаев / алайи» в широком смысле обоих слов, см. также в конце прим. 3), «Ханидо и Халерха» эрбэткэны и алайи рубежа XIX – XX вв. описаны как две подобности одной территориальной общности с территориальным же названием *улуро-чи* (юкагирск. ‘люди округа оз. Улуро / Олёринской тундры’): «Люди, жившие возле Большого и Малого Улуро, назывались улуро-чи. ... Улуро-чи – это алайи и эрбэткэны» [Курилов С.Н. Ханидо и Халерха. М.: Советская Россия, 1988: 5–6].

³⁰ Тожество «Алазейского» рода X-й переписи с 1-м Алазейским родом учета конца XIX в. устанавливается по тождеству численности 1-го Алазейского рода по X-й переписи, указанной В.И. Иохельсоном [Иохельсон 2005: 93], с численностью «Алазейского рода» по материалам самой этой переписи [Гурвич 1966: 140] (и по мужчинам, и по женщинам).

³¹ Юкагирское племя XVII в. и последующего времени *алайи* (алазейцы). В XVII в. составляло конфедерацию со своими западными соседями – юкагирами-олюбенцами (ОРМ 32), и ок. 1700 г., как и последние, платило ясак в Уяндином (Индибирском Нижнем) зимовье, то есть было тогда по своим связям ориентировано на запад, на Индибирку, в большей степени, чем на восток, на Колыму: по ясачной книге 1698 г. в Уяндином зимовье платили ясак Бурулгин род (олюбенцы), Уяндин род (янга), Алазейский род (алайи) и Хромовский род (часть хромовцев, отколовшаяся от своих сородичей в составе племени коромоев и присоединившаяся к янга) [Гурвич 1966: 24]. В XVIII в. территория алайи существенно сократилась, так как значительную ее часть в это время заняли другие группы – Бетильский род (с запада, к 1730-м гг., см. прим. 34), эрбэткэны (в первый раз они пришли на Алазею с запада в 1710-х гг., после чего к 1730-м гг. снова откочевали на запад, но в итоге опять распространились от Индибирки до Алазеи, прим. 7), остаток омоков (пришли на Алазею с Нижней Колымы в середине – третьей четверти XVIII в., см. прим. 35) и ходынцы-хододьил (пришли с востока и расселились от Алазеи на запад в последней трети XVIII в., см. прим. 25, видимо, отступив сюда под воздействием экспансии чукчей; алазейские омоки к концу XVIII в. исчезли, видимо, ассимилированные в первую

очередь этими пришлыми ходынцами, см. прим. 37).

В учете 1-й Ясачной комиссии алайи фигурировали как «Юкагирский род» Алазейского зимовья [Гурвич 1966: 72]. К концу XVIII в. алайи и переселившиеся к Алазее в запада и востока группы: бетильцы (хангаи), эрбэткэны и хододьил – образовали четырехродовую конфедеративную общность, устойчиво существовавшую и далее под названиями «хангаи» и «алайи» (в расширенном смысле обоих слов). см. прим. 34.

³² «Юкагирский род» в перечнях Тэки Одулока [Спиридонов 1930/1996: 24] однозначно отождествляется с родом *алайи* (1-м Алазейским) методом исключения, так как все прочие роды Западной тундры: эрбэткэны, хангаи-бетильцы, кункугурцы, хододьил – названы в указанных перечнях Тэки Одулоком отдельно, под этими их именами, так что на долю «Юкагирского рода» Западной тундры остается лишь отождествление с алайи (в узком смысле слова) = 1-м Алазейским родом. Под названием «Юкагирский род» алайи фигурировали еще в учете 1-й Ясачной комиссии [Гурвич 1966: 72], см. прим. 31.

³³ Согласно изложенным К.Е. Кочкиным преданиям аллаиховских юкагиров Каменно-юкагирского рода [Верхоянского округа] (Кочкиных и других) и Буяксирского (Ерчинского) юкагирского рода, а также соседних неюкагирских групп, при иижней Индигирке накануне прихода русских жили некие юкагиры-«хангаи» (народный перевод этого термина в рамках предания – «необузданные») под началом князя Аллая, по которому и была названа Аллаиха; эта группа юкагиров обитала в этом районе и до появления здесь якутов. Аллаи безуспешно боролся с пришедшими русскими за независимость; в результате большинство «хангаев» Аллая отступило куда-то на восток, спасаясь от принесенной русскими оспы; по одним рассказам, Аллаи и погиб в борьбе с русскими, по другим – умер своей смертью. Часть его племени не ушла, а осталась на Индигирке и волилась в состав рода «Каменных юкагиров» (= Каменно-юкагирский род Верхоянского округа русского учета XIX – XX вв.) [Кочкин 2016: 20–22, 32–34].

«Хангаи» – якутск. термин (этимология дискуссионна, смысл перекликается с дикостью, ср. выше понимание «необузданные»), обозначавший некоторые периферийные неякутские этногруппы и заимствованный из якутского употребления соседями, в том числе самими этими этногруппами; в частности, в XIX – XX вв. слово «хангаи» было названием Бетильского «тунгусского» рода, а в более широком смысле – названием всей этнографической группировки приалазейских юкагирских и тунгусо-юкагирских родов, в которую он входил (ее составляли: Бетильский род, он же собственно хангаи в узком смысле слова; 1-й Алазейский юкагирский род – алайи; 2-й Алазейский юкагирский род –

эрбэткэны; 2-й Каменно-«ламутский» род – хододьил); эта группировка (и только она к концу XIX в.) говорила на тундренном юкагирском языке, и от нее происходит современная общность тундренных юкагиров с центром в Андрюшкино.

Обозначение в индигирской традиции группы индигирских юкагиров XVII в. как «хангаев» перекликается с созвучным названием средне-нижнеиндигирского юкагирского племени XVII в. – *йанга* (янга) и позволяет допускать, что под индигирскими «хангаями» предания фактически подразумеваются именно янга (по созвучию их этнонима с термином «хангай»). В самом деле, в предании говорится об уходе части индигирских «хангаев» на восток с Индигирки в 1640-х гг., а, как известно по русским источникам, в это время на восток с Индигирки действительно отселяется часть янга (так, в 1640-х гг. один род янгинцев перешел в состав верхнеколымских юкагиров и был затем известен среди них под именами «Камундеев / Логурков» род, определяемый в русских источниках как «верх ковымские юкагири янгинцы» [Долгих 1960: 420], он же – род *йэнга* в верхнеколымском юкагирском предании, записанном В.И. Иохельсоном [Иохельсон 2005: 511–512]). В русских источниках 1640-х гг. упоминается юкагирский князь Аллаи и его род в составе нижнеколымского юкагирского племени омоков; если это тот же Аллаи, что в обсуждаемом индигирском предании, то, значит, он переселился на Нижнюю Колыму и вошел в состав омоков в начале 1640-х гг. (что согласуется с сообщением предания об уходе людей Аллая с Индигирки на восток), точно так же, как янгинцы Камундеева рода тогда же переселились на Верхнюю Колыму и вошли в состав верхнеколымских юкагиров. Именование «хангаями» Бетильского тунгусско-юкагирского рода может означать на фоне сказанного, что юкагирский компонент этого рода (то есть *вахахариил* в узком смысле слова, см. прим. 34) тоже восходил к созвучным по наименованию юкагирам-янга (возможно, именно к Аллаевым «хангаям», побывавшим в составе племени омоков, или частично к ним). Местообитание бетильцев географически допускает, что в их состав могла попасть также и часть потомков юкагирского нижнеиндигирского юкагирского племени олюбенцев (см. прим. 34). О термине «хангай» см. тж. Туголуков 1985: 112, ср. Прокопьева 2018: 94 о юкагирск. слове *хангичэ* – лучший охотник, охотник-богатырь.

³⁴ Потомки исконно якутско-тунгусского Бетильского (Бетинского) рода, пришедшего с юга и смешавшегося в некоторый момент с юкагирами средне-нижней Индигирки и тундры на восток от нее, к Алазее (видимо, с частью янга, возможно, и с частью олюбенцев, см. ниже). Тунгусы этого рода считаются по своему исконному происхождению эвенками [Туголуков 1997: 15], что согласуется с их преданиями о том из какого района они некогда вышли, а именно, из земель южнее Якутска и

около Иркутска [Юкагиры 1975: 25]). Однако на Алазею, как хорошо известно по русским источникам, они прибыли не прямо с юга, а с запада, с Оленька, где обитали во второй половине XVII в.; в 1710-х гг. они кочевали уже при Яне, а в 1730-х гг. – при Алазее [Гурвич 1966: 85–87]. Таким образом, путь исконного Бетильского рода от районов около Иркутска и южнее Якутска шел по таежной зоне к западу от Лены до Оленька, а уже оттуда этот род в первой четверти XVIII в. переселился на восток, к Алазее. Между Леной – Яной и Алазеей он вобрал значительное количество юкагиров. Этот юкагирский компонент Бетильского рода составлял далее почти половину его и имел в его составе особое именование *ваха(ха)риил* / «вагарил» (юкагирск. ‘коренные’); от названной половины это название распространялось и на весь род [ФЮ: 16]. Поэтому весь Бетильский род XIX – XX вв. в целом мог именоваться в регионе родом «Вогарил» (вариант от «вагарил») [Юкагиры 1975: 24], хотя чаще назывался родом Хангай, хангаями (в узком смысле слова «хангай») [Юкагиры 1975: 24–25; Иохельсон 2005: 50–51, 92]. Прелывая на Алазее в контакте с алайи, Бетильский род (теперь уже смешанный тунгусско-юкагирский) в конце концов перешел на тундренный юкагирский язык.

В русском учете Бетильский род всегда числился «тунгусским», но сам себя как целое рассматривал, по крайней мере в XIX в., как юкагирский (см. ниже) и сохранял традицию о своем происхождении от смешения исконного тунгусского (тунгусско-якутского) Бетильского рода с юкагирами Западной тундры [Иохельсон 1900б:156; Иохельсон 1900:209.1].

Из каких именно подразделений происходили юкагиры, влившиеся в Бетильский род и составившие в его рамках подобность «коренных»-*ваха(ха)риил* в узком смысле слова? По итоговому преданию бетильцев, они заимствовали свой юкагирский язык от алазейских юкагиров-алайи [Иохельсон 1900:209.1]. Отсюда можно заключить, что исконные юкагиры-«вахариил», попавшие в состав бетильцев, либо были одной из групп алайи, либо принадлежали к группе, тесно ассоциированной с алайи. Первый вариант кажется менее вероятным, поскольку преданий алайи зафиксировано немало, но в них, кажется, нет следов памяти о смешении с бетильцами. Второй вариант указывал бы, скорее всего, на юкагирское племя олюбенцев, поскольку олюбенцы, жившие по обеим сторонам Нижней Индигирки, были не только непосредственными западными соседями, но и теснейшими союзниками и конфедератами племени алайи (олюбенские верховные вожди Морле и Бурулга в середине XVII в. признавали своим «названным братом» верховного вождя алайи – Невгочу, ОРМ 32). Географически Бетильский род XIX в. занимал район при Алазее, который в XVII в. был частью территории самого

племени алайи, но при упомянутом выше перемещении сюда с запада, из-за Индигирки, Бетильский род в начале XVIII в. должен был пройти как раз через территорию тогда еще существовавших олюбенцев (которые и сами могли смещаться на восток и смешиваться с алайи). Таким образом, «вахариил» (в узком смысле слова, то есть юкагирская по преимущественному происхождению часть Бетильского рода) действительно с большой вероятностью могли восходить к олюбенцам. С другой стороны, второе собственное название Бетильского рода – «хангай» – может указывать на то, что среди юкагиров, влившихся в его состав, существенное место занимали выходцы из юкагирского племени с созвучным наименованием «янга (йанга)»; это индигирское племя соседило с олюбенцами с юга, а части его отселились в середине XVII в. на восток, к Колыме (см. прим. 33).

К концу XVIII в. существовало возглавляемое Бетильским родом четырехродовое конфедеративно-этнографическое единство Западной тундры (см. прим. 3), в которое наряду с бетильцами входили Каменно-ламутский род хододьил, 2-й Алазейский род (он же Каменно-юкагирский род Колымского округа) эрбэткэн и 1-й Алазейский род алайи [Иохельсон 1900б: 155 – 158; ср. Юкагиры 1975: 24–25, Долгих 1952: 72]. Это конфедерированное единство именовалось «хангайским улусом» и термином «хангай» в широком смысле слова (по Бетильскому роду, т.е. хангаям в узком смысле слова) [Долгих 1952: 72, Юкагиры 1975: 25; Гурвич 1966: 147], а также термином «алайи» в широком смысле слова [Иохельсон 2005: 172; Иохельсон 1926: 19, неточн. перевод в Иохельсон 2005: 50], у эвенов это единство также именовалось «хулдича» [Долгих 1952: 72–73]. Глава Бетильского рода возглавлял всю конфедерацию, считаясь в ее рамках старшим среди князцов входивших в нее родов (в русских источниках этот статус иногда передавался выражением «[улусный] голова», «тунгусский улусный голова» (например, Березкин 1939: 29–31, см. ниже; Силов 1996: 89, см. выше с. 24–25).

Бетильский род перешел на тундренный юкагирский язык [Иохельсон 2005: 89–90], но имел собственный диалект этого языка – т.н. хангайский, отличный от алайского [Nikolaeva 2006: 25] (что не исключает заимствование бетильским родом тундренного языка именно от алайи или главным образом от них – в пределах Бетильского рода он в любом случае мог видоизмениться. Кроме того, на специфику этого диалекта могло повлиять языковое наследие влившихся в Бетильский род юкагиров, идиом которых должен был отличаться от алайского, если сами они относились, как представляется вероятным, не к алайцам, а к иным юкагирским племенам).

Сохраняя предания о тунгусском происхождении своего ядра, бетильцы как целое к концу XIX в. заявляли себя как один из родов

юкагиров («вадулов») [Иохельсон 2005: 89–90] и признавались в качестве юкагиров соседями (несмотря на то, что в официальном учете род неизменно числился «тунгусским»). Это не мешало одним членам рода, в том числе его князям, по личному самоопределению заявлять себя тунгусами, а другим – юкагирами [Березкин 1939: 29–30: «тунгусский Улусный глава тунгус Афанасий Афанасьевич Курилов», причем этот же человек в дневнике Д.Л. Иохельсон определен как «юкагирский голова Афанасий», Шенталинская 2015: 226; Березкин 1939: 31–32: «тунгусский улусный голова юкагир Константин Константинович Третьяков»]. Князец Бетильского рода Данило Третьяков, скончавшийся в 1908 г. (и, вероятно, родственник только что упомянутого бетильца К.К. Третьякова), был похоронен своей женой под плитой со словами «Память о тунгусе Данииле Петровиче Третьякове» [Силов 1996: 87], а в конце XX в. одни местные старики говорили о нем как об «эвенском князе» (то есть тунгусском), а другие – как о «юкагирском князе» [Силов 1996: 84, 89–90]. Характерно высказывание одного из них, С.Н. Трифонова, по самоопределению юкагира: «Все фамилии Третьяковых, как и Куриловых, – в основном, из рода юкагиров» [Силов 1996: 89].

³⁵ Sauer 1802: 95. Эти алазейские Onioki рассматриваются здесь как одно из племен юкагиров наряду с ходынцами, чуванцами, верхнеколымско-омолонскими группировками (информация о них относится не ко времени самой экспедиции Дж. Биллингса в 1780-х гг., а к предшествующим десятилетиям середины – третьей четверти XVIII в.). Русский ясачный учет 1738 г. знает «Омотский род» – эквивалент нижнеколымского племени омоков XVII в. – платящий ясак в Нижнеколымское зимовье [Гурвич 1966: 69]. Нижнеколымские омоки были еще многочисленны во времена войн Павлуцкого с чукчами (1740-е гг.) [Матюшкин 1824: 173] и участвовали в этих войнах на русской стороне, как следует из посвященных этим войнам и смерти Павлуцкого эпических песен омоков на омокомском языке, сообщенных Ф.Ф. Матюшкину в 1821 г. потомком омоков на Нижней Колыме [Матюшкин 1824: 173–175]. По относящимся к тому же времени сведениям Я. Линденау (ок. 1740 г.) омоки обитали как отдельная общность на Нижней Колыме и Анюях, а с ними соседнили три другие группы юкагиров – алазейские юкагиры на западе от них, ходынцы на востоке и омолонско-верхнеколымские юкагиры на юге [Линденау 1983: 166–167]. Алазейские Onioki сообщения экспедиции Биллингса – это, тем самым, часть указанных омоков, сместившаяся на запад, на Алазею; это отвечает распространенным в XIX в. преданиям об уходе омоков с Нижней Колымы в направлении Индигирки (см. Врангель 1948: 217–218 и наше прим. 39 ниже). К концу XVIII в. омоки исчезли: ок. 1820 г., как известно по материалам экспедиции Ф.П. Врангеля, омоки и их язык уже давно не

существовали ни на Алазее, ни на Нижней Колыме; в бассейне последней их остатки смешались с выходцами из общности верхнеколымско-омолонских юкагиров, носителей лесного языка, и были ассимилированы ими [Врангель 1948: 136, 212, 217–218, 241, 310, 385, 395–396], алазейские омоки также, очевидно, частью погибли, частью были ассимилированы соседями (см. прим. 37). Уже экспедиция Дж. Биллингса в 1780-х гг. застала, судя по выражениям соответствующего пассажа ее материалов [Sauer 1802: 95], не самих омоков, а лишь воспоминания о том, что сравнительно недавно группа с таким названием проживала на Алазее. Как видно из того, что в материалах экспедиции Дж. Биллингса упоминаются лишь омоки на Алазее (и то лишь для относительно недавнего прошлого), но уже не на Колыме и Анюях, в бассейне этих последних (то есть в пределах исконной своей территории) омоки перестали существовать как особая общность даже несколько раньше, чем их часть, отступившая на Алазею (и продержавшаяся там несколько дольше), но процессы исчезновения омоков как отдельного целого в обоих этих ареалах уложились в непродолжительный промежуток между 1740-ми и примерно 1760-ми / 1770-ми годами.

1-й – 3-й «Омотские» юкагирские роды Нижней Колымы и Анюев русских переписей XIX в. фигурировали под названиями «Омотских, Омоцких» в местном русском учете уже, как минимум, в конце XVIII в. (см. примеры от 1782 г. и от рубежа 1780-х / 1790-х гг. в [Иванова-Унарова 2017: 138; Гурвич 1969: 88–89]; в сводном учете 1-й Ясачной комиссии эти роды значатся еще под иными наименованиями, см. прим. 40). Они воспроизводили по этому своему официальному русскому названию («Омотские, Омоцкие, Омокские») племя омоков (= «Омотский род» учета 1738 г.), занимали его территорию и еще на рубеже XIX – XX вв. сохраняли (как известно из записей Н.Н. Березкина, см. ниже, прим. 41) традицию о своем прямом происхождении от одного нижнеколымско-анюйского племенного единства XVII в. (которое именовали «Анюйским родом») – то есть, на деле, именно от племени омоков (хотя само это название обсуждаемая традиция уже не знала, а использовала вместо него вышеупомянутое выражение «Анюйский род»). Поэтому некоторая степень прямой преемственности Омотских родов русского учета от омоков несомненна (в частности, русская администрация последней трети XVIII в. и далее могла дать им название «Омотских» только в знак этой связи, и едва ли сделала это безосновательно). С другой стороны, самоназвание «омоки» эти роды утратили («Омотскими / Омокскими» родами их называли именно в русском учете), термину «омоки» они придавали иное значение (считая, что так звался некий исчезнувший народ, к которому они восходят, но которым уже не являются, см. прим. 39), говорили не на омокском, а на лесном юкагирском языке и состояли

(как видно из указанных выше материалов экспедиции Ф.П. Врангеля) в основном из потомков представителей верхнеколымско-омолонских юкагиров (носителей лесного языка), расселившихся на север и ассимилировавших остаток собственно омоков; уже к 1820 г. лишь отдельные, единичные семьи в составе юкагирского населения Нижней Колымы и Анюев, сформировавшегося в результате этого смешения, помнили омокский язык, племя омоков и прослеживали свое прямое происхождение от этого племени [Врангель 1948: 217, 385].

Таким образом, 1-й – 3-й Омотские роды следует считать плодом смешения остатка исторических омоков с расселявшимися на север выходцами из верхнеколымско-омолонской общности лесного языка, значительно превосходившими этот остаток численно, ассимилировавшими его по языку и сформировавшими с ним в этом смешении новую общность, утратившую термин «омоки» как самоназвание, но прямо продолжавшую былых омоков территориально (а в какой-то мере и потестарно) и, соответственно, продолжавшую именоваться «омотской» в русском официальном учете. Само указанное смешение можно датировать серединой (возможно, также и третьей четвертью) XVIII в.: к 1740 г. историческое племя омоков еще существует на Нижней Колыме как «Омотский род» учета 1738 г. (и отмечено как отдельная общность Я. Линденау около 1740 г.), учет 1-й Ясачной комиссии (1769 г.) знает на его месте уже три новых рода под различными наименованиями (см. прим. 40), местный учет времен после 1-й Ясачной комиссии именуется эти три рода «Омотскими» (и затем это название употребляется на всех уровнях на протяжении почти всего XIX в., вплоть до официального упразднения обсуждаемых родов в 1898 г., см. прим. 43).

³⁶ В третьей четверти XVIII в., согласно данным экспедиции Биллингса, чуванцы (Tshuvantsi) и ходынцы (Kudinsi) располагались на Анадыре и Анюе [Sauer 1802: 95].

³⁷ У некоторых фамилий в составе *хододьил* (например, у Татаевых), еще и в 1920-х гг. сохранялась традиция звать себя «омоками», распространяя этот термин также и на всю общность *хододьил* (2-й Каменно-ламутский род), в которую они входили, и даже на все остальные конфедерированные с ней общности тундренного юкагирского языка – Бетильский, 1-й и 2-й Алазейские роды (все вместе с *хододьил* – «хангаи / алайи» в широком смысле обоих терминов). Именуя всю эту совокупность «омоками», Татаевы противопоставляли ее под этим названием прочим юкагирским группам как «юкагирам» [см. Попов 2: 224, 226, 231, 356, с учетом Пахомов 2008, о соответствующем сообщении, сделанном в 1927 г. тундренным юкагиром Егором Константиновичем Татаевым, относившимся, как установлено, к роду *хододьил*]. У остальных *хододьил* и прочих тундренно-юкагирских родов такое словоупотребление не

отмечается (они не называли омоками ни себя, ни всю тундренно-юкагироязычную общность, ни ее части, ни другие юкагирские роды). Это, вероятно, показывает, что семьи – носители комментируемого словоупотребления (в частности, Татаевы) происходили от некой группы омоков, влившейся в число *хододьил*, и потому удержали термин «омоки» как этноним, прилагаемый к себе самим и к общностям, в которые они входили. Этой группой омоков были, вероятно, алазейские «омоки»-“Onioki” середины (или середины – третьей четверти) XVIII в., о которых слышали члены экспедиции Дж. Биллингса (Sauer 1802: 95, см. прим. 35). Поскольку к XIX в., как известно из материалов экспедиции Ф. Врангеля, групп с названием «омоки» уже нигде не существовало, остается считать, что к тому времени эти алазейские омоки исчезли и/или растворились в других группах. Поскольку общность ходынцев-хододьил (являвшихся восточными соседями омоков ок. 1740 г. [Линденау 1983: 166–167]) переселилась с востока как раз на Алазею и при этом некоторые семьи в ее позднейшем составе продолжали, как мы только что видели, называть себя (и, соответственно, группы, в которые они сами входили) «омоками», нужно думать, что остаток омоков Алазеи к концу XVIII в. растворился именно в составе передвинувшихся сюда хододьил и внес в их среду рассматриваемую именовательную традицию, представленную в сообщении Е. Татаева от 1927 г.

³⁸ К 1820-м гг. лишь некоторые семьи этой общности помнили о своем прямом происхождении от омоков и знали их исконный, омокский юкагирский язык [см. Врангель 1948: 217, 385]; к середине XIX в. он исчез полностью.

³⁹ В связи с этой трансформацией колымско-анюйского остатка общности омоков (о судьбе другой их части, сдвинувшейся на Алазею, см. выше, прим. 37) и у их потомков, и у соседних групп в первой трети XIX в. утвердилось представление (изложено в: Врангель 1948: 136, 212, 217–218, 241, 310, 385, 395–396 + Вагин 1872: 295, Аргентов 1857: 104, Трифонов 1872: 167), по которому «омоками» назывался некий древний, исчезнувший народ, приходящийся в то же время общим предком разным группам «юкагириков», которые, исходя от этих древних «омоков», сами тем не менее «омоками» уже не являются, коренная же часть этих прежних «омоков» большей частью вымерла и погибла во времена вскоре после походов Павлуцкого, а остаток ее ушел из района Анюев – Нижней Колымы куда-то в направлении Индигирки и/или на острова Ледовитого океана, и о нем с тех пор тоже ничего не слышно (этот момент предания отражает, очевидно, судьбу части омоков, ушедших на Алазею – *onioki* Дж. Биллингса, см. выше). В 1820-х гг. отдельные лица в среде нижнеколымских родов лесного языка [= Омотских родов русского учета] вели прямое происхождение от подлинных омоков (= «Омотского рода» в

учете 1738 г. [Гурвич 1966: 69]) и еще помнили их язык.

⁴⁰ В полном виде русские названия административных родов юкагиров во многих документах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. состояли из двух определений – общего этнического («юкагирский») и конкретизирующего, а сверх того мог добавляться еще и порядковый номер: «Омолонский Юкагирский род», «Юкагирский Омолонский род», «3-й Омотский Юкагирский род» [Гурвич 1969: 91; Бурова 1966: 30] и т.д. В других документах эти же названия могли писаться усеченно, с опущением каких-то компонентов, так что один и тот же род мог фигурировать в разных документах (даже одного и того же времени) и как «Омолонский Юкагирский», и как «Юкагирский Омолонский», и просто как «Юкагирский», и просто как «Омолонский». Так, 3-й Омолонский род в документах называется и просто «Юкагирским» [Бурова 1966: 27, 31], и «Омолонским юкагирским» [Бурова 1966: 30], и «3-м Омолонским юкагирским» [Бурова 1966: 32]. В других документах род мог именоваться единственным прилагательным с прибавлением «такого-то старосты» (например, «Юкагирский род Слепцова» – он же 2-й Омолонский в других документах [Гурвич 1966: 138 с прим. 33 + 140 с прим.43]); а поскольку сменяющие друг друга старосты административного рода могли происходить из разных фамилий, то один и тот же род мог именоваться в разное время по разным фамилиям его старост. Наконец, в сводные отчеты могли вкрадываться ошибки и путаница: даже в публикации материалов переписи 1917 г. названия «Омотский» и «Омолонский» слиты в никогда не существовавшее название «Омотонский» (Соколов 1922: ххi, где значатся 1-й и 2-й «Омотонские» роды Колымского округа. Имеются в виду 1-й и 2-й Омолонские роды, и в архивных материалах переписи 1917 г. так и стоит, см. Пространство 2020: 106 с прим. 251).

Поэтому соотнести усеченные названия, под которыми фигурируют 1-й – 3-й Омолонские и 1-й – 3-й Омотские роды в учете 1-й Ясачной комиссии [Гурвич 1966: 72], с самими этими родами можно пока лишь гипотетически. Приведем эти соотношения для указанных 1-й Ясачной комиссией шести соответствующих родов: это «2-й Омолонский» Среднеколымского зимовья, «Юкагирский старосты Рупачева», «Юкагирский старосты Щербакова», «Юкагирский старосты Вострякова», «Омолонский старосты Никулина», «Омолонский старосты Федорова» Нижнеколымского зимовья. Тождество этих шести родов в целом 1-му – 3-му Омолонским и 1-му – 3-му Омотскому родам дальнейшего местного и сводного учета несомненно уже потому, что все прочие юкагирские роды бассейнов Колымы и Алазеи, названные 1-й Ясачной комиссией – это Юкагирский род Алазейского зимовья (очевидным образом тождественный алайи, значившимся впоследствии как 1-й Алазейский

род) и Нартицын, Рыбников и Ушканский род Верхнеколымского зимовья (сохранившиеся и далее под теми же названиями). На долю вышеупомянутых шести родов Средне- и Верхнеколымского зимовья и по локализации, и по сравнению номенклатуры разновременных перечней остается тем самым соотношение с фигурирующими в дальнейшем учете шестью Омолонскими и Омотскими родами. Из них:

«*Второй Омолонский род*» (Среднеколымского зимовья) учета 1-й Ясачной комиссии [Гурвич 1966: 72 с прим. 51; по недосмотру этот род даже не попал в итоговую сводку комиссии, оставшись лишь в ее материалах], очевидно, тождествен 2-му Омолонскому роду позднейших источников.

«*Юкагирский старосты Рупачева*» род. Рупачевы были старостами 3-го Омотского рода – в частности, и в 1782 г. (см. выписки В.И. Иохельсона: «из дела 3-го Омотского юкагирского рода № 3. Начато в 1782 г. О ревизии [1782 г.]. Староста Рупачев» [Иванова-Унарова 2017: 138]), и в 1820-х гг. [Башарин 2003: 472, 490: «3-й Омотский род старосты Рупачева»], и в конце XIX в. [Иванова-Унарова 2017: 135], так что название «Юкагирский старосты Рупачева» род (Нижнеколымского зимовья) в сводке 1-й Ясачной комиссии должно отвечать 3-му Омотскому роду и термин «Юкагирский» в его составе является усеченным вариантом полной формы «*3-й Омотский Юкагирский» род.

«*Юкагирский старосты Щербакова*» род. Старосты Щербаковы известны и для 3-го Омолонского рода [Бурова 1966], который вообще назывался в ряде документов то щербаковским родом, то родом Чаина (по обычным фамилиям его старост) [Бурова 1966: 24], и для 2-го Омолонского рода [Березкин 1939; Богораз 1898; Богораз 1931:1; Гурвич 1966: 217]. Но поскольку 2-й Омолонский род учтен 1-й Ясачной комиссией отдельно от обсуждаемого, как род, плативший ясак в Среднеколымское зимовье, то «Юкагирский старосты Щербакова» род (Нижнеколымского зимовья) в сводке 1-й Ясачной комиссии должен быть именно 3-м Омолонским родом [ср. Гурвич 1969: 89], что вполне отвечает частому именованию 3-го Омолонского рода «щербаковским». Термин «Юкагирский» в этом названии – очевидно, усеченная форма полного обозначения «*3-й Юкагирский Омолонский / 3-й Омолонский Юкагирский» род.

«*Юкагирский старосты Вострякова*» род. Фамилия Востряков типична для старост и представителей 1-го Омолонского рода [Иванова-Унарова 2017: 132–133], так что «Юкагирский старосты Вострякова» (Нижнеколымского зимовья) род в сводке 1-й Ясачной комиссии – это 1-й Омолонский род. «Юкагирский» здесь – очевидно, усеченная форма полного названия «*1-й Юкагирский Омолонский / 1-й Омолонский Юкагирский» род.

«Омолонский старосты Никулина» и «Омолонский старосты Федорова» роды. На долю родов «Омолонский старосты Никулина» и «Омолонский старосты Федорова» остается лишь соотношение с *Омотскими* (2-м и 3-м) родами. Таким образом, в обоих имеющихся случаях слово «Омолонский» в учете 1-й Ясачной комиссии либо является ошибкой вместо «Омотский», навеянной названиями Омолонских родов, либо надо считать, что 1-я Ясачная комиссия еще одинаково именовала «Омолонскими» все шесть родов, позднее фигурировавшие как «Омолонские» и «Омотские» роды. И действительно, в последние десятилетия XIX – начале XX вв. Микулины – это фамилия, упоминающаяся именно для Омотских родов (для 1-го Омотского рода [Гурвич 1966: 143] и для кого-то из представителей совокупности Омотских родов в целом – «Аньюйского рода», как называли эту совокупность и сами ее представители, члены Омотских родов [Березкин 1939: 25–28], и их соседи [Березкин 1939: 22]), а в колымской переписи 1811 г. местожительством «Юкагирского рода старосты Никулина» показан Малый Анюй [Гурвич 1966: 139] – это часть главного ареала именно Омотских, а не Омолонских родов; кроме того, в Колымской переписи 1811 г. все три Омолонских рода фигурируют отдельно от рода старосты Никулина, под иными названиями (см. наше прим. 1), так что род Никулина вновь останется считать одним из Омотских, а не Омолонских. Род старосты Никулина, вероятно – 1-й Омотский (для последнего зафиксирована, как упоминалось, фамилия «Микулины»), а род старосты Федорова тогда – 2-й Омотский.

⁴¹ Юкагирское нижнеколымско-анюйское племя омоков, отмеченное как «Омотский род» в 1738 г., как упоминалось выше, в следующие десятилетия перестало существовать: одна часть его остатков отошла на Алазею, где исчезла к концу XVIII в. (прим. 35), а другая часть, остававшаяся на Колыме и Анюях, смешалась в третьей четверти XVIII в. с представителями расселявшихся с юга подразделений верхнеколымско-омолонского племени когимэ (онмунды) и превратилась в смешении с ними в три «Омотских рода» русского учета последней трети XVIII в. и далее, утратившие исконный омоковский язык и самоназвание «омоки». К концу XVIII в. эти «Омотские роды» говорили на лесном языке составивших их бóльшую часть выходцев из вышеупомянутых соседних верхнеколымско-омолонских подразделений (носителей лесного языка), составлявших часть когимцев; эти подразделения, как упоминалось, выдвинулись с юга, с Верхней Колымы и именовались в русском учете с некоторого момента «Омолонскими родами» (с номерами). Такое наименование используется и 1-й Ясачной комиссией, и после нее, но в ясачном учете всех колымских и алазейских юкагиров 1738 г. термина «Омолонские» еще нет вообще, и те же подразделения в нем называются

иначе [Гурвич 1966: 69]. Вероятно, именование их номерными Омолонскими родами и ввела 1-я Ясачная комиссия в 1760-х гг.

В традициях самих Омотских и Омолонских родов XIX в. историческое племя омоков и продолжавшие его Омотские роды воспринимались как единая общность и назывались «Аньюйским родом» (то, что эта группа называлась когда-либо «омокамп», было забыто, а сам термин «омоки» получил иную нагрузку, см. прим. 39), а Омолонские роды воспринимались как еще одна такая же единая, особая общность, называвшаяся «Омолонский род» и «Омолонский ушканый род». Эти «Аньюйский род» (= 1-й – 3-й Омотские роды русского учета и их предки) и «Омолонский род» (= 1-й – 3-й Омолонские роды русского учета и их предки) изображены в преданиях как Омотских, так и Омолонских административных родов близкими взаимными друзьями и союзниками [см. Березкин 1939: 18–28, особ. 22, 26–28].

Отметим, что, согласно названным преданиям, эти «Аньюйский род» и «Омолонский род» существовали как особые единства уже на момент прихода русских, и каждый из этих родов управлялся тогда одним старейшиной [Березкин 1939: 22–23, 26–28]. Возникает вопрос: откуда могли взяться такие представления, учитывая, что три Омотских рода и три Омолонских рода русского учета по официальному административному порядку были шестью совершенно независимыми друг от друга потестарными единицами, не объединенными ни в какие группы? Мы предложили бы отвечать на этот вопрос следующим образом. Единый «Аньюйский род» преданий, на момент прихода русских существовавший, согласно этим преданиям, как одно потестарное целое (а к концу XIX в. уже не единый, а административно представленный тремя Омотскими родами русского учета) – это, несомненно, историческое племя омоков: оно действительно образовывало во времена прихода русских потестарное единство племенного уровня, а позже его остатки явились одним из компонентов формирования трех Омотским родов русского учета, унаследовавших от этих остатков свое русское официальное название – «Омотские». Кроме того, Омотские роды русского учета второй половины XVIII – XIX вв. могли и самостоятельно – по инерции, восходившей к существованию бывшего племени омоков и охватывавшего его единого административного «Омотского рода» 1738 г. – продолжать поддерживать друг с другом потестарно-ассоциативные связи, которые не отражались бы в официальном учете, но поддерживали бы у самих этих родов представление о том, что они образуют некое единство («Аньюйский род»),

Относительно Омолонских родов аналогичных данных о том, что они или их возможные предки некогда образывали особое потестарное единство, насколько нам известно, нет – и сами Омолонские роды

русского учета, и все группы когимцев, от которых они могли бы происходить, в опубликованных до сих пор материалах русской документации отражены как отдельные друг от друга единицы, соподчиненные лишь в рамках всего племени верхнеколымцев-когимцев и лишь в XVII в.; никакого специфического единства, которое охватывало бы внутри этого племени и ареала его потомков именно Омолонские роды и их возможных предков, известные нам материалы русского учета не отражают. Однако обсуждаемые предания Омолонских и Омотских родов о том, что такое особое единство «Омолонцев» все же существовало, позволяет считать, что три Омолонских рода в течение какого-то времени (начиная с XVIII в.) также поддерживали друг с другом потестарно-ассоциативные связи, которые и обеспечивали у них и их соседей представление об особом единстве этих трех родов, именуемом «Омолонским (Ушканым) родом». Какую-то ассоциацию (на уровне субплемени) могли поддерживать друг с другом внутри племени когимэ и какие-то группы когимцев XVII в., предковые по отношению к будущим Омолонским родам русского учета; в таком случае эта ассоциация и отвечала бы тому «Омолонскому роду» преданий, который как некое целое, подчиненное одному старейшине, помещался разбираемой юкагирской традицией на время прихода русских.

Часть представителей Омотских и Омолонских родов в середине – второй половине XIX в. выселилась на Анадырь и образовала там оседлое обрусевшее по языку «Анадырское юкагирское общество».

⁴² Ср. с этим трехчастным делением сообщение Г.А. Попова [7: 61] применительно ко второй половине XIX в.: «1-й Омотский род – р. Малый Анюй, 2-й Омотский род – р. Колыма, 3-й Омотский род – р. Большой Анюй (в 120 в[ерстах] выше р. Сухого Анюя до Анюйской крепости), [1-й] Омолонский род – по р. Омолон (от устья на 200 в[ерст])».

Здесь указаны три ареала: Колыма, Анюи и Омолон – как места обитания четырёх родов, слитых в Нижнеколымском обществе. Эти три ареала можно соотнести с трехчастным делением того же Нижнеколымского общества у Н.Н. Березкина на «Колымчан», «Анюйцев» и «Омолонцев» [Березкин 1939: 52]. Тогда это деление отвечает следующей картине: «Колымчане» в его рамках – это 2-й Омотский род (живший ранее, согласно Попов 7: 61, на Колыме), «Анюйцы» = 1-й и 3-й Омотские роды (жившие ранее, согласно Попов 7: 61, на Анюях), «Омолонцы» – 1-й Омолонский род (живший ранее, согласно Попов 7: 61, на Омолоне).

⁴³ Ср.: «В 1898 г. одулы Нижнеколымского района родов: 1-го Омолонского, 1, 2 и 3-го Омотского объединены в один 1-й Омолонский род» [Попов 7: 61].

⁴⁴ При этом фамилии старост 3-го Омолонского рода: Чайны и

Щербаковы – восходят к именам членов Рыбникова верхнеколымского рода XVII в. (Щербак, Чаинда) [Долгих 1960: 416]; основатель Ушканского верхнеколымского рода Табушкан значился исходно в Нартицыном роде, а в конце XVII – начале XVIII в. именовался в русских документах «омолонским Таушканом / омолономским Ушканом» (и одно время платил ясак в Анадыре) [Долгих 1960: 417 с прим. 219]; наконец, Омолонские роды юкагиров рассматривали себя как общность, которую сами именовали, говоря по-русски, «Ушканным омолономским родом» юкагиров (и это название сохранял как самообозначение 2-й Омолонский род) [Березкин 1939: 19–21, 26, 28]. Таким образом, и род, основанный «омолонским» Табушканом, то есть верхнеколымский Ушканский род русского учета второй половины XVIII в. и далее, и Омолонские роды русского учета тех же периодов («Ушканная» общность по самоназванию при передаче этого самоназвания по-русски) демонстрируют и связь с Омолоном (для «Ушканского» рода, основанного Табушканом, эта связь приходится лишь на самое раннее время существования рода, когда русские документы определяли Табушкана как «омолонского» предводителя), и связь с названием «Заячий» (Ушканский, Ушканый).

Из всего этого следует, вероятно, что какие-то части Нартицына и Рыбникова родов верхнеколымских юкагиров XVII в. (возможно, и иных их родов) мигрировали к концу XVII в. в северо-восточном направлении, на Омолон и за него (возможно, в связи с вымиранием к концу XVII в. юкагирского племени лавренцев, занимавших до того средний Омолон [об этом вымирании см. Долгих 1960: 410]); эти части образовали здесь ареал, связанный с названием «Ушканый/Заячий». К этому ареалу относился и «омолонский» Табушкан, выходец из Нартицына рода. В свою очередь, некоторое время спустя юкагиры этого ареала разделились на две части: одна вернулась на юго-запад и поселилась на Ясачной (это и был верхнеколымский Ушканский род, основанный еще раньше Табушканом), другая осталась на Омолоне и распространялась к северу (= «омолонский Ушканый род»); она и образовала 1-й, 2-й и 3-й Омолонские роды русского учета.

⁴⁵ Тождество «Омолонского» рода X-й переписи (1859 г.) с 1-м Омолонским родом учета конца XIX в. устанавливается по тождеству численности 1-го Омолонского рода согласно X-й переписи, указанной В.И. Иохельсоном [Иохельсон 2005: 102], с численностью «Омолонского рода» по материалам самой этой переписи [Гурвич 1966: 141] (и по мужчинам, и по женщинам – 61 мужчина, 58 женщин).

⁴⁶ По месту в списке 2-й Ясачной комиссии [Гурвич 1966: 140] этот «Юкагирский» род однозначно отвечает 2-му Омолонскому (ранее также «Юкагирскому», «Юкагирскому старосты Слепцова») роду. Указание Алазеи (достаточно далекой от Омолона) как местопребывания этого рода

в учете 2-й Ясачной комиссии связано с тем, что данный род (юкагирский род Алексея Слепцова) откочевывал к 1830-м гг. с Омолона на запад, на некоторое время – на Индигирку [Гурвич 1966: 138 с прим. 33]. Как видно из дальнейшей локализации рода, позднее он возвратился на восток, в бассейн Колымы.

⁴⁷ Тождество «3-го Омотского отдельного» (то есть второго «3-го Омотского»!) рода X-й переписи со 2-м Омолонским родом учета конца XIX в. устанавливается по тождеству численности 2-го Омолонского рода согласно X-й переписи, указанной В.И. Иохельсоном [Иохельсон 2005: 95], с численностью «3-го Омотского отдельного рода» по материалам самой этой переписи [Гурвич 1966: 140] (и по мужчинам, и по женщинам – 30 мужчин, 29 женщин).

⁴⁸ Упомянув этноним «омолондьи» (дословно юкагирск. ‘люди реки Омолон’) [Иохельсон 1897: 161], В.И. Иохельсон не указывает, какой именно из трех Омолонских родов его употреблял, но поскольку к тому времени 3-й Омолонский род исчез, а 1-й Омолонский род обрусел по языку, юкагироязычный этноним «омолондьи» должен был применять 2-й Омолонский род.

⁴⁹ Отметим, что в [Богораз 1898] весь 2-й Омолонский род именуется «род Щербаковых» (не путать с 3-м Омолонским родом старост Щербаковых – фамилии Щербаковых и Востряковых были распространены во всех трех Омолонских родах), а в [Богораз 1931: 1] оленная, обэвенившаяся по языку часть 2-го Омолонского рода, кочевавшая совместно с эвенами рода Балаганчик, фигурирует как «Ушканий род», а рыболовецкая часть, сохранявшая юкагироязычие – как род Щербаковых. В целом в [Богораз 1931:1] автор говорит, что летом 1895 г. при верхнем Омолоне кочевали три рода «ламуты»: «1) Щербаков; 2) “Балаганчик” и 3) “Ушканий” (Востряков); из них Щербаковы были, в сущности, юкагирским родом, ассимилированным ламутами. они жили на самом Омолоне, существовали преимущественно рыболовством, хотя имели много оленей. Через два года... Щербаковы вымерли с голоду, дойдя перед тем до людоедства. Ушканий род был многочисленный и самый зажиточный». «Щербаков род» здесь, таким образом – это рыболовецкая часть 2-го Омолонского рода, именно она вымерла от голода, дойдя до людоедства, в 1897 г.; «Ушканий / Востряков род» данного описания – это не 1-й Омолонский род Востряковых, так как тот к 1890-м гг. и далее говорил по-русски, утратив свой исконный, лесной юкагирский язык, и жил оседло близ Нижнеколымска, в селении в устье Омолона [Иванова-Унарова 2017: 132 слл.; Иохельсон 2005: 103]; таким образом, «Ушканий / Востряков род» в [Богораз 1931: 1] может быть отождествлен только с оленной частью 2-го Омолонского рода, которая действительно кочевала с ламутами и перешла на ламутский язык

[Иохельсон 2005: 95]. Как видно, фамилия Востряковых была распространена и в 1-м, и во 2-м Омолонском роде, точно так же, как фамилия Щербаковы – и во 2-м, и в 3-м. Все три перечисленные им группировки В.Г. Богораз в [1931: 1] назвал, не вполне точно, родами «ламутов», поскольку род Балаганчик и был ламутским (эвенским), ассоциированная с ним оленная часть 2-го Омолонского рода жила с ним в симбиозе, свободно владела эвенским и уже переходила на него, а рыболовецкая часть 2-го Омолонского рода, сохранявшая юкагироязычие, также в какой-то степени знала эвенский и притом поддерживала контакты с оленной частью [см. Богораз 1898]. Между тем принципиальной позицией В.Г. Богораз было определение этничности группы по доминирующему на данный момент языку даже вопреки ее юкагирскому происхождению и самоидентификации, ср. примеры такого подхода в [Богораз 1925].

Добавим, что по проекту административного деления Якутской АССР от 6.11.1927 на территории Колымского округа предусматривалось только две административные единицы, определявшиеся полностью или частично по юкагирам: «Юкагирский туземный Совет» с центром в Верхнеколымске и некий «Колымский», он же «Ламутский» род, определенный в том же проекте как «ламуты-юкагиры» [Пространство 2020: 241, прим. 540*]. В первом из них надо видеть верхнеколымский Ушканский род того времени в совокупности с фактически присоединившимся к нему юкагиризованным 2-м Дельянским родом, а во втором – как раз вышеуказанное единство оленной части 2-го Омолонского юкагирского рода (уже эвенизирующейся) и кочующего вместе с ней эвенского рода Балаганчик (см. в конце прим. 5).

⁵⁰ 3-й Омолонский род существовал в 1850-х гг. и некоторое время спустя, как известно из уцелевших документов архива его князцов [Бурова 1966]. 1858-м годом датируется распоряжение Нижнеколымских властей Василию Щербакову, родичу старосты 3-го Омолонского рода Михаила Щербакова; весь их род при этом именуется «Юкагирским» (сокращение из полной формы «3-й Омолонский юкагирский» род). Василию Щербакову здесь поручается надзирать за продовольственным положением, а местообитанием рода в документе назван «верх Омолона» [Бурова 1966: 31]. Из других документов выясняется, что еще в 1850-х или начале 1860-х гг. 3-й Омолонский род раскололся: тогдашний староста рода Никон Чаин увел большую его часть на Анадырь (удержав кортик и иные знаки власти князца/старосты рода), где и находился около 1870 г. и далее [Бурова 1966: 32–33]; эта часть перешла на Анадыре к оседлости [Бурова 1966: 33], так что в ней надо видеть ядро будущего Анадырского юкагирского общества (о том, что оно восходит к переселенцам из Омолонских и Омотских родов на Анадырь, см. Гурвич 1966: 146;

Иохельсон 2005: 103).

Оставшуюся в бассейне Омолона часть 3-го Омолонского рода возглавлял в 1868–1873 гг. как староста Василий Щербаков, в 1873 г. смененный Федором Чайным [Бурова 1966: 32, 34], причем в документе, составленном Василием Щербаковым как старостой ок. 1870 г., он именуется возглавляемый им род 3-м Омолонским Юкагирским родом, а в документе, составленном им в 1873 г., вскоре после смещения с поста старосты, он называет себя «бывшим старостой 3-го Омотского (так!) наслега» [Бурова 1966: 32 и 34]; 3-м Омотским отдельным родом в то время именовался 2-й Омолонский род (см. столбец Г нашей сводной таблицы и прим. 47). Именование «3-й Омотский наслег» в документе Василия Щербакова может быть либо ошибкой, либо, скорее, указанием на соединение в официальном учете не ушедшего на Анадырь остатка 3-го Омолонского рода со 2-м Омолонским – «3-м Омотским отдельным» родом.

В переписи 1897 г. и в материалах В.И. Иохельсона (относящихся к 1895 – 1902 гг.) 3-й Омолонский род не упомянут вовсе. Учитывая подробность, с которой В.И. Иохельсон приводит материал, касающийся юкагиров, это значит что к середине 1890-х гг. 3-й Омолонский род перестал существовать как подразделение. Тем не менее архив его князцов сохранился и был приобретен в 1933 г. на Колыме у последнего старшины (помощник старосты) «Омолонского рода» Тимофея Щербакова [Бурова 1966: 24]. Единственной уцелевшей частью Омолонских родов к 1910-м гг. и далее был 2-й Омолонский род, точнее, его оленная часть, к которой и остается отнести названного Тимофея Щербакова; тот факт, что архив 3-го Омолонского рода оказался у него, означает, вероятно, что при исчезновении не ушедшей на Анадырь части 3-го Омолонского рода как организованного целого последние ее представители влились во 2-й Омолонский род (ср. выше об их возможной ассоциации уже в 1870-х гг.). Сам факт этого исчезновения остается соотносить с приведенными В.И. Иохельсоном сообщениями об исчезновении к последним десятилетиям XIX в. некоего юкагирского рода *конгиэндъи* (люди с р. Конгина [Колгиэнэн] / Кункуин, приток Омолона) обитавшего на Омолоне, а также с сообщениями верхнеколымских юкагиров В.И. Иохельсону в конце 1890-х гг. (относящимися, очевидно, к тому же факту) о недавнем исчезновении некоего омолонского юкагирского рода «когимэ» [Иохельсон 1897: 160, 163–165; Иохельсон 1898: 257, Иохельсон 1900: 107, 209; Иохельсон 2005: 49–50, 51]. Об исчезновении конгиэндъи сообщает также, в крайне беллетризованной и искаженной форме, [Дионео (И.В. Шкловский) 1895: 164–178, «Конец Кангиенисов»]. Ср. также сообщение юкагиров 1-го Омолонского рода Н.Н. Березкину о том, что от поселившихся в местности Кункуин

омолонских юкагиров уцелел лишь небольшой остаток в виде «юкагирского ушканного рода» (подразумевается неоленная часть 2-го Омолонского рода); вымершая часть этих омомонских юкагиров, селившихся в области Кункуин, тем самым может быть отождествлена с вымершими тогда же и там же омомонскими юкагирами-конгиэндьи (тем более учитывая вероятную связь топонимов Кункуин и Конгнэн- / Конгина). То, что исчезновение юкагиров-конгиэндьи на Омолоне по одним сообщениям, исчезновение юкагиров-когимэ на Омолоне по другим сообщениям и исчезновение 3-го Омолонского рода (следующее из отсутствия упоминания его в материалах В.И. Иохельсона и переписи 1897 г.) – это одно и то же событие, следует из того, что речь идет об одной и той же местности и одном и том же времени, притом что все остальные Омолонские группы / роды (то есть все, кроме 3-го Омолонского рода) тогда еще сохранялись и в переписи 1897 г. и материалах В.И. Иохельсона как раз отражены. Очевидно, название «конгиэндьи» было территориальным названием 3-го Омолонского рода (и, соответственно, его части, оставшейся на Омолоне), а с другой стороны, именно с этим родом было особенно тесно связано бывшее родовое наименование всей общности верхнеколымских юкагиров *когимэ* «вороны» (оно служило названием всего племени / общности верхнеколымских юкагиров в XVII в. и далее, см. Долгиз 1960: 421, ФЮ:14; однако в обсуждаемом сообщении верхнеколымских юкагиров В.И. Иохельсону термин «когимэ» выступает как собственное родовое название лишь одного омомонского рода, который незадолго до того исчез – то есть, очевидно, 3-го Омолонского рода).

Добавим, что участники экспедиции Дж. Биллингса в конце XVIII в. слышали (по-видимому, от колымских юкагиров) «о многочисленном [юкагирском, как однозначно ясно по контексту цитируемой фразы] племени, [ранее] обитавшем на Колыме, под названием конгини (...heard of a numerous nation inhabiting the Kovima, called Konghini)» [Sauer 802: 95]. Судя по написанию, это Konghini передает скорее термин *конгиэндьи* (как и считает В.И. Иохельсон в 2005: 49), чем термин *когимэ*. Вероятно, информанты экспедиции Биллингса имели в виду то, что *конгиэндьи* покинули Колыму и, действительно, веком спустя информанты В.И. Иохельсона сообщали о *конгиэндьи* как о группе, существовавшей и исчезнувшей некоторое время назад на Омолоне (а не на Колыме), см. выше. Как видно, конгиэндьи ко временам экспедиции Биллингса ушли с Колымы на Омолон, и к концу XIX в. там и исчезли. Этим вновь подтверждается, что ко второй трети – третьей четверти XVIII в. некоторые группы когимцев отселились на север, на Омолон, Анюи и Нижнюю Колыму (см. прим. 41), где часть этих групп смешалась с омоками, а часть стала именоваться в русском учете Омолонскими

родами, и что конгиэндьи были одним из этих Омолонских родов или его существенной частью (как мы помним, сопоставление исчезновения конгиэндьи с исчезновением из переписей 3-го Омолонского рода позволяет заключить, что коигиэндьи можно отождествлять именно с 3-м Омолонским родом, см. выше).

Тот факт, что в приведенных И.С. Гурвичем материалах X-й ревизии 3-й Омолонский род не упоминается (хотя в ее время – 1850-е гг. – он еще бесспорно существовал, как видно из вышеупомянутого архива князцов этого рода), может объясняться либо случайной ошибкой в этих материалах, либо тем, что распад и уход большей части этого рода на Анадырь ко времени X-й ревизии уже состоялся (между тем Анадырь не входил в Якутскую область, материалы которой были главным источником, учтенным И.С. Гурвичем при описании результатов X-й ревизии), либо тем, что оставшаяся на Омолоне часть рода могла официально ассоциироваться с 3-м Омотским отдельным / 2-м Омолонским родом, см. выше. Этот вопрос требует дальнейшего выяснения.

⁵¹ Согласно Г.А. Попову [7: 61], во второй половине XIX в. 3-й Омолонский род (т.е. не ушедшая на Анадырь его часть) обитал на верхнем Омолоне.

⁵² Три верхнеколымских юкагирских рода XVIII – первой трети XIX вв. (Рыбников, Нартенный, Ушканский), объединенных в 1830-х – 1850-х гг. в один административный род (Ушканский), восходят прежде всего к двум подразделениям верхнеколымского племени когимцев-онмундьи XVII в.: роду Шалаги Рыбника (Рыбников род) и Нартицыну / Нартенному роду (часть представителей Нартицына рода, откочевав на Омолон и далее, обособилась на рубеже XVII – XVIII вв. под началом «омолонского Таушкана / Ушкана», он же Табушкан, как Ушканский род; к середине XVIII в. этот род поселился на Ясачной. Ядро Нартицына рода продолжало существовать все это время и далее под своим названием), см. прим. 44. Представители других подразделений когимцев XVII в. частью влились в эти три рода, частью составили (вероятно, вместе с выходцами из самих Рыбникова и Нартицына родов, см. прим. 44) три Омолонских рода русского учета второй половины XVIII – XIX вв., а частью влились в состав нижнеколымско-анюйских остатков омоков («Омотский род» ясвчного учета 1738 г.), ассимилировали их и в смешении с ними составили три Омотских рода учета второй половины XVIII – XIX вв.

⁵³ Даты упразднения Рыбникова и Нартенного административных родов в этих работах В.И. Иохельсона, как и в [Иохельсон 2005: 98], оказались перепутаны (в [Иохельсон 2005: 98] по случайной описке перепутаны и места обитания Рыбникова и Нартенного родов). Истинные даты приведены в [Гурвич 1966: 138; Попов 7: 61].

⁵⁴ Даты упразднения Рыбникова и Нартенного административных родов в этих работах В.И. Иохельсона спутаны, см. прим. 53.

⁵⁵ В XX в. был записан подробный верхнеколымский юкагирский рассказ о жизни и кочевках верхнеколымских юкагиров (т.е. расширенного верхнеколымского Ушканского рода, включая фактически влившихся в его состав представителей 2-го Каменно Дельянского рода) в первой трети XX в. [Maslova 2001: Kolyma text 1 «Одулы»]. Вся эта общность названа здесь «собачьим [в смысле: собаководным] народом» Колымы, состоявшим из Ушканцев и Дельянцев. В рассказе упоминается ряд территориальных групп, входящих в состав этого «народа»; отраженное этими упоминаниями деление – намного более дробное, чем обычное трехчастное деление верхнеколымских юкагиров на ясачненцев, поповцев и коркодонцев, зафиксированное В.И. Иохельсоном, Тэки Одулоком и т.д.: в повествовании, опубликованном Е.С. Масловой, называются *чахадэндьи* [ясачненцы (в самом узком смысле слова)], *ньаспэндьи* [поповцы (в самом узком смысле слова)], *кожэдэндьи* [люди с р. Кожэдэн = Шаманихи], *пудэгэльдьи* [досл. «люди верхнего течения, верховий», см. Nikolaeva 2006: 365, где уточняется, что этот термин обозначал юкагирскую группу, обитавшую в ареале верховий рек бассейна Коркодона; таким образом, это часть общности коркодонцев = Нартенного рода], *нунгэдэнанилдьи* [люди с р. Нунгэдэн = Нелемной / зап. Рассохи]. Последний термин в форме *нунгэдэндьи* приводится также в [Nikolaeva 2006: 315], где указано, что он употреблялся и как название всего Ушканского рода. Вероятно, так было потому, что Нелемное служило главным поселением верхнеколымских юкагиров и нелемненцы-*нунгэдэндьи* оказывались, видимо, главной подгруппой ясачненцев-*чахадэндьи* в широком смысле слова (а те составляли Ушканский род до включения в него Рыбниковцев-поповцев и Нартенцев-коркодонцев и оставались его главным подразделением после этого включения). Название «коркодонцы-*хорходондьи*» в рассказе не присутствует. Кроме того, в словаре [Nikolaeva 2006: 321] приводится термин *ойбэндьи* (омулевцы, юкаг. «люди р. Ойбэн = Омулевка») – территориальное название группы верхнеколымских юкагиров, обитавших на р. Омулевка (то есть подгруппы той общности, которая в рамках деления верхнеколымских юкагиров на три части именуется ясачненцами-*чахадэндьи*).

Очевидно, что в обсуждаемом рассказе термины *чахадэндьи* и *ньаспэндьи/ньаатпэндьи* употреблены в более узком и дробном смысле, чем при обычном трехчастном делении верхнеколымских юкагиров (= Ушканцев в широком смысле) на *чахадэндьи* (ясачненцы = Ушканцы в узком смысле), *ньаатпэндьи* (поповцы = Рыбниковцы) и *хорходондьи* (коркодонцы = Нартенцы). *Чахадэндьи* в том узком смысле, который

используется в рассказе (обитатели р. Ясачной, но уже не Нелемной и не Омулевки) – это лишь часть *чахадэндь* трехчастного деления (= Ушканцев в узком смысле слова), причем даже не главная их часть (главной их частью, как мы видели, являлись *нунгэдэнанилды* / *нунгэдэндь* – нелемненцы). *Ойбэндь* – омулевцев также, уже в силу их географического расположения, надо считать частью *чахадэндь* трехчастного деления. *Кожэдэндь* рассказа – люди Шаманихи и *ньаспэндь* рассказа – поповцы точно отвечают «одулам с рек Поповки и Шаманкино», упоминаемым Тэки Одулоком как особое единство (остатки которого из-за своей депопуляции вошли в итоге в состав ясачненцев трехчастного [после этого события – уже двухчастного] деления верхнеколымских юкагиров) [Спиридонов 1930/1996: 25]. Это единство остается приравнять к поповцам трехчастного деления. Таким образом, и термин *ньаспэндь/ньяатпэндь* (досл. ‘люди р. Ньяатпэн = Поповка’) в обсуждаемом рассказе применяется в более узком смысле, чем при использовании его в рамках трехчастного деления: *ньаспэндь*-«поповцы» рассказа – это лишь одна подгруппа *ньяатпэндь*-«поповцев» трехчастного деления, а другой подгруппой последних являются *кожэдэндь* рассказа.

Тэки Одулок называет четыре локальные подгруппы коркодонцев трехчастного деления (то есть Нартенного рода): люди с Коркодона (= коркодонцы в наиболее узком смысле слова), Толбы (= Столбовая), Бургалы (= Бургали, зап. Мургали) и Шойдана [Спиридонов 1930/1996: 25]. «Шайданских (шойданских) одулов» он описывает как особую подгруппу в составе коркодонцев, обособленную от всех прочих коркодонцев, и в других своих сообщениях [Спиридонов 1930/1996: 41; ср. Одулок 1933/1959: 17]. Из этих четырех групп в вышеупомянутом верхнеколымском рассказе под названием *пудэгэльды* (как мы помним по разъяснению И. Николаевой, это в любом случае часть коркодонцев) могут фигурировать именно обитатели р. Шайдан (Шоудон, Сугой, Буксунда – приток Колымы выше Коркодона): хотя Шайдан является притоком Колымы, а не Коркодона, территориально его бассейн примыкает в основном к бассейну верхнего Коркодона, и шайданцы, как только что упоминалось, считались частью именно коркодонцев-*хорходонды* (ср.: Бургала-Бургали – вообще западный приток Колымы, но ее обитатели тоже входят в общность *хорходонды*), а внутри ареала *хорходонды* должны были рассматриваться как обитатели верховий.

Обсуждаемый верхнеколымский рассказ упоминает не все локальные подгруппы верхнеколымских юкагиров, касаясь тех или иных из них от случая к случаю по ходу повествования (этим и объясняется, очевидно, тот факт, что коркодонцы в нем как таковые не названы, а из всех их подгрупп названы только *пудэгэльды*). Отметим, что перечень

таких подгрупп мог и меняться, так как с поселением каких-то семей на определенной реке они естественно могли бы затем выделяться по названию этой реки. В целом получается сложная картина того, как верхнеколымские юкагиры подразделяли свою общность около начала XX в. (некоторые этнонимы при этом имели по несколько смыслов разного охвата, а некоторые реально существовавшие малые территориальные группы могли быть просто не упомянуты в дошедших до нас источниках), представленная на таблице (см. стр. 169).

⁵⁶ Ни один источник XVII в. и более поздних веков никаких «юкагирских» родов в районе Оймякона и вообще на верхней Индигирке не упоминает. Анализ приведенных в материалах Н.Н. Березкина сообщений о том, что еще и в начале XX в. там существовал некий «Оймякенский юкагирский род» [Березкин 1939: 36–37], показывает, что под этим «Оймякенским юкагирским родом» фактически имеются в виду потомки той части юкагирского племени онойди (обитавшего в XVI в. еще на верхней Индигирке), которая не ушла вместе с прочими онойди на Яну (где племя онойди застают русские в XVII в.), а осталась на верхней Индигирке и оламутилась там еще до прихода русских, так что во всех русских источниках она отразилась уже как часть ламутов / тунгусов (а не как часть онойди или вообще юкагиров) [обо всем этом, и, в частности, о том, что онойди обитали некогда на верхней Индигирке и именно оттуда известные русским янские онойди отошли в свое время на Яну, можно с уверенностью судить по юкагирским и эвенским преданиям о древнем, имевшем место еще до прихода русских, обитании некоторых юкагирских групп на верхней Индигирке; разбор этих преданий, полностью подтверждающихся русскими источниками XVII в., см. в: Немировский, Прокопьева 2017: 153–159; Немировский 2019; Немировский 2019в]. Как видно из того, что в материалах Н.Н. Березкина обсуждаемая оймяконская группа именуется Оймяконским *юкагирским* родом, какие-то традиции о юкагирском происхождении этой группы, об истории ее юкагирских предков и их отделении от сородичей-юкагиров во времена до ее конечной ламутизации сохранялись у самой этой группы и ее соседей до начала XX в. включительно. В результате некоторые юкагиры и эвены верхней Колымы называли эту группу и ее предков «Оймяконским юкагирским родом», и Н.Н. Березкин, непосредственно не контактировавший с ней, внес ее в свой список юкагирских родов под этим названием (хотя в остальных источниках ее оправданно рассматривают как часть эвенов).

Выяснение того, какое именно ламутское/эвенское подразделение русского учета именуется у Н.Н. Березкина, вслед сообщенным ему сведениям, «Оймякенским юкагирским родом», остается актуальной задачей. Предварительно на этот счет можно выдвинуть следующие

соображения. Онойди, как следует из некоторых русских источников XVII в., и в бытность свою на верхней Индигирке, и после перехода их части к Яне, поддерживали долговременные тесные и дружественные контакты с ламутским племенем ламутков-буяксинов [Немировский 2019]. Однако буяксины полностью ушли из верхнеиндигирско-приохотского региона на северо-запад вместе с переселившейся на Яну частью онойди и фиксируются в русских источниках только в этих северо-западных районах (к середине XVII в. южнее Яны, позднее, в XVIII – XIX вв. – при Нижней Индигирке). На Верхней Индигирке буяксинов русские источники не знают. Отсюда вытекает, что интересующая нас группа, так и оставшаяся на Верхней Индигирке и в итоге фигурировавшая у Н.Н. Березкина как «Оймякенский юкагирский род» (а другими русскими источниками учитывавшаяся как часть какой-то общности ламутов), при своей ламутизации влилась не в состав буяксинов и причислялась русским учетом не к буяксирам, а к каким-то иным ламутам (фиксируемым этим учетом как раз при Верхней Индигирке, где обитал «Оймякенский юкагирский род» материалов Н.Н. Березкина).

Между тем русские источники XVII в. отмечают в составе онойди на Яне (никаких иных онойди, кроме янских, русские источники не знают) Петайский и Зельянский «роды» [Долгих 1960: 390–392]. Название «Зельянский» воспроизводит название одного из ламутских племен – дельянов / зельянов – и говорит о том, что онойди в течение некоторого времени находились в тесном контакте с дельянами и вобрали в свой состав их часть, на базе которой и сформировался Зельянский род в составе янских онойди. Но к середине XVII в. и далее дельяны-зельяны обнаруживаются лишь очень далеко от Яны и от онойди, а именно на верхней Индигирке, юго-восточнее Верхней Колымы [Долгих 1960: 522, 529, 531–532], так что искомый тесный контакт с дельянами онойди могли бы иметь лишь на некоей более ранней стадии, при условии, что они сами обитали тогда по соседству с дельянами где-то в верхнеиндигирско-приохотском пространстве. Именно такая картина получается при анализе упомянутых выше сведений, извлекаемых из преданий и русских источников, о пребывании определенных юкагирских групп и их ламутских соседей на Верхней Индигирке в пору до прихода русских [Немировский, Прокопьева 2017: 153–159; Немировский 2019; Немировский 2019б].

Итак, из наличия Зельянского рода в составе янских онойди XVII в. видно, что в состав онойди еще во время их пребывания на верхней Индигирке влилась группа ламутов-дельянов (зельянов). Тем самым можно констатировать особо тесные связи верхнеиндигирских онойди с дельянами. Тогда можно считать вероятным, что именно дельяны региона верхней Индигирки – верхней Колымы и были той эвенской общностью, с

которой слились оставшиеся на верхней Индигирке и не ушедшие на Яну онойди при своей ламутизации. В этом случае «Оймякенский юкагирский род» Н.Н. Березкина в прочих русских источниках должен был отражаться просто как одна из групп дельянов соответствующего региона – Оймяконья и смежных территорий. Это мы и считаем наиболее вероятным ответом на вопрос о том, в качестве каких именно эвенов фигурирует «Оймякенский юкагирский род» Н.Н. Березкина во всех прочих русских источниках (которые никого, кроме ламутов /эвенов, в этом регионе не отмечают).

Таблица к примечанию 55

территориальные группы семей	общности, ранее бывшие административными родами (теперь – в составе административного Ушканского рода)ё	общности, ранее бывшие административными родами, в измененном виде (после включения рыбниковцев в состав ясачненцев), все – в составе административного Ушканского рода)	административный род текущего учета
омулевцы- <i>ойбэндьи</i>	<i>чахадэндьи-ясачненцы = (былой) Ушканский род, Чолгород-омок</i>	<i>чахадэндьи-ясачненцы = (былой) Ушканский род, Чолгород-омок, с включением в его состав остатков Рыбникова рода (ньяатпэндьи) (и, тем самым, преобразованием тройного деления верхнеколымских юкагиров в двойное – на ясачненцев и коркодонцев)</i>	(расширенный) Ушканский род, Чолгород-омок = <i>онмунды, онмун омни</i> («КОЛЫМЦЫ»)
нелемненцы- <i>нунгэдэндьи</i> (главная часть ясачненцев)			
ясачненцы- <i>чахадэндьи</i> в самом узком смысле слова			
поповцы- <i>ньяатпэндьи</i> в самом узком смысле слова			
шаманкинцы- <i>кожэдэндьи</i>			
собственно коркодонцы (<i>хорходонды</i>) в самом узком смысле слова	<i>хорходонды-коркодонцы = Нартенный род, мэдьид-омок</i>		
люди с р. Толба			
люди с р. Бургали			
люди с р. Шайдана, (= [?] <i>пудэгэльды</i>)			

III

ПРИЛОЖЕНИЯ

В настоящем разделе для удобства читателя представлены в сволном кратком виде сведения (частью содержащиеся в материале раздела II, но приведенные в нем разрозненно, сообразно с его задачами), касающиеся: состава юкагирских племен XVII в.; происхождения различных юкагирских¹ административных родов следующих веков от тех или иных из этих племен (в том числе в смешении с определенными неюкагирскими группами); этнографически-языковых групп, на которые по своим языкам и связям фактически разбивались юкагирские административные роды в XIX – начале XX вв.; этнической судьбы этих родов в XX в.; их самоназваний и названий тех надродовых (этнографических) общностей, в которые они сами себя включали. Обоснования приводимой информации содержатся в разделе II и по ссылкам, указанным в настоящем разделе. Кроме того, в настоящий раздел включены карты ареалов юкагирских племен накануне прихода русских и ареалов юкагирских административных родов на исходе XIX в.

Приложение 1. Сводные краткие сведения о составе этнической общности юкагиров в XVII – XIX вв. (прежде всего по материалам [Иохельсон 2005 = Jochelson 1926, Спиридонов 1930/1996, Березкин 1939; Долгих 1960; Гурвич 1966; Юкагиры 1975; Гоголев 1978; Нестеров 2012; Кочкин 2016; Слепцов и др. 2016; Пупынина и др. 2020]²). К 1630-м – 1640-м гг. юкагирскими племенами были: янда (яндагиры), омолойские и «хромовские» юкагиры (эти две группы составляли, видимо, одно племя коромоев, чье название и отражено в русском слове «хромовцы») и онойди – к востоку от Нижней Лены и на Яне; олюбенцы, янга, шоромба – на Индигирке; алайи на Алазее; омоки, верхнеколымцы (когимэ, они же онмунды), лавренцы – на Колыме и Омолоне; ходынцы, чуванцы, анаулы – на Анадыре (названия, состав, юкагирская принадлежность и размещение всех этих племен детально установлены по русским источникам XVII в. [Долгих 1960]). И сами эти племена, и их составные

---

¹ О том, какие административные роды и почему считались юкагирскими и рассматриваются как юкагирские нами, см. выше, во введении к таблицам раздела II с прим. 2 (с. 49).

² О ситуации XX в. см.: Едукин 2001; Винокурова, Шадрин 2006; Прокопьева и др. 2011; Прокопьева 2019; Сулейманов 2013; 2014; 2014б; 2014в; 2014г; 2015; 2015б; 2016; 2017; 2017б; 2018; 2018б; 2018в; Шадрин 2010; 2012; 2014; 2016; Филиппова 2002; 2005; 2008; 2008б; 2009; 2010; 2010б; 2010в; 2012; 2012б; 2013; 2016; 2018; 2019; 2019б; Филиппова, Реброва 2010; Филиппова, Саввинова 2012; Ягловский 2003; 2007; Пространство 2020.

части-подразделения в русских источниках именовались «родами» (см. раздел I, § 1).

Из преданий и сообщений юкагиров, записанных Н.Н. Березкиным в конце XIX – первой трети XX в. [Березкин 1939], следует, что еще ранее племена шоромба, когимцев и онойди обитали на верхней Индигирке в районе Оймякона, составляя одну конфедерацию (в еще более ранние времена пришедшую на Оймякон с Лены под натиском иноплеменников), впоследствии распавшуюся и расселившуюся, причем шоромба ушли на среднюю Индигирку и Мому, когимэ – на верхнюю Колыму, а большинство онойди – на Яну, где всех их и застают первые русские источники в середине XVII в. (часть онойди, как следует из материалов Н.Н. Березкина, осталась на Оймяконе и эвенизировалась еще до прихода русских, но была еще долго, вплоть до начала XX в. включительно, известна некоторым жителям региона под названием «Оймяконский юкагирский род») [Немировский 2019]. Для более ранних времен (примерно XII–XVI вв.) можно назвать еще юкагирские общности маятов (к западу от Нижней Лены, затем отунгушены по языку, а еще позже в значительной части стали компонентом этногенеза нганасан [Долгих 1952]), юрэнцев на Вилюе (впоследствии частью отунгушены, частью объякучены) [Бравина, Петров 2018], юкагирские – как видно из их названий – племена Приохотья (товуданцы, улбиданцы, «жлады» [из *диланды?], кондызи), эвенизовавшиеся еще до появления русских и в русских источниках фигурирующие уже как тунгусы [Немировский, Прокопьева 2017: 144–153, ср. Бурыкин 2000; Бурыкин 2001: 81; Бурыкин 2011: 310, 320, 376–377, 379]. Более ранний ареал юкагиров конца I = начала II тыс. н.э. (до широкого расселения эвенков) захватывал, как видно из гидронимии и иных данных, и другие территории почти всей Якутии и обширных пространств между Леной и Енисеем (помимо типично юкагирских гидронимов на *-дон*, *-дэн*, *-дан*, это показывают и другие топонимы; в частности, древнеюкагирскими, по-вилимому, являются сибирские гидронимы с исходом на *-мба*, распространенные от Приангарья и Тунгусок до Индигирки и Колымы) [см. в целом Бурыкин 2001; Комаров 1990; Немировский 2019б; специально о территориях между Леной и Енисеем – Гурвич 1973; Гурвич 1977]. Однако данных, позволяющих судить о названиях и составе племен юго-западных и крайних западных пространств юкагирского ареала, нет.

Для второй половины – конца XIX в. источники отражают более полутора десятков юкагирских общностей – «родов» русского административного учета, которые сами заявляли себя как юкагирские, а обычно и числились юкагирскими в русском учете (по реальному происхождению и составу некоторые из них были юкагиро-тунгусскими, а из последних – все, кроме одного, а именно Бетильского рода, юкагиро-эвенскими; лишь исконное тунгусское ядро Бетильского рода Западной

тунлры было, видимо, эвенкийским, вобравшим в себя также якутский компонент). У некоторых из этих юкагирских по идентификации и полностью или частично юкагирских по происхождению родов доминирующим или единственным языком был уже эвенский язык, а некоторые перешли полностью на русский или якутский языки, что не мешало им по-прежнему определять себя как юкагирские группы (лишь чуванцы к тому времени отделились от юкагиров в качестве особого народа). Это были:

1) Омолойский (Булунский) юкагирский род (потомки прежде всего коромоев) – от Лены до Яны;

2) Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа (потомки оноиди) – от Яны до Хромы и Аллаихи;

3) Буяксирский (Ерчинский) «юкагирский» род официального учета (потомки эвенов-буяксиров, смешавшихся с остатками юкагирских племен, прежде всего, видимо, олюбенцев и янга) – от Хромы до Индигирки и Ерчи;

4) 1-й, 2-й Кункугурские «юкагирские» и Тюгэсирский «юкагирский» роды официального учета (потомки эвенов-кукугиров и эвенов-тугочэров, смешавшихся с остатками племен шоромба и янга) – южнее предыдущих от Яны до Индигирки, при Аллаихе, при Ерче;

5) 2-й Алазейский юкагирский род, он же эрбэткэны (потомки отошедшей на восток части племени янда) – западнее Алазеи;

6) 1-й Алазейский юкагирский род, он же алайи (потомки племени алайи) – при Алазее и Большой Чукочьей;

7) Бетильский «тунгусский» род официального учета (по самоопределению юкагиры [Иохельсон 2005: 89–90]), он же хангаи в узком смысле слова, он же вагарильцы. Этот род представлял собой потомков исконного тунгусско-якутского Бетильского рода, соединившегося с группами юкагиров, именовавшимися в его составе «ваха(ха)риил», юкаг. «коренные», и представлявшими собой, вероятно, прежде всего потомков янга, возможно, также олюбенцев) – при Алазее и Большой Чукочьей;

8) 2-й Каменно-Ламутский род официального учета, он же хододьил (потомки «ходынцев»–хододьил) – западнее Алазеи;

9–11) 1-й, 2-й, 3-й Омотские юкагирские роды, в записях Н.Н. Березкина совокупно отражены как «Аньюйский род» (потомки остатка племени омоков и смешавшихся с ним приселенцев с юга, вышедших из групп верхнеколымцев-когимцев/онмунды и ассимилировавших этот остаток омоков при смешении с ним) – при Нижней Колыме и Анюях;

12–14) 1-й, 2-й, 3-й Омолонские юкагирские роды, в записях Н.Н. Березкина совокупно отражены как «Омолонский Ушканный род» (потомки тех групп верхнеколымцев-когимцев/онмунды, что расселились на север и ко второй половине XVIII в. обитали на Омолоне, составив там

роды, учитывавшиеся в русской документации с конца XVIII в. как 1-й – 3-й «Омолонские») – на Нижней Колыме, Анюях и Омолоне (выходцы из этих групп расселились еще дальше на север, смешались с остатком омоков и ассимилировали его по языку; получившаяся в результате общность составила 1-й – 3-й Омотские роды, см. выше). К концу XIX в. 2-й Омолонский род фактически разделился на оленную и не-оленную части; 3-й Омолонский род исчез как особое подразделение еще до переписи 1897 г., не-оленная часть 2-го Омолонского рода – в 1897 г., см. ниже;

15–18) Ушканский (верхнеколымский) род (слит в 1830-х – 1850-х гг. из трех верхнеколымских юкагирских родов: собственно Ушканского, Нартицына/Нартенного и Рыбниковского – составлявших ту часть потомков когимцев/онмунды, что занимала к середине XVIII в. и ареал по верхней Колыме и Коркодону³); с этим Ушканским родом в итоге слился, юкагиризовавшись, 2-й Каменно-Дельянский эвенский род (реально он в значительной степени представлял собой эвенизированных на полтора-два века ранее потомков юкагиров же).

19) Анадырское юкагирское оседлое общество, образованное в последней трети XIX в. выходцами из Омотских и Омолонских родов, переселившимися на Анадырь и осевшими там.

Из них:

Омолойский род (1) перешел на якутский язык и образ жизни.

Роды (2, 3, 4) составляли особую этнографическую группу, известную под названием «дутки» и говорившую на собственном диалекте эвенского языка (известном у них и их соседей под названием «юкагирского» языка); в XX в. их потомки рассматривались по большей части как эвены, но некоторые из них в итоге удержали или восстановили юкагирскую идентификацию (современные янские и индигирские юкагиры).

Роды (5, 6, 7, 8) образовывали еще одну этнографическую группу, известную под названиями «хангаи» (в широком смысле) и «алайи» (в широком смысле) и говорившую на тундренном юкагирском языке. От этой группы происходят современные тундренные юкагиры с центром в Андриюшкино; их язык, тундренный юкагирский, вырос из языка алайи, послуживших, видимо, оплотом для слияния большей части всей обсуждаемой группы в первые десятилетия XX в. воедино, с конечным

---

³ Этот ареал составлял большую часть всей территории племени верхнеколымцев-когимцев/онмунды в середине XVII в. Однако с тех пор, в течение конца XVII – второй трети XVIII вв., значительная часть когимских групп сдвинулась на северо-восток, в бассейн Омолон и Анюев (дав Омолонские роды русского учета и группы, в смешении с омоками составившие Омотские роды русского учета). Началу этого расселения могло способствовать вымирание в конце XVII в. юкагирского племени лавренцев, занимавшего средний Омолон – это событие освобождало почти весь бассейн Омолон для расселения туда когимских групп.

превращением в одну современную общность тундренных юкагиров. Большинство хододьил, однако, вошло в состав эвенов и стало известно как «андрюшкинские эвены» [Аникин 2002: 46].

Роды (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18) говорили в XIX в. на лесном (колымском) юкагирском языке, развившемся из языка племени когимцев. Их три рода (9, 10, 11, 12) – все три Омотских рода и 1-й Омолонский род – соединились на рубеже XIX–XX вв. в оседлое Нижнеколымское юкагирское общество (официально оно значилось как 1-й Омолонский род, расширенный с включением в него 1-го – 3-го Омотских родов), полностью перешедшее на русский язык. Род (13) – 2-й Омолонский – в своей рыболовецкой не-оленной части исчез из-за голода в 1897 г., а кочевая оленная его часть еще раньше вступила в симбиоз с эвенами, стала переходить на эвенский язык и в XX в. вошла в состав эвенов (хотя еще в 1920-х – 1930-х гг. представители рода продолжали заявлять его как юкагирский).

Род (14) – 3-й Омолонский – исчез как особое подразделение еще до переписи 1897 г., часть его еще к 1860-м гг. перешла на Анадырь и там осела, войдя в итоге в состав Анадырского юкагирского общества, а остаток не ушедшей с Омолона части после ее депопуляции рассеялся и вошел в другие роды. Видимо, именно этот род фигурирует в источниках как вымершее к исходу XIX в. юкагирское подразделение *конгиэндьи* – «люди реки Конгина» [приток Омолона]; как следует из юкагирских сообщений В.И. Иохельсону, именно это подразделение было особенно тесно связано с названием «когимэ», так что его исчезновение отразилось в рассказах верхнеколымских юкагиров В.И. Иохельсону еще и как недавнее вымирание народа «когимэ» на Омолоне [Иохельсон 2005: 51].

От группы родов (15, 16, 17, 18) происходят современные лесные юкагиры (с центром в Нелемном). Кроме того, выходцы из Омолонских и Омотских родов, переселившиеся на Анадырь во второй половине XIX в., образовали там Анадырское (оседлое и обрусевшее по языку) юкагирское общество (некоторые потомки его сохраняют сейчас юкагирскую идентификацию).

Теперь мы можем суммарно оговорить этническую судьбу юкагирских племен XVII в. и их потомков к концу XIX – началу XX вв. Ряд юкагирских племен непрерывно продолжал существовать в XVIII – XIX вв., фигурируя в источниках в виде определенных административных родов русского учета (названия ниже приведены по учету второй половины XIX в.): янда – как 2-й Алазейский род (по самоназванию эрбэткэны – эвенск. «гуси», эвеноязычная калька юкагирского слова *яндэ* «гуси»), коромой – как Омолойский род, онойди – как Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа, ходынцы – как 2-й Каменно-ламутский род Колымского округа (хододьил), чуванцы (с которыми смешалась часть ходынцев) – как чуванцы Хатылинского (Ходынского)

рода (рассматривались уже не как юкагиры, а как отличный от них народ чуванцев), алазейцы-алайи – как 1-й Алазейский род (алайи).

Другие племена оказались разделенными каждое на несколько административных родов русского учета. Потомки когимэ-онмундби к концу XIX в. составляли, с одной стороны, верхнеколымскую общность (расширенный Ушканский род), удержавшую название «онмундби» (но не название «когимэ»), а с другой – 1-й, 2-й и 3-й Омолонские роды⁴. Продолжением племени омоков, прошедшего депопуляцию, смешавшегося с группами выходцев из когнмских подразделений (прежде всего Омолонских родов) и ассимилированного этими выходцами, являлись 1-й, 2-й и 3-й Омотские роды⁵. Другие племена (анаулы, лавренцы) вымерли еще в XVII в. (на территорию лавренцев по Омолону и за Омолон распространились в результате группы когимцев). Индигирские юкагирские племена – шоромба, янга и олюбенцы – пережили катастрофическую депопуляцию в первой половине XVIII в., и остатки их влились в состав нескольких тунгусских родов (двух кункугурских, тюгэсирского, буюксирского, Бетильского-хангайского)⁶,

---

⁴ Как упоминалось, из записей Н.Н. Березкина видно, что представители Омолонских родов XIX в. (как и их соседи) воспринимали совокупность этих трех родов (и их предков) как особую общность, называя ее «Омолонским Ушканским родом» [Березкин 1939: 22–28]. Фактически эта общность представляла собой часть потомков когимцев, отличную от верхнеколымской их части (объединенной в расширенный Ушканский [верхнеколымский] род).

⁵ Из записей Н.Н. Березкина видно, что представители Омотских родов XIX в. (как и их соседи) воспринимали совокупность трех этих родов (и их предков) как особую общность, называя ее «Аньюйским родом» и считая, что этот «Аньюйский род» существовал как единое, неразделенное потестарное целое (возглавлявшееся одним старейшиной) до прихода русских [Березкин 1939: 22, 26–28]. Фактически этот древний «Аньюйский род» предания соответствует племени омоков (остатки которого в смешении с выходцами из групп когимцев и составили Омотские роды русского учета, см. выше).

⁶ Янга и олюбенцы еще значатся как, соответственно, «Уяндин род» и «Бурулгин род» в ясачной книге Уяндинского (оно же Нижнее Индигирское) зимовья 1698 г. [Гурвич 1966: 24]; юкагиры-шоромба в 1717 и 1723 гг. еще платили ясак в Зашиверском и Подшиверском (Среднем Индигирском) зимовье, янгинцы тогда же платили ясак в Уяндинском и, видимо, Подшиверском зимовьях, олюбенцы в Уяндинском зимовье [см. Гурвич 1966: 67 и прим. 19] – но по учету родов 1-й Ясачной комиссии 1760-х гг. никаких соответствий янга, шоромба и олюбенцам уже нет, Подшиверское и Уяндинское зимовье к тому времени уже не функционировали, а в Зашиверском зимовье платил ясак лишь юкагирский «Каменный род», созданный на основе сводного (зельянско-петайского) Каменного рода, перешедшего от Усть-Янского зимовья к Зашиверскому и представлявшего собой потомков племени онойди (Гурвич 1966: 72; здесь И.С. Гурвич предполагает, что в этот Каменный род Зашиверского зимовья были включены еще и некие остатки шоромбойских родов. Географически это было бы вполне возможно, так как бывшие шоромба обитали в

одновременно придав этим родам юкагирскую составляющую, в XIX в. приведшую к тому, что эти роды идентифицировали себя как юкагиры и, кроме Бетильского рода, учитывались как юкагирские роды и официально (Бетильский род имел двойную, тунгусо-юкагирскую самоидентификацию, а в официальном учете значился как тунгусский).

районах Зашиверского и Подшиверского зимовий. Однако дошедшие конкретные данные о юкагирах шоромбойской территории говорят о вхождении большинства, если не всех остатков шоромба в иные административные роды, см. прим. 9 к таблицам раздела II. Таким образом, если какие-либо шоромба и в самом деле попали в состав Каменного рода Зашиверского зимовья, это должно было коснуться лишь очень немногих шоромба и не могло существенно повлиять на состав этого рода, который в целом и в этом случае оставалось бы возводить к онойди). Бетильский род наряду с исконно якутско-тунгусским компонентом включил, как известно, местный юкагирский компонент, в связи с чем в итоге пришел к юкагирской самоидентификации себя как целого и к юкагироязычию [Иохельсон 2005: 89–90] (несмотря на его официальное именование «тунгусским» и личное самоопределение ряда его членов как тунгусов [Березкин 1939: 30]); о вероятном соотношении попавших в его состав юкагиров с янга, а частично, возможно, и с олюбенцами, см. прим. 33 к таблицам раздела II. Характерно, что юкагироязычное название, которое в рамках Бетильского рода получил его юкагирский компонент – *вахахарилл*, «вагарил» (юкагирск. ‘коренные’), распространялось и на весь род [ФЮ: 16; «род Вогарил» в Юкагиры 1975: 24].

Приложение 2. Юкагирские группировки конца XIX – первой четверти XX в., их самоназвания непосредственного охвата (собственно самоназвания) и самоназвания расширенного охвата (группы включения). Под самоназванием непосредственного охвата мы подразумеваем термин этнонимического характера, которым члены некоторой общности называют саму свою общность как ее именем собственным, отличая ее под этим именем от всех прочих общностей. Например, для русских таким непосредственным самоназванием является само слово «русские», а для русского субэтноса поморов – слово «поморы». Самоназвание расширенного охвата – это этнонимический термин, которым члены некоторой этнической общности называют (тоже как именем собственным) ту общность более широкого порядка, в которую они включают свою собственную общность; соответственно, они прилагают этот термин и к себе самим, но лишь как к части указанной более широкой общности, а не в качестве собственно самоназвания (которое обозначало бы именно и только их). Для русских таким термином является, например, слово «славяне», для поморов – само слово «русские».

Аналогичным образом, например, юкагирские по самоопределению (юкагирские и эвено-юкагирские по происхождению) административные роды, обитавшие от Яны до Индигирки, имели непосредственные названия (см. материал сводной таблицы в разделе II и примечаний к ней): Каменно-Юкагирский род Верхоянского округа (каменцы), Буяксирский (Ерчинский) юкагирский род, 1-й – 2-й Кункугурские юкагирские роды (кункугурцы) и Тюгэсирский юкагирский род (сандринцы; могли включаться в число юкаги́ров-кункугурцев в юкагирском понимании), определяли себя как юкагиры, но поскольку говорили по-эвенски, а не по-юкагирски, то в качестве самоназвания расширенного охвата, обозначающего широкую этническую общность, в которую все они себя включали (то есть, фактически, юкагирскую этническую общность) прилагали к себе эвеноязычный термин *дутки* ‘удалец, молодец’ (в значении «юкагиры»), что очень близко по смыслу общенюкагирскому самоназванию *wa/одул* (‘сильные’, как объясняли слово *wa/одул* сами юкагиры). Учитывая юкагирскую самоидентификацию обсуждаемых групп, в термине *дутки* можно видеть просто перевод самоназвания *wa/одул* на эвенский язык и считать, что группы, считавшие себя юкагирскими, но говорившие при этом по-эвенски, продолжали удерживать общенюкагирское самоназвание со смыслом ‘сильные, богатыри’, но, сообразно своему эвеноязычию, уже не в его юкагирской форме, а в виде кальки на эвенский язык, как *дутки* (аналогично тому, как потомки юкагирской племенной общности *янда*, юкагирск. «гуси», после вбирания в свой состав эвенов и временного перехода на эвенский язык

созранили свое старое наименование, но употребляли его уже в переводе на эвенский язык, как *эрбэткэн*, эвенск. «гуси»⁷). При этом фактически слово *дutki* стало функционировать еще и как само- и иноназвание этнографической группы в составе Буяксирского юкагирского рода, Каменно-юкагирского рода Верхоянского округа, 1-го – 2-го Кункугурского юкагирских родов и Тюгэсирского юкагирского рода (см. прим. 2 к таблицам раздела II; эта этнографическая группа фигурирует как «тундровые аллаиховские “юкагиры”» в [Юкагиры 1975: 26–27]), хотя названные роды употребляли слово *дutki* просто в значении «юкагиры», для выражения своей юкагирской самоидентификации (но при этом, по крайней мере к середине XX в., отделяли себя как общность от нижнеколымско-алазейской общности тундренного юкагирского языка [Юкагиры 1975: 27], то есть от хангайской / алайской четырехродовой конфедерации, роды которой применяли к себе название «вадулы»⁸), а название «дutki», кроме них, применяли к себе в разное время еще и Омолойский юкагирский род⁹ [Иохельсон 1900б: 156] и эрбэткэны [Иохельсон 1900б: 155]¹⁰.

---

⁷ Когда в XIX в. эта группа вновь перешла на юкагирский язык (а именно, тундренный юкагирский), она уже не меняла форму самоназвания, и на рубеже XIX – XX вв. она сама и ее соседи продолжали употреблять его в той же эвеноязычной форме *эрбэткэн* [Иохельсон 1900: 215 с прим. 1]. Однако параллельно, как перевод этого названия на тундренный юкагирский язык вновь употребляли тундренно-юкагирскую форму *йангра*- «гуси» (со значением «Гусиный род, Гусиные люди»), и именно так задним числом стали называть эрбэткэнов носители тундренного юкагирского языка (включая потомков самих эрбэткэнов) в XX в. [ФЮ: 402–403].

⁸ Иными словами, обсуждаемая этнографическая группа фактически отличала себя под обсуждаемым наименованием *дutki* от названной общности тундренно-юкагирского языка (и, вероятно, от прочих юкагиров).

⁹ Что говорит о его существенной эвенизации по языку (очевидно, вследствие вливания в его состав эвенов) в период до перехода на якутский язык (о последнем см. Иохельсон 2005: 51, 95–96).

¹⁰ Эрбэткэны в XIX – XX вв. входили в вышеупомянутую нижнеколымско-алазейскую («зангайскую / алайскую» в широком смысле этих слов) конфедерированную общность тундренно-юкагирского языка (где в качестве надродового самоназвания употреблялся термин «вадулы»), но вошли они в нее, переселившись с запада [Иохельсон 1900б: 155–156; ср. ФЮ: 403], из-за Индигирки, и, как видно уже из их эвеноязычного названия, на момент этого переселения говорили преимущественно или только по-эвенски. Таким образом, в течение некоторого времени они тоже входили в тот этнографический юкагиро-эвенский (юкагирский по идентификации, эвенский по языку, юкагиро-эвенский по происхождению) ареал между Яной и Индигиркой, который после перемещения эрбэткэнов на запад остался представлен перечисленными выше родами этнографической группы в составе Каменно-юкагирского рода и т.д., прилагавшими к себе как надродовое название термин *дutki*. От времен своего пребывания в этом ареале эрбэткэны и удержали в XIX в. на ряд десятилетий применение к себе термина

Подчеркнем, что не всегда можно понять, имелось ли у той или иной группы юкагиров название, отличное от ее именованья в русском учете, а если имелось, то какова была взаимосвязь между этими наименованиями. Например, 2-й Алазейский юкагирский род русского учета второй половины XIX – начала XX вв. имел непосредственное родовое самоназвание *эрбэткэн* (эвенск. «гусиные»). В этом случае ясно, что название «2-й Алазейский» присвоено этому роду русским учетом совершенно независимо от его самоназваний, просто по его местообитанию в определенное время. 2-й Каменно-Ламутский род русского учета имел непосредственное самоназвание *хододьил*, которое в русских источниках XVII – XVIII вв. передается как «Ходынский род, ходынцы». Никакой связи между этими двумя наименованиями – «2-й Каменно-Ламутский» и «хододьил» – также нет. Каменно-юкагирский род Верхоянского округа по русскому учету происходит от юкагиров, известных в русских источниках XVII в. как онойди (см. раздел II, прим. 7 к таблицам), но источники конца XIX – XX вв. не фиксируют для этого рода никакого названия, в том числе самоназвания, кроме «каменцы, каменные юкагиры» (как родовое самоназвание его применяет, например, происходящий из этого рода К.Е. Кочкин в [Кочкин 2016]). Это название, естественно, заимствовано из русской терминологии, в которой к данной группе юкагиров название «каменные» (т.е. горные) применялось как русский экзотоним с XVII в.

1-й Алазейский юкагирский род (он же в некоторые периоды именовался просто «Алазейским юкагирским родом») русского учета сам себя именовал термином *алайи* из *алаа-дьи (эту исконную форму наименования, «алаадьи», удержали как обозначение рода алайи их соседи – бетильцы-хангаи, см. [Курилов 2015]). Совпадение основ русского названия рода и его юкагирского самоназвания, то есть само наличие взаимосвязи между ними, здесь очевидно, но точный характер этой взаимосвязи не вполне ясен: образован ли этноним *алаа-дьи* > *алайи* по обычной юкагирской модели «гидроним + -дьи ‘люди’» (в этом случае он значит «люди с реки Алаа... = русск. “Алазея”»¹¹, и тогда русское «Алазейский род» – просто перевод этого юкагирского этнонима); или он лишь созвучен русскому «Алазейский» и названию реки Алазея, а реальную этимологию имеет иную; или, наконец, само название Алазеи произведено от названия племени алайи (непосредственно русскими или

дутки как надродового самоназвания, хотя главным термином с таким значением для них после вхождения их в состав «хангайской» конфедерации стал применявшийся ее родами в том же качестве термин «вадулы».

¹¹ Именно так толкуется этноним *алайи* в [Иохельсон 1898: 257], где он приводится в ряду примеров обсуждаемой этнонимической модели от гидронимов на -дьи, в том числе *онмундьи* («люди реки Онмун – Колымы»), *омолондьи* («люди реки Омолон») и др.

через юкагирское производное), как предполагается в [Курилов 2015] (ср. аналогично Бурыкин 2011: 188)¹².

В некоторых случаях русское название юкагирской общности оказывается переводом его юкагирского самоназвания, причем моменты фиксации того и другого в дошедших источниках могут отстоять друг от друга на века. Так, общность верхнеколымских юкагиров именовалась в

¹² Хотя по упомянутой только что обычной этнонимической модели юкагиров племена имели названия на *-дьи* по рекам, а не реки назывались по племенам. Г.Н. Курилов предполагает, что название *алайи* = *алаа-дьи* произведено от основы **аал-* «твердый, крепкий» (отраженной в слове *аалэ(н)-* «твердая часть древесины») и означает «крепкие». Фактически это мнение оставляет допустимыми обе возможные этимологические цепочки: (I) **аал-* > этноним *алаа-дьи* (а название Алазеи образовано уже от этого этнонима либо вообще не имеет отношения к нему и его основе), как считает сам Г.Н. Курилов, и (II) **аал-* > гидроним **Ала-...* (как юкагирское название Алазеи; в этом случае река называлась бы юкагирским словом с основой, значащей «крепость, силу», что кажется нам в принципе возможным) > этноним *алаа-дьи* от этого гидронима по обычной юкагирской модели (в этом случае этноним *алаа-дьи*, дословно ‘люди реки Сильной = *Ала-...*’, благодаря значению своей основы мог бы восприниматься носителями юкагирского языка разом и как эпитет со смыслом «крепкие»). Однако зафиксированные юкагирские названия Алазеи – это *Чамадэну* (с фонетическими вариациями) ‘Большая река’ [Курилов 1999: 13, 15; Комаров 1990: 17 со ссылкой на Курилов 1968] и *Аласэй* (что практически совпадает с русским *Алазея*) – слово с неясной этимологией (в [Nikolaeva 2006: 100] предлагается его возведение к тому же корню **ала-*, что и для этнонима *алайи*; этот корень автор не считает возможным перевести и отличает от **аалэ* ‘твердая часть древесины’; в [Курилов 1999: 15] высказано мнение, что *Аласэй* является адаптацией русского гидронима «Алазея», произведенного от этнонима *алайи*, в юкагирский язык, а собственно юкагирским названием этой реки было вышеупомянутое *Чамадэну*). Этноним *алайи* / *алаа-дьи* не мог быть образован от форм *Аласэй* или *Алазея*, так как окончание этих форм в нем не отразилось. Тем самым последовательность {гидроним вида *Алазея* / *Аласэй* > этноним *алаа-дьи* *алайи*} оказывается исключенной, так что если не домысливать перед этой последовательностью еще один, нигде не зафиксированный гидроним вида *А(а)ла-...* в качестве некоего первичного юкагирского названия Алазеи, останется однозначно принимать обсуждаемое мнение Г.Н. Курилова, Н.Н. Курилова и А.А. Бурыкина, по которому этноним *алайи* / *алаа-дьи* не образован от какого-либо гидронима (вопреки мнению В.И. Иохельсона). Тогда и сами гидронимы *Алазея* и *Аласэй* проще всего будет объяснять, вслед за теми же специалистами, как производные от названного этнонима (тем более, что названия малых водных объектов, производные от того же этнонима *алайи*, известны независимо: *Алайиип Муохаткэ* ‘Алайские большие чиры’, *Алайиип-переле энмудиэ* ‘Речка, текущая по алайскому яру’, Курилов 2013: 78). Добавим, что исход русского названия «Алазея» – *-зея* – очень похож на обычные русские передачи форманта *-дьи* ‘люди’; это подкрепляет ту мысль, что русский гидроним «Алазея» образован от этнонима *алаа-дьи* и значит «аладьевская, река племени аладьи-алайи», а юкагирское «Аласэй» являлось адаптацией этого русского гидронима, в то время как исконным юкагирским названием Алазеи было *Чамадэну* ‘Большая река’.

некоторых русских документах как «верховские [колымские]» [РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 650, л.1–3], «верх ковымские юкагири» [РГАДА ф. 1777, оп. 2, ст.6, л. 24], что достаточно точно соответствует территориальным самоназваниям верхнеколымской юкагирской обзности, зафиксированным В.И. Иохельсоном – *онмунды* ‘люди р. Онмун = [Верхней] Колымы’ [Иохельсон 1898: 257] и *онмун омни* ‘народ р. Онмун = [Верхней] Колымы’ [Долгих 1960: 420]. Более поздние примеры такого соответствия – русское «Ушканский род» как эквивалент юкагирского *Чолгоро-д-омок* ‘Заячий род’; русское «Омолонский род», отвечающее юкагирскому *омолонды* ‘люди р. Омолон’ [Иохельсон 1898: 257].

Наконец, в ряде случаев русское название юкагирской или эвено-юкагирской группы является просто адаптацией его самоназвания, без перевода (таковы, например, русские наименования Омотских, Кункугурских, Тюгэсирского родов, отвечающие самоназваниям омоки, кукугиры, тугочэры).

На следующих страницах помещены таблицы, приводящие самоназвания и иноназвания разного уровня, прилагавшиеся к юкагирским (включая юкагиризированные) родам в XIX – начале XX вв. Первая таблица содержит материал по родам тундренного юкагирского языка и перешедшим на неюкагирские языки (обитали от Лены до Алазеи и левобережья Нижней Колымы), вторая таблица содержит материал по родам лесного юкагирского языка, обитавшим в бассейнах Колымы и Анадыря, включая группы, перешедшие с лесного юкагирского к началу либо в начале XX в. на русский язык (1-й Омолонский род, 1-й – 3-й Омотские роды, Анадырское юкагирское общество) и, полностью или частично, на эвенский язык (оленная часть 2-го Омолонского рода).

В первой из нижеследующих таблиц, посвященной родам, говорившим к 1900 г. на якутском, эвенском и тундренном юкагирском языках, эти роды выстроены с запада на восток, причем для части к востоку от Индигирки эрбэткэны стоят крайними слева (поскольку, независимо от своего дальнейшего местообитания, пришли из земель к западу от Индигирки), а хододьил – крайними справа (поскольку, независимо от своего дальнейшего местообитания, пришли из земель к востоку от Колымы).

Материал для заполнения таблиц приводился со ссылками выше. Знаком // помечены не подразумевающие заполнения ячейки таблицы.

Роды и группы тундры от Лены до Алазеи и левобережья Колымы

	роды тундры к западу от Индигирки				роды тундры к востоку от Индигирки, от Индигирки до Колымы			
название по русскому учету	Омолонский род	Каменно-юкагирск. род Верхоянского округа	1-й и 2-й Кункугурские юкагирск. роды, Тюгэсирский юкаг. род	Буяксирский юкаг. род	2-й Алазейский род, тж. Каменно-юкагирский (Колымск. округа)	Бетильский «тунгусский» род	1-й Алазейский род	2-й Каменно-ламутский род
собственно само-название	?	«каменные»	кункугуры, тюгэсиры	буяксиры	эрбэткэны	ваххарил; тж. хангаи (в узк. смысле)	алайи	хододьил
прилагаемые к себе названия расширенного охвата («группы включения» по самоопределению)	дutki					////////////////////////////////////		
	////////////////////////////////////	дutki (как фактическое название для этнографической общности в составе «каменного», кункугурских, тюгэсирского и буяксирского юкагирск. родов)			////////////////////////////////////			
	русск., якутск. «(дь)юкагиры»	////////////////////////////////////				вадулы (общеюкагирское самообозначение <i>wa/одул</i> 'юкагиры' в тундр. юкагирск. произношении)		
	////////////////////////////////////					хангаи (в шир. смысле) алайи (в шир. смысле) – иноназвание со стороны лесных верхнеколымских юкагиров		

Роды и группы Колымского и Анадырского бассейнов, лесного юкагирского языка

Название по русскому учету	1-й Омотский	2-й Омотский	3-й Омотский	1-й Омолонский	2-й Омолонский	3-й Омолонский	Анадырское юкагирское общество	Ушканский (= Заячий) род	Рыбников / Рыбниковский род	Нартинский/Нартенный род
	1-й Омолонский (расширенный) род = Нижнеколымское юкагирское общество				Ушканский (расширенный) род					
собственно само-название	?	?	?	?	омолонды, Омолонский Ушканский род	конгиэндьи 'люди р. Конгина'; когимэ (в суженном смысле слова)	?	Чолгоро- 'Заячий' род; чахадэндьи 'люди р. Чахадэн = Ясачной'	Анид- 'Заячий' род; чахадэндьи 'люди р. Чахадэн = Ясачной'	Мэбьид- 'Нартенный род'; хорходонды 'люди р. Коркодон'
	«Анюйский род»				Омолонцы (*омолонды), Омолонский род, Омолонский ушканский род					
прилагаемые к себе названия расширенного охвата («группы включения» по самоопределению)	одулы (общееюкагирское самообозначение <i>wa/одул</i> 'юкагиры' в лесном. юкагирск. произношении), тж. русск. юкагиры у перешедших на русский групп)									

Карта 1. Юкагирский мир и его окрестности в 1630-х - 1640-х, на момент прихода русских.

Предлагаемая карта основана на знаменитой карте расселения сибирских этногрупп, составленной Б.О. Долгих [Долгих 1960], но вносит в нее ряд уточнений. Необходимо хотя бы кратко, на отдельных примерах, пояснить возможность и оправданность таких уточнений.

Б.О. Долгих при построении своей карты использовал колоссальный массив русских документов XVII века; при его огромном объеме было неизбежно, что какие-то детали не обратят на себя внимания. Кроме того, Б.О. Долгих намеренно отказывался от проведения в Восточной Сибири (в отличие от Западной) границ как таковых – он изображает лишь основные части ареалов различных племен (как не соприкасающиеся прямо друг с другом «пятна»), не реконструируя линий смыкания племенных территорий друг с другом, то есть собственно границ. При этом точно известно, что такие границы в регионе проводились весьма детально самими племенами, нарушение их было предметом конфликтов вплоть до войны¹. Наши дополнения к карте Б.О. Долгих касаются

---

¹ Так, в челобитье Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна с товарищами [РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 650, л.1–3; опубли.: Полевой 1965], сообщается, что когда они, прибыв на Колыму, потребовали ясака от одного из вождей нижнеколымских юкагиров-омоков Аллая, тот не просто отказал, а подчеркнуто обосновал свой отказ тем, что на своей территории его племя – единственные хозяева: «И ясаку вам государева не дам, потому что то земля наша и люди те мои!» [Полевой 1965: 288]. Позднее «верховские князцы» (вожди) верхнеколымских юкагиров) Неча и его браа Каляна отвечали на требование русскими ясака: «Пошто вы в нашу землю пришли, а у нас вы не спрашивая острог ставите?!.. Какой вам с нас ясак, мы землею владеем издеса, а мы вам издеса не токмо не дадим ясак, и мы вам не дадим и из Ковымы-реки и воды пити, и в лес вас по дрова не выпустим, а мы хотим и вас к себе похолопить в своей земле!» [Полевой 1965: 288 сл.]. Как видим, и Неча с Каляной подчеркнуто опираются на свои территориальные права и нарушение пришельцами границ их «землицы». Одно из преданий алазейских юкагиров – алайи об их вожде Эдилвэе сообщает, что многие чукотские стойбища прикочевывали на территорию возглавляемого Эдилвэем сообщества, чтобы «просто (по)жить» (рядом), без войны, и по требованию своих соплеменников за одно это нарушение границ Эдилвэй вынужден был обрушиваться на этих чукоч войной, хотя сам предпочел бы решить дело миром и позволить им жить на земле алайи [ФЮ: 166–167 § 17, 168–169 § 20, 471 с прим. 20]. Тэки Одулок писал о жизни верхнеколымских лесных юкагиров конца XIX – начала XX в.: «...Самое основное, ведущее к междоусобицам [между отдельными территориальными подгруппами верхнеколымских юкагиров; Тэки Одулок называет такие подгруппы «племенами», а входящие в них группы совместного кочевания – «родами»] – вторжение племени в район чужого кочевья. Если группа родов, племя проживает в районе реки Ясачной, то вторжение туда обитателей реки Поповки или Шаманкина невысказимо (и наоборот), хотя они и являются более близкими соседями. И это вторжение в чужой район имеет последствием, кроме войны, и голодную смерть обитателей его, ибо все звери – олени

главным образом трех моментов:

– проведения собственно границ, то есть уточнение того, какой племенной ареал и где соприкасался с другим. Например, на карте Б.О. Долгих основные части ареалов алайи, шоромба, когимцев и омоков близко подходят друг к другу своими «углами» в районе Алазейского плоскогорья, а пространства между этими основными частями оставлены пустыми, тем самым делая открытым вопрос о том, какие из этих племен прямо граничили друг с другом в названном районе. Между тем сведения русских источников показывают, что между алайи и когимцами осуществлялись плотные контакты², а между шоромба и омоками контакты, насколько нам известно, не отмечены. Следовательно, можно реконструировать на карте территориальный контакт алайи и когимцев, отделяющий шоромба от омоков.

– некоторых коррекций к размещению основных частей племенных ареалов. Например, русский источник о походе Посника Иванова на шоромба сообщает, что Посник поднялся по Туостаху, потом шел землей ламутков до Индигирки, потом спустился по Индигирке и вошел с тыла (с юга) в страну шоромба: «В 147 году он, Посничко с товарищи, з дватцатью с семью человеки пошел коньми с Янги реки вверх по Толстаку реке в Юкагирскую землицу на Индигерскую реку. И шол де, государь, по Толстаку и через хребты до Индигирские вершины многими неясачными тунгусами ламутками до Индигерской реке и по Индигерской реке вниз до Юкагирской землицы [= ареал шоромба] четыре недели» [ОРМ 19: 100]. Тем самым территория ламутков простиралась до Индигирки и включала ее берег на отрезке южнее ареала шоромба

и лоси – или истребляются (понятно, в ближних местах от кочевья), или разгоняются.... Это – причины, ведущие к вражде и столкновениям внутри самой народности [верхнеколымских юкагиров – одулов] – между [ее] родами и племенами. Что касается родов или племени другой народности: коряки, ламуты, редко чукчи и якуты – то причинами, вызывающими войну, служили: 1) рассмотренное выше вторжение в район с целью истребления зверей и дичи...» [Спиридонов 1930/1996: 39]. Все эти разнородные свидетельства дают надежное представление как о наличии и важности границ у юкагирских племенных территорий, так и о причинах этой важности.

² Живущие на Алазейском плоскогорье неясачные группы шоромба и «ононги/ононзи» (эти написания, вероятно, передают этноним *онмундыи* ‘люди реки Онмун = Колымы’ – самоназвание верхнеколымских юкагиров) не пускают на верхнюю Колыму платить ясак алазейских ясачных юкагиров [РГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст.6, л.19; Д: 405]; «алазейские мужики ходят по вся годы на Ковыму реку к ковымским мужиком к пешим [= верхнеколымским лесным юкагирам] и к оленным [= нижнеколымским тундренным юкагирам] в гости» [ОРМ 31: 128]; алазейского юкагира Манзиту с родичами подозревали в том, что именно ими был убит близ Верхнеколымского зимовья Ивана Ожега с товарищами [РГАДА ф. 1777, оп. 2, ст.6, л. 17–31]; это подозрение было бы невозможно, если бы алазейцы не появлялись в районе Верхнеколымского зимовья.

(«шол... многими неясачными тунгусами ламутками до Индигерской реке и по Индигерской реке вниз до Юкагирской земли»). На карте Б.О. Долгих ареал ламутков показан без учета этого сообщения, в полном отрыве от Индигирки; мы внесли соответствующее уточнение.

Другой пример: ареал когимцев-верхнеколымцев у Б.О. Долгих не доходит до Омолона Но из русских источников, приведенных самим же Б.О. Долгих, мы знаем, что одна из групп верхнеколымских юкагиров жила при самом Омолоне [КПМЯ № 192: 241], а другая (Нвртицын род) платила ясак не в Верхнеколымском зимовье, а в Чендонском зимовье на Омолоне [Долгих 1960: 413, 423], откуда с наибольшей вероятностью следует, что эта группа тогда и жила при Омолоне. И действительно, верхнеколымская юкагирская эпическая традиция о Халандине, повествующая о событиях 1660-х – 1680-х гг., упоминает неких омолонских юкагиров как часть тогдашних верхнеколымских юкагиров (= когимэ) [Немировский, Прокопьева 2017: тексты IX: 3, 7; X: 1]. По этим и другим данным мы уточнили расположение границ при Омолоне (см. о них подробнее Немировский, Прокопьева 2017: 94–97, 144–145).

– в ряде случаев рельеф и речная сеть позволяют с достаточной вероятностью провести границу между ареалами, представленными несоприкасающимися «пятнами» их основных частей на карте Б.О. Долгих.

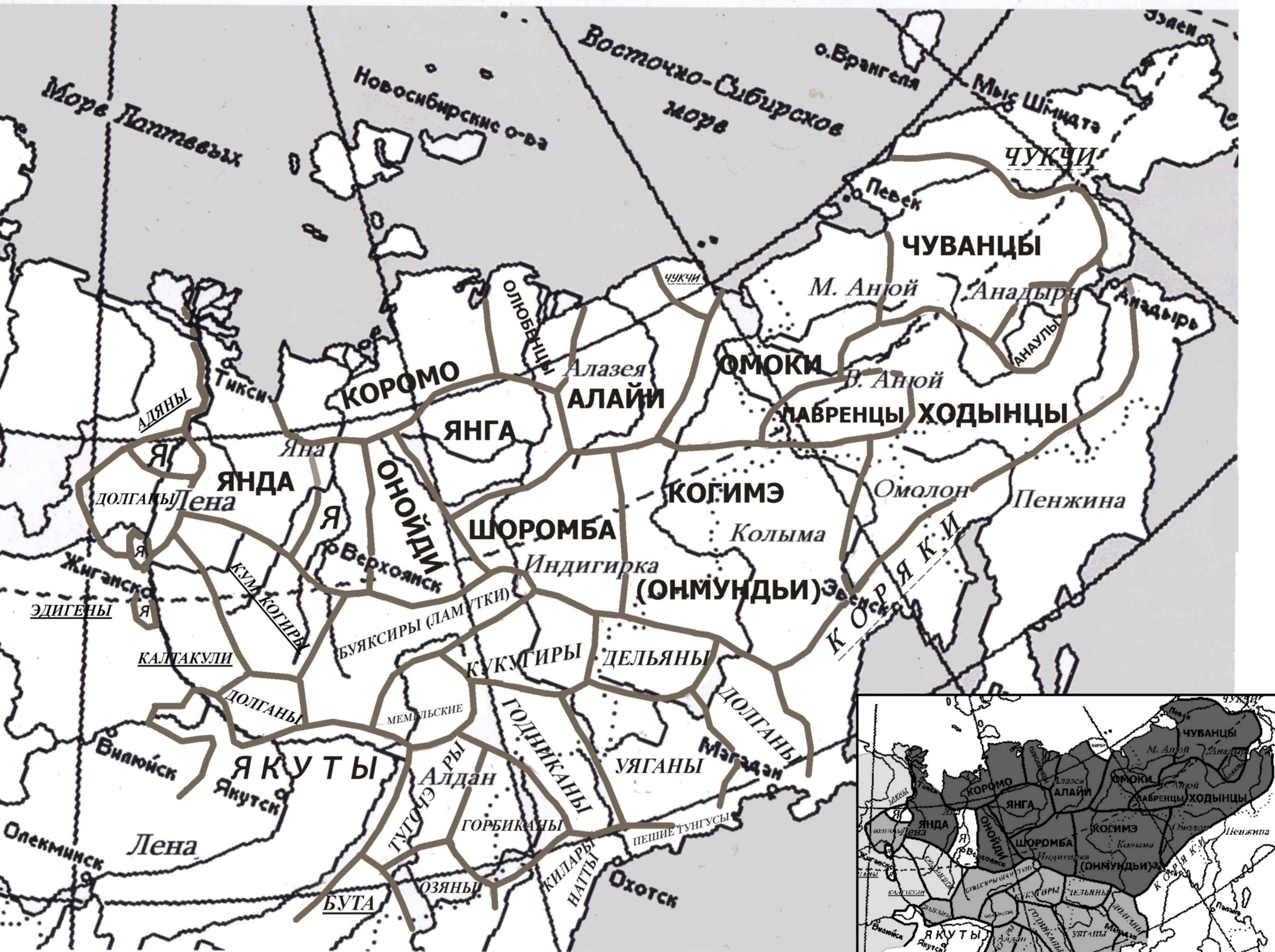
Условные обозначения на карте:

На основной карте прямым шрифтом выделены названия юкагирских племен, курсивом с подштриховкой – чукчи и коряки, курсивом с подчеркиванием – названия эвенкийских племен, курсивом без подчеркиваний – названия эвенских (ламутских) племен. На врезке темно-серой заливкой показана территория юкагирских племен, серой – эвенских, светло-серой – эвенкийских.

Буква Я обозначает анклав якутов на Лене ниже основного ареала якутов, а также на Яне.

Относительно приохотских «наттов» источник сообщает, что у них язык похож на ламутский, но не ламутский [РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 43. Л. 63–64]; таким образом, это либо группа эвенков, то ли группа эвенов с особым диалектом, наподобие арманского.

В прилагаемом электронном варианте настоящей работы карта 1 – цветная и более подробная. Условные обозначения к ней указаны в тексте электронного варианта. На карту 1 в электронном варианте нанесена также сеть путей региона (по источникам XVII – XVIII вв. и суммирующим их данные историческим картам XX – XXI вв.), синим цветом выделены юкагирские гидронимы, красным – названия юкагирских племен и их подгрупп.

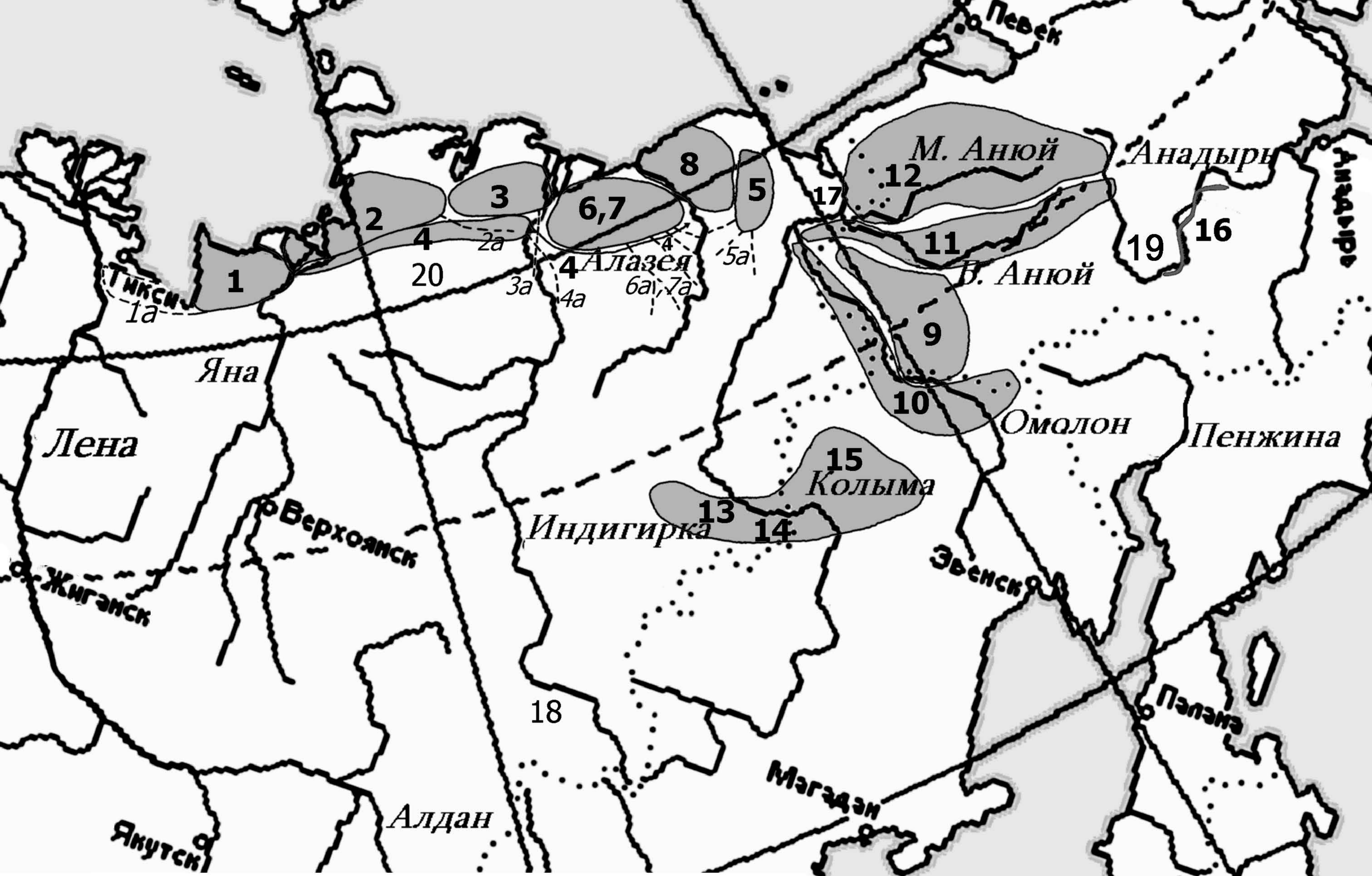
Карта 1. Юкагирский мир и его окрестности в 1630-х - 1640-х гг.

Карта 2. «Роды» юкагиров в конце XIX в. по данным В.И. Можельсона [Иожельсон 2005 = Jochelson 1926], их маршруты кочевания и их смещения в первые десятилетия XX в. по данным Н.Н. Березкина и З.В. Гоголева [Березкин 1939, Гоголев 1978]

Серой заливкой и непрерывными линиями выделены территории «родов» в конце XIX в. по В.И. Иожельсону. Пунктирными линиями и курсивными индексами с расширением *a* показаны направления смещений кочевий и распространения территории «родов» на исходе XIX – в начале XX вв. по данным Н.Н.Березкина и З.В. Гоголева (с учетом [Кочкин 2016]) сравнительно с данными В.И. Иожельсона.

- 1 Омолойский (Булунский) род; *1a* – распространение рода до Лены по Н.Н. Березкину
- 2 Каменно-юкагирский род Верхоянского округа (Усть-Янский); *2a* – его расселение к востоку с 1890-х гг.
- 3 Буюксирский (Ерчинский) род; *3a* – его расселение с 1890-х гг.
- 4 Кункугурские «юкагирские» роды и Тюгэсирский «юкагирский» роды и их кочевья до Алазеи; *4a* – их расселение с 1890-х гг.
- 5 1-й Алазейский род, алайи; *5a* – его расселение с 1890-х гг.
- 6 2-й Алазейский юкагирский род (эрбэткэны, Каменно-юкагирский род Колымского округа)
- 7 2-й Каменно-«ламутский» род, хододьил (в конце XIX в. кочевья на той же территории, что у эрбэткэнов); *6a*, *7a* – расселение эрбэткэнов и хододьил с 1890-х гг.
- 8 Бетильский «тунгусский» род (вахahariил, хангаи в узк. смысле слова)
- 9 2-й Омолонский род
- 10 1-й Омолонский род
- 11 1-й Омокский (Омотский) род
- 12 2-й и 3-й Омокские (Омотские) роды
- 13, 14, 15 – собственно Ушканский, Рыбниковский и Нартенный (вместе – расширенный Ушканский) роды
- 16 – оседлые обрусевшие юкагиры Анадыря (Анадырское юкагирское общество)
- 17 Нижнеколымское юкагирское общество (стянулось из объединенных 1-го Омолонского и 1, 2 и 3 Омотских родов, официально учитывалось как [расширенный] 1-й Омолонский род, а который были влиты 1-й – 3-й Омотские роды).
- 18 "Оймьяконский юкагирский род" по Н.Н. Березкину
- 19 чуванцы
- 20 Кункугурский и Тюгесирский «тунгусские» роды.

В прилагаемом электронном варианте настоящей работы карта 2 – цветная и более подробная. Условные обозначения к ней указаны в тексте электронного варианта.

Карта 2. "Роды" юкагиров в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения в таблице раздела II:

- 1897, И1898 = Иохельсон 1897
 1898, И1898 = Иохельсон 1898
 1900, И1900 = Иохельсон 1900
 1900б, И1900б = Иохельсон 1900б
 1926, J1926 = Jochelson 1910–1926
 2005, И2005 = Иохельсон 2005
 Б1939 = Березкин 1939.
 Г1966 = Гурвич 1966.
 Д = Долгих 1960.
 П = Патканов 1912.
 Ю = Юкагиры 1975.

Аникин А.Е. 2002. *Miscellanea jucagirica* // Гуманитарные науки в Сибири. 4: 45-48.

Аргентов А.И. 1857. Описание Николаевского Чаунского прихода // Зап. Сиб. отд. РГО. Кн. 3: 81–106.

Березкин Н.Н. 1939. Юкагиры, рукопись // Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–56.

Башарин Г.П. 2003. История аграрных отношений в Якутии. Т. 2. М.

Богораз В.Г. 1925. К вопросу о приросте северо-сибирских туземных племен (по поводу статьи Мих. Плотникова) // Северная Азия. 4: 27–29.

Богораз В.Г. 1931. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. I. Л.: 1–106.

Богораз (Тан) В.Г. 1898. Случай людоедства на р. Омолоне // Восточное обозрение. 1898. № 74, 76, 77.

Бравина Р.И., Петров Д.М. 2018. «Оленёкская хосунная эпопея» и легенды о туматах: этногенеалогия северных и виллюйских якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 1 (22), 26–35.

Бромлей Ю.В., Королев В.Д., Литаврин Г.Г. 1985. Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах (до конца XII в.) // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М.: 350–372.

Бурыкин А.А. 2000. К истории и этимологии некоторых топонимов Охотского побережья // Электронный журнал «Сибирская Заимка». 7. http://www.zaimka.ru/to_sun/burykin1.shtml

Бурыкин А.А. 2001. К определению ареала расселения юкагиров по данным ономастики (топонимики и этнонимики) // Интеграция археологических и этнографических исследований / ред. А.Г. Селезнев и

др. Нальчик; Омск: 80–82.

Бурыкин А.А. 2011. Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник [дисс.... д.и.н.]. СПб.

Бурыкин А.А. 2013. Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.

Бурова А.А. 1966. Архив князев 3-го Омолонского юкагирского рода // Доклады по этнографии. 1966. Вып. 3 Л.: 24–36.

Вагин В. 1872. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т.1. СПб.

Вдовин И.С. 1944. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII в. // Изв. ВГО. 76/5: 250–265.

Вдовин И.С. 1954. История изучения палеоазиатских языков. М.;Л.

Винокурова Л.И., Шадрин В.И. 2006. Лесные юкагиры Якутии: состояние этнической культуры // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: 75-95.

Врангель Ф.П. 1948. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 г.г. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М.

Гоголев З.В. 1978. Юкагирское население Большой Тундры в 30-е годы (Этнографические заметки) // Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Ч. 1 / Ф. А. Лукинский. Новосибирск: 133–138.

Гребенюк П.С. 2016. Вовлечение рассохинской кочевой группы эвенов в русло социалистического развития (1950–1970-е гг.) // Россия и АТР. 4 (94): 287–300.

Греков Б.Д. 1954. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн.1. М.

Гурвич И.С. 1966. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.

Гурвич И.С. 1969. Была ли известна юкагирам экзогамия? // Советская этнография. 1969. 2: 87–92.

Гурвич И.С. 1973. К вопросу об этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: 105–106.

Гурвич И.С. 1977. Героические сказания северных якутов-оленеводов и вопросы этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной // Этническая история и фольклор. М.: 86–112.

ДАИ = Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I– XII. СПб., 1846–1875.

Дионео (И.В. Шкловский) 1895. На крайнем северо-востоке Сибири. СПб.

Долгих Б.О. 1952. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник. 1. М., Л.: 5–87.

- Долгих Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.
- Едукин Е.В. 2001. Ойотунгцы из Аллаихи: историко-этнографические очерки. Якутск.
- Иванова-Унарова З.И. 2017. Отрывки из полевого дневника В.И. Иохельсона 1896 г. // Музыкальная вселенная Юрия Шейкина / О.Э. Добжанская. Якутск: 131–140.
- Иохельсон В.И. 1897. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа // Изв. ВСОИРГО. Т. XXVIII. Вып. 2: 160–165.
- Иохельсон В.И. 1898. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Изв. ИРГО. СПб.. Т. 34. Вып. 3: 255–290
- Иохельсон В.И. 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.
- Иохельсон 1900б – Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. 1900. Вып. 1-2: 151–193.
- Иохельсон В.И. 2005. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск.
- История 1957 = История Якутской АССР. Т.2. Якутия от 1630-х годов до 1917 г. М., 1957.
- Jochelson W. 1910–1926. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus. N.Y.
- Helcel A.Z. 1870. Starodawne prawa polskiego pomniki. II. Krakow.
- Комаров Ф.К. 1990. Былое расселение юкагиров по данным топонимии // Топонимика СССР. М.: 12–24.
- Кочкин К.Е. 2016. Аллаиха – земля наших предков. Якутск.
- КПМЯ = Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сб. архивных документов. Л., 1936.
- Курилов Г.Н. 1968. О некоторых юкагирских топонимах // Советское финноугроведение. 4/1. Таллин: 67–70.
- Курилов Г.Н. (Улуро Адо). 1995. Потанный смысл предназначения // Семен Курилов в воспоминаниях современников. Якутск: 128.
- Курилов Г.Н. 2015. Этимологическое значение юкагирских этнонимов *вадул* и *алайи* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 10 (52)/1: 104–106.
- Курилов Г.Н. 2020. О лексеме *хонмэрау* ‘карус’ в тундренном диалекте юкагирского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 3: 119–125.
- Курилов Н.Н. 1999. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Якутск.
- Курилов Н.Н. 2009. Я – сын последнего юкагирского шамана // Мир Севера. №5: 39–43 (тж. Литературная Россия. 2009. 16 октября. № 41)
- Курилов Ю.Г. 2013. Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии.

Якутск.

Линденау Я.И. 1983. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока <1740-е гг.>. Магадан.

Мар Н. 1973. Юкагир четыреста пятьдесят // Мар Н. Люди, которых я слышал. М.: 113–123.

Maslova E. 2001. Yukaghir Texts. Tunguso-Siberica 7. Wiesbaden.

Maslova Elena. 2003. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin – New York.

Матюшкин Ф.Ф. 1824. Извлечение из письма к Е.А. Энгельгардту // Мнемозина. Ч. 1, 172–176.

НШ = Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб., 2002.

Немировский А.А., Прокопьева П.Е. 2017. Материалы для изучения эпоса о Халандине. М.

Немировский 2019. Предание о приходе предков верхнеколымско-омолонских юкагиров на Колыму в записях Н. Н. Березкина // Фольклор палеоазиатских народов III / О. Ю. Хурьюн, Е. В. Намаконова. Южно-Сахалинск: 148–157.

Немировский 2019б = Немировский А.А. Юкагирская атрибуция древнесибирских гидронимов на –мба/мбу/мбэ и вопросы этнолингвогенеза // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. 2 (27): 51–57.

Немировский 2019в = Немировский А.А. Нерога и Нелога: еще раз об одной географической загадке в сообщениях юкагирских аманатов XVII // Сибирские исторические исследования. 2019. 3: 101–114.

Нестеров М.В. 2012. Эвены в Колымском округе: историко-этнографические данные // Якутский архив. 2: 45–54.

Nikolaeva I. 2006. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin–New York.

Nikolaeva Irina. 2008. Chuvan and Omok languages? // Evidence and Counter-Evidence: Essays in Honour of Frederik Kortlandt. Volume 2. N.Y.: 313–336.

Одулок 1933/1959 = Одулок Текки. На крайнем Севере. Якутск, 1959 (1-е изд.: Л., 1933).

ОРМ = Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. док./ Н. С. Орлова, А.В. Ефимов. М., 1951.

Патканов С.К. 1912. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т.3. СПб.

Патканов С.К. 1911. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании

первобытных племен. СПб.

Пахомов А.Е. 2008. Комитет содействия народностям северных окраин при ЯЦИК в документах НА РС(Я) (1924 – 1929 гг.) // Якутский архив. 3: 46–50.

Плужников Н.В., Шадрин В.И. 2010. Юкагиры // Народы Северо-Востока Сибири / ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М.: 636–685.

Полевой Б.П. 1965. Находка челобитья первооткрывателей Колымы // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск: 285–291.

Попов 2 = Попов Г.А. Сочинения. Т. 2. Якутск, 2006 (Юкагиры: 92–98; Омоки: 224–231).

Попов 7 = Попов Г.А. Сочинения. Т. 7. Якутск, 2016 (Одулы (юкагиры) якутского Севера в прошлом: 60–65).

Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск, 2018.

Прокопьева П.Е. 2019. Этническая самоидентификация лесных юкагиров в языке и фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 12/12: 188–192.

Прокопьева П.Е., Шадрин В.И., Прокопьева А.Е. 2011. Коркодонские юкагиры в начале XXI века // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2(3): 41–49.

Пространство 2020 = Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. 2020. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. Владивосток.

Пупынина М.Ю., Аралова Н.Б., Коряков Ю.Б.. 2020. География многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры в конце XIX – начале XX века. Часть 2. Эвенский язык. Эвены и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 1(27): 44–60.

Sauer M. 1802. An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia. L..

Семен Курилов в воспоминаниях 1995 – Семен Курилов в воспоминаниях современников. Якутск, 1995.

Силов Г. 1996. Тайна юкагирского князя. Памяти С.Н. Курилова // Полярная звезда. 2: 84–91.

Слепцов С.С. и др. 2016. Под небом Оймяконья / С.С. Слепцов. Якутск.

Соколов М. П. Якутская губерния по переписи 1917 г. Иркутск, 1922.

Спиридонов 1930/1996 = Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). 1996. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск. (1-е издание: Советский Север. 1930. 9–10, 166–214).

Сулейманов А.А. 2013. Историко-этнографические исследования Комплексной юкагирской экспедиции 1959 г. // Теория и практика

общественного развития. 2 (11): 78-81.

Сулейманов А.А. 2014. Этнографическое изучение юкагиров в первой половине XX в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 11/2 (49): 149-152.

Сулейманов А.А. 2014б. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 12: 74-78.

Сулейманов А.А. 2014в. Научное изучение юкагиров Якутии в 90-е гг. XX в. // Культура и образование. 11.

Сулейманов А.А. 2014г. Этнографическое изучение аборигенных этносов Азиатского Севера в 30-е гг. XX в. // Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения. Уфа: 248-251.

Сулейманов А.А. 2015. Научное изучение юкагиров Якутии в 50-е годы XX века // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 1: 77-86.

Сулейманов А.А. 2015б. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951-1954 гг // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 7.

Сулейманов А.А. 2016. Научное изучение эвенов Якутии в 50-е гг. XX в. // Гуманитарные научные исследования. 2: 63-70.

Сулейманов А.А. 2017. В. И. Иохельсон и научное изучение юкагиров Якутии // Вестник Омского университета. Исторические науки. 1: 170-175.

Сулейманов А.А. 2017б. Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50-80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии) // Научный диалог. 7:162-174.

Сулейманов А.А. 2018. Этническая идентичность юкагиров Якутии в научном дискурсе XIX – нач. XXI в. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2 (20): 80-90.

Сулейманов А.А. 2018б. Исследование истории, языка и культуры юкагиров Якутии в 60-е-80-е годы XX века // Научный диалог. 11: 275-288.

Сулейманов А.А. 2018в. Этнографическое изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 1960-х-1970-х гг // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2 (44): 62-70.

Трифонов А. 1872. Заметки о Нижне-Колымске // Известия Вост.-Сибирск. отд. Русск. геогр. об-ва. Т.3: 160–167.

Туголуков В.А. 1979. Кто вы, юкагиры? М.

Туголуков В.А. 1982. Эвены // Этническая история народов Севера / И.С. Гурвич. М.: 155–168.

Туголуков В.А. 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М..

Туголуков В.А. 1997. Этногенез и этническая история [эвенов] //

- История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / В.А. Тураев. СПб., 1997: 13–57.
- Филиппова В.В. 2002. К вопросу формирования населения Оймяконского улуса // Малочисленные этносы Севера Республики Саха (Якутия) глазами молодых ученых. Якутск: 43-53.
- Филиппова В.В. 2005. Расселение коренных народов Арктики в Северной Якутии // Якутский архив. 1: 102-107.
- Филиппова В.В. 2008. Реконструкция расселения юкагиров в Якутии по разновременным картам (XX в.) // V Диковские чтения. Магадан: 156–158.
- Филиппова В.В. 2008б. Расселение населения Севера Якутии в академических исследованиях 1920-1930-х гг.// Якутский архив. 3: 40-45.
- Филиппова В.В. 2009. Юкагиры Якутии: расселение и демографическая ситуация в XX в.// Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: 176–178.
- Филиппова В.В. 2010. Расселение юкагиров в Якутии (конец XIX-первая половина XX в.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 11: 78-86.
- Филиппова В.В. 2010б. Изучение расселения коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) по разновременным картам (XX век)// Языки и фольклор народов Сибири. Электронное научное издание.
- Филиппова В.В. 2010в. Расселение коренных малочисленных народов севера Якутии в конце XX в. // VI Диковские чтения. Магадан: 255-257.
- Филиппова В.В. 2012. Численность и расселение тунгусоязычного населения Якутии в 1920-1930-е гг. // Казанская наука. 3: 35-37г.
- Филиппова В.В. 2012б. Коренные малочисленные народы Севера в арктическом пространстве Якутии: геоинформационное исследование расселения в XX веке // Арктика и Север. 9: 112-117.
- Филиппова В.В. 2013. Коренные малочисленные народы Колымского региона Якутии в 1920-1930-е гг.(Геоинформационное исследование расселения) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Коломна: 537-541.
- Филиппова В.В. 2016. Расселение и динамика численности эвенского населения Якутской Колымы в XX веке // Научный диалог. 4(52): 272—285.
- Филиппова В.В. 2018. Тюгясирские эвены: численность и расселение в XX-начале XXI в. // Общество: философия, история, культура. 12(56): 141–145.
- Филиппова В.В. 2019. Локальные группы эвенов Якутии: этнолингвистическое картографирование расселения // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Якутск: 220-224.
- Филиппова В.В. 2019б. Эвены Якутии в XX веке: динамика

численности и изменения в расселении // Вестник Томского государственного университета. 447: 194–201.

Филиппова В.В., Реброва Д. 2010. Территории расселения коренных малочисленных народов севера Якутии на разновременных картах // Батуевские чтения. История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии. Улн-Удэ: 231-233.

Филиппова В.В., Саввинова А.Н. 2012. Уточнение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Якутии по разновременным картам // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Естественные науки. 2: 34–39.

Фольклор эвенков Березовки 2005 = Фольклор эвенков Березовки (образцы шедевров) / Роббек В.А. Якутск, 2005.

ФЮ = Фольклор юкагиров / Г.Н. Курилов. 2005. М., Новосибирск.

Шадрин В.И. 2010. Этнокультурное развитие юкагиров в советское и постсоветское время // Народы Северо-Востока Сибири / Батянова Е.П. и др. М.: 677-685.

Шадрин В.И. 2012. Коркодонские юкагиры в условиях общественно-экономических трансформаций XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX-начала XXI вв. Якутск: 186–193.

Шадрин В.И. 2014. Трансформация этнической идентичности юкагиров в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. 1: 9-19.

Шадрин В.И. 2016. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 4(10): 133–144.

Шенталинская Т.С. 2015. Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов // Фольклор: Ранние записи / Сост. В. М. Гацак, В. А. Бахтина. М.: 145–271.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк. 1975. Новосибирск.

ЮРС = Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. 2001. Новосибирск.

Ягловский А.Н. 2003. Арктическая Олера. Якутск.

Ягловский А.Н. 2007. Андрюшкино и андрюшкинцы. Якутск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	с. 3
I. Потестарно-территориальные сообщества («роды», «племена») юкагиров и терминология русских источников XVII – XX вв.	с. 6
§ 1. Традиционная потестарно-территориальная организация юкагиров (к моменту прихода русских и далее)	с. 6
§ 1.1. Группа совместного кочевания (= «род» в узком смысле слова)	с. 9
§ 1.2. Племена	с. 12
§ 1.3. Субплемена	с. 13
§ 1.4. Примеры трехуровневой (кочевая община = группа совместного кочевания > субплемя > племя) потестарно-территориальной структуры у юкагиров	с. 14
Таблица к § 1.4, д. Уровни потестарно-территориальной организации юкагиров	с. 26/27
§ 1.5. Конфедерации племен	с. 26
§ 2. Административные «роды» русского учета XVIII – начала XX вв.	с. 29
§ 3. Юкагирская терминология для обозначения потестарно-территориальных объединений и подразделений и их глав	с. 38
§ 3.1. Юкагирские обозначения и названия потестарно-территориальных образований	с. 38
§ 3.2. Надпотестарное понятие о юкагирской этнической общности у юкагиров XVII – начала XX вв. и его терминологическое оформление	с. 41
§ 3.3. Термины, называющие глав потестарно-территориальных сообществ у юкагиров	с. 45
II. Юкагирские административные роды второй половины XVIII – начала XX вв.: их состав, номенклатура и происхождение	с. 47

Таблицы. Именования юкагирских родов и групп конца XVIII – первой трети XX в. и краткие сведения о них	с. 52
Примечания к таблицам	с. 114

III. Приложения.

Приложение 1. Сводные краткие сведения о составе этнической общности юкагиров в XVII – XIX вв.	с. 170
--	--------

Приложение 2. Юкагирские группировки конца XIX – первой четверти XX в., их самоназвания непосредственного охвата (собственно самоназвания) и самоназвания расширенного охвата (группы включения)	с. 177
--	--------

Таблица 1 к приложению 2. Роды и группы тундры от Лены до Алазеи и левобережья Колымы	с. 182
--	--------

Таблица 2 к приложению 2. Роды и группы Колымского и Анадырского бассейнов, лесного юкагирского языка	с. 183
--	--------

Карта 1. Юкагирский мир и его окрестности в 1630-х – 1640-х, на момент прихода русских	с. 184
--	--------

Карта 2. «Роды» юкагиров в конце XIX в. по данным В.И. Иохельсона [Иохельсон 2005 = Jochelson 1926], их маршруты кочевания и их смещения в первые десятилетия XX в. по данным Н.Н. Березкина и З.В. Гоголева [Березкин 1939, Гоголев 1978]	с. 188
--	--------

Литература	с. 190
Оглавление	с. 198

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Немировский А.А. – к.и.н.,
с.н.с. Института всеобщей истории РАН, Москва;
в.н.с. НИУ ВШЭ, Москва
sidelts@inbox.ru

Научное издание

А.А. Немировский.

Юкагирские подразделения («роды») и их именованя
в конце XVIII – первой половине XX вв. –

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
22.06.2022 г.

Изд. ИВИ РАН

Отпечатано в Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru
Подписано в печать 14.12.2022. Формат 60x90/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз. Заказ 1088.